

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *С. В. Ястребовой*
Верстка *С. В. Ястребовой*

Подписано в печать 05.03.25.
Выход в свет 27.03. 25.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 16,1.
Уч.-изд. л. 13,9.
Тираж 500 экз. Заказ 73.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

**The journal is published
12 times per year**

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Philological Sciences”
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *S.V. Yastrebova*
Imposition by *S.V. Yastrebova*

Approved for printing 05.03.25.
Date of publication 27.03.25.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 16,1.
Ac.-publ. sh. 13,9.
Circulation 500 copies.
Order 73. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Шафиков С. Г.</i> Инфинитивные структуры в языках сравнения	7
--	---

ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

<i>Чжао Цихан.</i> Лексико-семантический и когнитивный анализ терминологии биомедицинской инженерии (на примере биосенсорных и биоэлектронных систем)	15
---	----

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

<i>Жабина Л. В., Карданова М. Л., Павлова М. Г.</i> Способы актуализации приема навешивания ярлыков в политическом медиапространстве	27
<i>Кондратьева О. Н.</i> Метафора как способ самоидентификации россиян в сетевом дискурсе	36

ДИСКУРСОЛОГИЯ, РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ЯЗЫКОВОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ

<i>Алецанова И. В., Сергеева О. В., Желтухина М. Р.</i> Виды и функции цитат в англоязычном цифровом медиадискурсе	46
<i>Кушнерук С. Л.</i> Речевое воздействие и миромоделирование: к вопросу о соотношении понятий в лингвистике	54
<i>Расулова М. М.</i> Творческое сознание А. Барикко	66
<i>Фомин А. Г., Якимова Н. С.</i> Феномен агрессии в языковом сознании российских студентов: опыт диахронического исследования	75
<i>Яковлев А. А.</i> Отражение учебной деятельности в языковом сознании студента	84

ЛИНГВОПРАГМАТИКА, ТЕОРИЯ ТЕКСТА

<i>Ван Цяо, Уржа А. В.</i> Операторы ввода прямой речи в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: особенности семантики и прагматики	91
---	----

ЛИНВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТОЛОГИЯ, СТИЛИСТИКА, ПАРЕМИОЛОГИЯ

<i>Годрати А., Хазаи-Кухнар С.</i> К вопросу изучения семиотики «двуглавого орла»	101
<i>Кандыбина А. В.</i> Функционально-семантические возможности трансформированных паремий русского языка: когнитивно-дискурсивный аспект	110

<i>Пасечная Л. А., Стренадюк Г. С.</i> Понятие «добро»/«добрый» как составная часть ядра лингвокультурного концепта «Мораль» в русской и немецкой картинах мира	119
<i>Файзиева Г. В., Лысикова И. В.</i> Проблематика полоролевых референций в субстандартной лексике русского и английского языков	128

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шелестюк Е. В.</i> Рецензия на книгу «Лженаука суеверий, или Расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин» сэра Томаса Брауна в переводе О. Г. Сидоровой (ISBN 978-5-7996-3750-7)	137
--	-----

CONTENTS

TYPOLOGICAL LINGUISTICS

<i>Shafikov S.G.</i> Infinitive Structures in the Languages of Contrast	7
---	---

TERMINOLOGICAL SYSTEMS

<i>Zhao Qihang.</i> Lexico-semantic and cognitive analysis of biomedical engineering terminology (using the example of biosensor and bioelectronic systems)	15
---	----

PSYCHOLINGUISTICS, LANGUAGE CONSCIOUSNESS

<i>Zhabina L. V., Kardanova M. L., Pavlova M. G.</i> The Ways of Realization of Labeling Technique in the Political Media Landscape	27
---	----

<i>Kondratyeva O. N.</i> Metaphor as a Way for Russian Self-Identification in the Online Discourse	36
--	----

DISCOURSEOLOGY, SPEECH INFLUENCE, LINGUISTIC WORLD MODELING

<i>Aleshchanova I. V., Sergeeva O. V., Zheltukhina M. R.</i> Types and Functions of Quotations in the English-Language Digital Media Discourse	46
--	----

<i>Kushneruk S. L.</i> Speech Effects Versus World-Modeling: on the Correlation of Concepts in Linguistics	54
--	----

<i>Rasulova M. M.</i> A. Baricco's Creative Mind	66
--	----

<i>Fomin A. G., Yakimova N. S.</i> The Phenomenon of Aggression in Russian Students' Linguistic Consciousness: a Diachronic Research	75
--	----

<i>Yakovlev A. A.</i> Studying Activity in the Student's Language Consciousness	84
---	----

LINGUOPRAGMATICS, TEXT THEORY

<i>Wang Qiao, Urzha A. V.</i> Direct Speech Introducers in Fyodor Dostoevsky's Novel Crime and Punishment: Semantic and Pragmatic Features	91
--	----

LINGUOCULTUROLOGY, CONCEPTOLOGY, STYLISTICS, PAREMIOLOGY

<i>Ghodrati A. Khazaei Koohpar S.</i> On the Question of Studying the Semiotics of the Double-Headed Eagle	101
--	-----

<i>Kandybina A. V.</i> Functional and Semantic Possibilities of Russian Anti-Proverbs: Cognitive and Discursive Aspect	110
--	-----

.....
.....

<i>Pasechnaya L. A., Strenadyuk G. S.</i> The Concept of “Good, Kind” as an Integral Part of the Core of the Linguocultural Concept “Morality” in the Russian And German Pictures of the World	119
<i>Fayzieva G. V., Lysikova I. V.</i> The Problems of Gender-Role References in Sub-Standard Lexis of the English and Russian Languages	128

REVIEWS

<i>Shelestyuk E. V.</i> Review of the Book “Pseudodoxia Epidemica, or Enquires into Very Many Received Tenents and Commonly Presumed Truths” By Sir Thomas Browne Translated by O. G. Sidorova (ISBN 978-5-7996-3750-7)	137
--	-----

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

TYPOLOGICAL LINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 7–14.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496):7-14.

Научная статья

УДК 81/44

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-7-14

ИНФИНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В ЯЗЫКАХ СРАВНЕНИЯ

Сагит Гайлиевич Шафиков

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Аннотация. Статья посвящена функциональной типологии инфинитивных конструкций в ряде европейских языков (английском, немецком, русском, польском, испанском, французском), что имеет важное значение для сравнительного языкознания и теории универсалий, в частности для построения типологии предложения и установления синтаксических универсалий. Методика анализа заключается в сравнении инфинитивных структур в составе выбранных индуктивным способом эквивалентных предложений конкретных языков с языком-эталоном. Репрезентация языковых структур в каждом разделе языка-эталона соответствует одному из четырех типов: 1) универсалия (инфинитив во всех репрезентациях), 2) фреквенталия (инфинитив в большей части всех репрезентаций), 3) маргиналия (инфинитив в меньшей части всех репрезентаций), 4) уникалия (инфинитив только в одной репрезентации). Критерием отбора языковых репрезентаций, представляющих эталон, служит прототип как наиболее характерный для конкретного языка способ выражения значения. Гипотезой исследования служит двуединый тезис: 1) структурный тип языка влияет на его способность к использованию инфинитивных структур; 2) использование инфинитивных структур объясняется тенденцией к компрессии текста. В целом исследование свидетельствует о значительном межязыковом сходстве в функционировании инфинитива в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения, определения. Близость к эталону определяется числом синтаксических функций инфинитива в предложении; по степени убывания этой близости языки-репрезентанты можно расположить слева направо в следующем порядке: английский → французский → испанский → немецкий → русский → польский.

Ключевые слова: аналитизм, варьирование, диффузия, инфинитив, модель, синтаксическая функция, язык сравнения, язык-эталон

Для цитирования: Шафиков С. Г. Инфинитивные структуры в языках сравнения // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 7–14. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-7-14.

Original article

INFINITIVE STRUCTURES IN THE LANGUAGES OF CONTRAST

Sagit G. Shafikov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, sagit.shafikov@yandex.ru, 0000-0003-0257-9434

Abstract. The article is devoted to a functional typology of infinitive structures in a number of European languages (English, German, Russian, Polish, Spanish and French), which is highly significant for contrastive linguistics and the theory of universals; specifically, it goes a long way to building a typology of sentence structures and establishing syntactic universals. The method of analysis is based on contrasting infinitive structures as part of inductively selected equivalent sentences of concrete languages with a language etalon. Representation of linguistic structures in each section of the language etalon corresponds to one of the four types: 1) universal (infinitive in all representations), 2) frequent (infinitive in a majority of representations), 3) marginal (infinitive in a minority of representations), 4) unique (infinitive in one representation only). The criterion of language structures representing the etalon is based on prototype as the most characteristic way of expressing meaning in a concrete language.

The hypothesis of this study consists of two indissolubly united parts: 1) the structural type of language affects its capacity for employing infinitive, 2) employing infinitive results from the tendency to compress text. In general, the research shows considerable cross-linguistic similarity in the function of the infinitive as subject, predicate, object, attribute. Affinity with the etalon is determined by a number of syntactic functions of the infinitive in a clause; according to the decrement of this proximity the contrasted languages can be arranged from left to right in the following order: English → French → Spanish → German → Russian → Polish.

Keywords: analyticity, diffusion, infinitive, model, syntactic function, language of contrast, etalon language

For citation: Shafikov SG. Infinitive Structures in the Languages of Contrast. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):7-14. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-7-14.

Введение. Изучению инфинитива посвящено множество работ, связанных, в частности, с рассмотрением его функциональной роли в предложении (см., например, [15]). Однако почти во всех работах инфинитив рассматривается либо в каком-то конкретном языке (см., например, [2]), либо в сравнении одного языка (чаще всего английского) с другим (ср., например, [8; 9; 6]), либо в сравнении нескольких близкородственных языков (ср., например, [1; 12]).

Между тем становится все более очевидной необходимость изучения функциональных возможностей инфинитива в репрезентативных группах языков, которые варьируются по степени как генетического родства, так и структурного сродства. Такое изучение несомненно вносит существенный вклад в *теорию инфинитива* в его значимых связях с частями речи, задействованными в структуре предложения.

Как известно, инфинитив является одним из наиболее спорных явлений в лингвистике в связи с диффузным характером этого вербоида, то есть с размытостью, расплывчатостью, нечеткостью содержания [5. С. 109].

Диффузия частей речи выглядит как незавершенный переход одной части речи в другую, которая становится трудно определяемой из-за взаимопроникновения признаков соответствующих категорий.

В индоевропейских языках диффузия как бы диалектически нейтрализует оппозицию таких частей речи, как имя и глагол, которые изначально «представляют собой “полярные” языковые способы категоризации универсума, определяющие языковую репрезентацию» [11. С. 186].

В результате диффузии именные формы в ходе своего развития втягиваются в систему глагола, «приобретая глагольные черты» и глагольную же сочетаемость [6. С. 115], сохраняя при этом семантику «идеи действия», по выражению А. В. Бондарко [3. С. 92].

Для современной лингвистики характерна тенденция к выявлению общих, универсальных ка-

тегорий [2. С. 3]. Поэтому изучение инфинитива как диффузного явления, обладающего «имманентной природой» [5. С. 109], особенно важно на материале множества разноструктурных языков с разной эволюционной судьбой.

Материалы и методы исследования. Типологическое сравнение структурно разных и в разной степени генетически связанных между собой языков позволяет приблизиться к масштабной разработке функциональной типологии инфинитива.

Данная статья отражает результаты проведенного исследования на материале индоевропейских языков в трех группах. Каждая группа представлена двумя генетически более близкими языками, такими как английский язык (А. Я.) и немецкий язык (Н. Я.) (германская группа), русский язык (Р. Я.) и польский язык (П. Я.) (славянская группа), испанский язык (И. Я.) и французский язык (Ф. Я.) (романская группа); при этом все языковые группы противостоят друг другу как менее близкие в отношении родства.

Фактическим материалом исследования служат эквивалентные предложения с инфинитивом в разных синтаксических функциях, которые в совокупности образуют *язык-эталон* (метаязык), связанный отношением выводимости с представляющими его *языками-репрезентантами*. Как инвариант всех конкретных языковых репрезентаций эталон позволяет «определить расстояние между реализацией типа в языке и идеальным типом» [13. С. 94].

Критерием отбора языковых репрезентаций, включенных в эталон, служит *прототип* как наиболее типичный для данного языка способ представления содержания. Из теории прототипов следует, что каждый язык характеризуется использованием прототипов в виде «лучших форм», или «центральных объектов категории», в отличие от ее «периферических объектов» [14. С. 448]. Например, перевод русского предложения *пить эту воду безопасно*, которое содержит инфинитив в функции субъекта, на английский, или немецкий, или испанский язык не требует структурного изменения; ср.: А. Я. *it is safe to drink this water =*

Н. Я. *es ist sicher, dieses Wasser zu trinken* = И. Я. (el) *beber esta agua es seguro*. Зато при переводе на польский язык инфинитив заменяется более привычным для данного языка отглагольным существительным: П. Я. *picie tej wody jest bezpieczne*.

В данном исследовании такая типичная для конкретного языка форма, которая не выражается инфинитивом, условно квалифицируется по отношению к эталону как *варьирование*. Такое варьирование может быть условно «сильным» или «слабым»; при этом «сильное варьирование» подразумевает использование вместо инфинитива лексического эквивалента в виде финитного глагола или отглагольного существительного, а «слабое варьирование» предполагает грамматический эквивалент инфинитива в виде герундия или причастия.

Репрезентация каждого раздела (каждой модели) языка-эталона языками сравнения соответствует одному из четырех типов: 1) *универсалия* (инфинитив во всех репрезентациях), 2) *фреквенталия* (инфинитив в большей части всех репрезентаций), 3) *маргиналия* (инфинитив в меньшей части всех репрезентаций), 4) *уникалия* (инфинитив только в одной репрезентации).

Используемый метаязык, как и методика исследования в целом, позволяет выявить изоморфные и алломорфные корреляции между языками сравнения и тем самым верифицировать *гипотезу исследования*, которая имеет двухчастное строение.

Первой составляющей гипотезы служит предположение о влиянии структурного типа языка, в частности, аналитической тенденции, на способность к использованию инфинитивных структур; второй составляющей гипотезы служит предположение о распространенности инфинитивных структур в связи с тенденцией к языковой экономии, которая может принимать форму «компрессии текста».

Результаты исследования и их обсуждение. Функциональная типология инфинитива, которая приводится ниже, включает три основных метаязыковых оператора, описывающих варьирование эталона: 1) = (языковая репрезентация эталонной модели с помощью инфинитива); 2) {} (репрезентация эталонной модели без помощи инфинитива); 3) → (внутриязыковой вариант).

Кроме того, представленная типология использует следующие единицы метаязыкового лексикона: A = attribute (определение), N = noun (существительное), Num-col — collective numeral (собирательное числительное), Num-ord = ordinal numeral (порядковое числительное), O = object (дополнение), O-com = complex object

(сложное дополнение – *accusativus cum infinitivo*), P = predicate (предикат — сказуемое), p = predicative (предикатив), Prn = pronoun (местоимение), S = subject — субъект (подлежащее), S-com = complex subject (сложное подлежащее — *nominativus cum infinitivo*), S-inf (инфинитив в функции субъекта), S-for = formal subject (формальный субъект), V = verb (глагол), V-aux = auxiliary verb (вспомогательный глагол), V-act = actional verb (акциональный глагол), V-mod = modal verb (модальный глагол), V-asp = aspectual verb (аспектуальный глагол), V-lin = link verb (глагол-связка), V-per-1 — perceptive verb (глагол восприятия), V-per-2 — performative verb (перформативный глагол), V-emo — emotive verb (эмотивный глагол), V-men — mental verb (ментальный глагол).

Функциональная типология инфинитива включает его основные функции в повествовательном предложении, связанные с субъектно-предикатной структурой предложения [S + P], т. е. функции подлежащего, сказуемого, дополнения и определения. Каждая модель включает информацию о форме репрезентации эталона языками сравнения.

Функция подлежащего (субъекта) (S-inf):

1. Модель с субъектным инфинитивом [S-inf + P]: фреквенталия (сильное варьирование: П. Я.); ср.: А. Я. *to smoke is harmful* = Н. Я. *rauchen ist schädlich* = Р. Я. *курить вредно* {= П. Я. *palenie jest szkodliwe*} = И. Я. *fumar es dañino* = Ф. Я. *fumer est nocif*.

2. Модель с формальным субъектом перед субъектным инфинитивом [P (S-for + p) + S-inf]: фреквенталия (сильное варьирование: Р. Я., П. Я.); ср.: А. Я. *it is harmful to smoke* → *to smoke is harmful* = Н. Я. *es ist schädlich zu rauchen* → *rauchen ist schädlich* {= Р. Я. *курить вредно* → *вредно курить*} {= П. Я. *palenie jest szkodliwe* → *szkodliwe palenie*} = И. Я. *es perjudicial fumar* → (el) *fumar es perjudicial* = Ф. Я. *c'est nocif de fumer* → *fumer est nocif*.

3. Модель со сложным подлежащим [S-com (N + V-inf) + P(V-per)]: маргиналия (сильное варьирование: Н. Я., Р. Я., П. Я.); ср.: А. Я. *he seemed to know about it* = {= Н. Я. *es schien, dass er davon wusste*} {= Р. Я. *казалось, что он знал об этом*} {= П. Я. *wydawało się, że (on) o tym wiedział*} = И. Я. (el) *parecía saberlo* = Ф. Я. *il semblait le savoir*.

Функция сказуемого (предиката) (P-inf):

1. Модель со вспомогательным глаголом [P (V-aux + V-inf)]: универсалия (слабое варьирование: П. Я., И. Я., Ф. Я.); ср.: А. Я. *I shall draw your portrait* = Н. Я. *ich werde dein Porträt zeichnen* = Р. Я. (я) *буду рисовать твой портрет* {= П. Я. (ja)

będe malował twój portret } = И. Я. *(yo) voy a pintar tu retrato* } = Ф. Я. *je vais peindre ton portrait* }.

2. Модель с модальным глаголом [P (V-mod + V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *Passengers should check in at the airport 30 minutes before take-off* = Н. Я. *Passagiere müssen sich 30 Minuten vor dem Start anmelden* = Р. Я. *пассажиры должны зарегистрироваться за 30 минут до взлета* = П. Я. *pasazerowie muszą dokonać odprawy 30 minut przed startem* = И. Я. *los pasajeros deben registrarse 30 minutos antes del despegue* = Ф. Я. *les passagers doivent s'enregistrer 30 minutes avant le décollage*.

3. Модель с аспектуальным глаголом (составное глагольное сказуемое с фазовой характеристикой действия) [P (V-asp + V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *The whole building suddenly began to shake* = Н. Я. *das ganze Gebäude begann plötzlich zu zittern* = Р. Я. *все здание вдруг начало трястись* = П. Я. *cały budynek nagle zaczął się trząść* = И. Я. *todo el edificio de repente comenzó a temblar* = Ф. Я. *tout le bâtiment a soudainement commencé à trembler*.

4. Модель с глаголом-связкой (составное именное сказуемое) [P (V-lin + V-inf)]: фреквенталия (сильное варьирование: П. Я.); ср.: А. Я. *his only desire is to work* = Н. Я. *sein einziger Wunsch ist es zu arbeiten* = Р. Я. *его единственное желание — работать (= работа)* } = П. Я. *jego jedynym pragnieniem jest praca* } = И. Я. *su único deseo es trabajar* = Ф. Я. *son seul désir est de travailler*.

Функция дополнения (объектный инфинитив) [O (V-inf)].

1. Модель с перцептивным глаголом (глаголом физического восприятия) [P (V-per-1) + O (V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *The policeman wanted to see my driving licence* = Н. Я. *der Polizist wollte meinen Führerschein sehen* = Р. Я. *полицейский захотел увидеть мои водительские права* = П. Я. *policjant chciał zobaczyć moje prawo jazdy* = И. Я. *el policía quería ver mi licencia de conducir* = Ф. Я. *le policier voulait voir mon permis de conduire*.

2. Модель с перформативным глаголом (обещание, приглашение, извинение, предсказание, предупреждение, настаивание, запрет) [P (V-per-2) + O (V-inf)]: фреквенталия (сильное варьирование: П. Я.); ср.: А. Я. *my brother promised to help me find a job* = Н. Я. *mein Bruder hat mir versprochen, bei der Arbeit zu helfen* = Р. Я. *мой брат обещал мне помочь с работой* = П. Я. *mój brat obiecał mi pomóc z urzędzeniem do pracy* } = И. Я. *mi hermano me prometió ayuda con el dispositivo para el trabajo* } = Ф. Я. *mon frère m'a promis de m'aider avec l'appareil au travail*. Сильное

варьирование эталонной структуры наблюдается в испанском языке за счет замены инфинитива эквивалентным существительным.

3. Модель с эмотивным глаголом (желание/нежелание, приязнь/неприязнь) [P (V-emo) + O (V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *I can't bear to get up early in the morning* = Н. Я. *ich hasse es, früh am Morgen aufzustehen* = Р. Я. *(я) ненавижу вставать рано утром* = П. Я. *nienawidzę wstawać wcześniej rano* = И. Я. *odio levantarme temprano en la mañana* = Ф. Я. *je déteste me lever tôt le matin*.

4. Модель с глаголом ментального содержания (вспоминание, удержание в памяти, забывание) [P (V-men) + O (V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *don't forget to switch off the light in the bathroom* = Н. Я. *vergiss nicht, das Licht im Badezimmer auszuschalten* = Р. Я. *не забудь выключить свет в ванной* = П. Я. *nie zapomnij wyłączyć światła w łazience* = И. Я. *no te olvides de apagar la luz del baño* = Ф. Я. *n'oublie pas d'éteindre les lumières de la salle de bain*.

5. Модель со сложным дополнением (желание, чувственное восприятие, умственная деятельность) [O-com (N/Prn) + V-inf]; ср. примеры с глаголами чувственного восприятия: фреквенталия (сильное варьирование: Р. Я., П. Я.) А. Я. *he saw a bus come* = Н. Я. *er sah den Bus kommen* } = Р. Я. *он видел, как приехал автобус* } = П. Я. *(on) widział, jak przyjechał autobus* } = И. Я. *vio llegar el autobús* = Ф. Я. *il a vu le bus arriver*.

Функция определения (атрибутивный инфинитив) [A (V-inf)]:

1. Модель с определением к существительному [N + A (V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *he has a chance to defeat his rival* = Н. Я. *er hat die Chance, seinen Rivalen zu besiegen* = Р. Я. *у него есть шанс победить своего соперника* = П. Я. *ma szansę pokonać swojego rywala* = И. Я. *tiene la oportunidad de vencer a su rival* = Ф. Я. *il a une chance de vaincre son adversaire*.

2. Модель с определением к местоимению [Prn + A (V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *would you like something to eat?* = Н. Я. *möchtest du etwas essen?* = Р. Я. *тебе хочется что-нибудь поесть?* = П. Я. *chciałbyś coś zjeść* = И. Я. *¿quieres comer algo?* = Ф. Я. *veux-tu manger quelque chose?*

3. Модель с определением к порядковому числительному [Num-ord + A (V-inf)]: фреквенталия (сильное варьирование: Р. Я., П. Я.); ср.: А. Я. *if there is any news, you will be the first to know* = Н. Я. *wenn es Neuigkeiten gibt, wirst du es zuerst erfahren* } = Р. Я. *если появится какая-то новость, ты первый об этом узнаешь* } = П. Я. *jeśli pojawi*

się jakaś wiadomość, najpierw się o tym dowiesz} = И. Я. *si hay alguna noticia, eres el primero en saberlo* = Ф. Я. *s'il y a des nouvelles, tu es le premier à le savoir*. Сильное варьирование эталонной структуры наблюдается в славянских языках за счет использования личной формы глагола.

4. Модель с определением к собирательному числительному [Num-col + A (V-inf)]: универсалия; ср.: А. Я. *there was much to do on that day* = Н. Я. *viel musste an diesem Tag getan werden* = Р. Я. *много надо было сделать в тот день* = П. Я. *wiele trzeba było zrobić tego dnia* = И. Я. *había mucho que hacer ese día* = Ф. Я. *il y avait beaucoup à faire ce jour-là*.

Заключение. В табл. 1 приводятся результаты типологического исследования инфинитива в простом повествовательном предложении на материале рассмотренных синтаксических функций (16 моделей) в языках сравнения.

Принимая полное соответствие эталону <+> за один балл, соответствие со слабым варьированием <(+)> за полбалла, соответствие с сильным варьированием <(-)> за нулевой балл, языки-репрезентанты можно расположить следующим образом по степени близости к эталону: А. Я. (16) → Ф. Я. (15,5) → Н. Я. (15) → И. Я. (14,5) → Р. Я. (12) → П. Я. (9,5). Таким образом, английский язык, который стоит ближе всех к эталону, вместе с польским языком, который стоит дальше всех от него, соответствуют экстремально высо-

кому и экстремально низкому градиентам на соответствующей градуальной шкале; прочие языки сравнения располагаются между экстремальными градиентами.

Исчисление типов языковой репрезентации исходя из соотношения числа межъязыковых соответствий эталону и числа моделей (без учета слабого варьирования) позволяет выявить процентный индекс каждого типа; так, наблюдается превалирование универсалий (9/16 ≈ 56,25 %); далее по степени убывания встречаемости следуют фреквенталии (6/16 ≈ 37,5 %) и маргиналии (1/16 ≈ 6,25 %).

Все языки, включая языки сравнения, различаются способом выражения грамматического значения, что предположительно влияет на использование неличных форм глагола, таких как инфинитив. Проблема в том, что этот способ не позволяет жестко делить языки на синтетические и аналитические, поэтому можно говорить лишь об определенной тенденции к тому или иному типу, тем более, что количественный критерий оказывается достаточно зыбким.

Как известно, индекс Дж. Гринберга (M/W) позволяет различать синтетические и аналитические языки в зависимости от соотношения числа морфем (M) и слов (W) в тексте; так, модуль менее 2 указывает на аналитизм, а модуль более 2 на синтетизм [4]. Однако в применении к одному и тому же языку индекс варьируется у разных

Таблица 1

Table 1

Синтаксическая типология инфинитива в языках-репрезентантах

Функция	Модель	А. Я.	Н. Я.	Р. Я.	П. Я.	И. Я.	Ф. Я.
S (подлежащее)	1. [S-inf + P]:	+	+	+	-	+	+
	2. [P (S-for + p) + S-inf]	+	+	-	-	+	+
	3. [S-com (N + V-inf) + P(V-per)]	+	-	-	-	+	+
P (сказуемое)	1. [P (V-aux + V-inf)]	+	+	+	(+)	(+)	(+)
	2. [P (V-mod + V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	3. [P (V-asp + V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	4. [P (V-lin + V-inf)]	+	+	+	-	+	+
O (дополнение)	1. [P (V-per-1) + O (V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	2. [P (V-per-2) + O (V-inf)]	+	+	+	+	-	+
	3. [P (V-emo) + O (V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	4. [P (V-men) + O (V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	5. [O-com (N/Prn) + V-inf]	+	+	-	-	+	+
A (определение)	1. [N + A (V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	2. [Prn + A (V-inf)]	+	+	+	+	+	+
	3. [Num-ord + A (V-inf)]	+	+	-	-	+	+
	4. [Num-col + A (V-inf)]	+	+	+	+	+	+

исследователей, в частности, по русскому языку в диапазоне от 1,9 до 2,33–2,45, по английскому языку в диапазоне от 1,60–1,62 (в статье Гринберга) до 1,62–1,68 (в статье Решетниковой – Савиновой) [10], по немецкому языку в диапазоне от 1,90–1,92 (в статье Дж. Гринберга) до 1,48 (в коллективной статье) [16]. Кроме того, сравнение индексов в разных языках может противоречить известным языковым данным; так, индекс немецкого языка (1,48) указывает на более сильную тенденцию к аналитизму в этом языке по сравнению с индексом английского языка (1,62), что вызывает большое сомнение.

В силу вышесказанного можно полагать, что большая часть языков-репрезентантов, представляющих германскую и романскую группы, характеризуется аналитической тенденцией (английский, французский, испанский, немецкий), в то время как меньшая часть языков, представляющих славянскую группу, характеризуется синтетической тенденцией (русский, польский).

В целом наблюдается более широкий диапазон использования инфинитива в английском, французском и испанском языках, а также (отчасти) в немецком языке в отличие от русского и польского языков.

Вероятным фактором распространения инфинитивных структур может служить компрессия текста, что означает сжатие его «до пределов минимальной избыточности, достаточной для адекватного восприятия» [7. С. 128]. Компрессия может использоваться на любом уровне языковой структуры.

В частности, на синтаксическом уровне компрессия как свертывание высказывания характеризует замену придаточного предложения инфинитивной структурой в виде сложного дополнения или сложного подлежащего. При этом компрессионные модели в силу своей специфичности относятся к уникалиям благодаря широкому использованию различных идиоматических конструкций, которые обычно относятся к уникалиям; ср., например, следующие предложения с идиоматическими выражениями в аналитических языках: А. Я. [V-used + V-inf]: *he used to play the piano in the evening* «бывало, он играл на фортепьяно по вечерам», [V-have + Prn + V-do]: *they have nothing to do with that incident* «они не имеют никакого отношения к этому случаю» и т. д., И. Я. [V-finish + V-inf] *ella acaba de llamarme* «она мне звонила прямо сейчас», [V-ir + V-inf] *voy a invitar a mis padres* «я приглашу своих родителей»; Ф.Я. [S-for-on + V-inf]: *on vient de rentrer*, [V-venir

+ V-inf]: *vous venez de le demander* «вы только что спросили об этом»; Н. Я. [Prn-darauf + V-inf]: *er freut sich darauf, bald nach Hause zu fahren* «он радуется, что скоро поедет домой», [S + P (V-inf)]: *an der Grenze sind die Pässe vorzuzeigen* «на границе необходимо предъявлять паспорта».

Резюмируя, можно заключить следующее.

1. Сходство между языками сравнения проявляется в большей степени в функциях инфинитива в качестве сказуемого, дополнения, определения и в меньшей степени в функции подлежащего.

2. Межъязыковое сходство в использовании инфинитивных структур объясняется не столько генетическим родством языков, сколько их структурным сродством, которое отличает языки с явной аналитической тенденцией (английский, французский, испанский) от языков с синтетической тенденцией, к которым относятся польский язык (в наибольшей степени), русский язык (в меньшей степени), немецкий язык (в еще меньшей степени). Таким образом подтверждается, по крайней мере частично, первая составляющая гипотезы о корреляции между структурным типом языка и распространенностью инфинитивных конструкций.

3. Общая близость к эталону определяется количественным маркером, равным числу синтаксических функций инфинитива в предложении; по степени убывания близости к эталону языки-репрезентанты можно расположить слева направо в следующем порядке: английский → французский → испанский → немецкий → русский → польский. Таким образом, наиболее близким к эталону оказывается английский язык, а самым удаленным от него польский язык.

4. В таких языках как английский, французский, испанский в большей степени проявляется компрессия текста, связанная с тенденцией к трансформации сложных синтаксических структур более простым способом выражения с помощью инфинитива или герундия. Таким образом, подтверждается вторая составляющая гипотезы исследования.

5. Главными моделями синтаксической компрессии служат сложное дополнение (complex object) и сложное подлежащее (complex subject), а также иные инфинитивные структуры, имеющие лингвоспецифический характер; все эти структуры в наибольшей степени характерны для английского языка.

6. Для компрессии текста определенное значение имеет происхождение языков; так, инфинитивные структуры в наибольшей степени харак-

теризуют языки германской и романской групп европейских языков, в то время как славянские языки (русский и польский) в значительной сте-

пени отдают предпочтение придаточным предложениям с личной формой глагола вместо более компрессионных форм с инфинитивом.

Список источников

1. Балута А. А. Инфинитив в итальянских и романских языках: типологический обзор. М.: Филология. 2019. С. 42–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infinitiv-v-italiyskikh-i-romanskih-yazykah-tipologicheskii-obzor?ysclid=luo5tn33s2432983928> (дата обращения 15.05.2024).
2. Бойко А. А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ленинград: [б.и.], 1983. 31 с.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
4. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.
5. Леонтьева А. В. Идея диффузности в лингвистической научной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43). С. 108–110. URL: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/28.html (дата обращения 15.05.2024).
6. Мельдианова А. В. Проблема передачи неличных форм глагола в современном английском языке и перевода их с английского языка на русский (на материале английских авиационных текстов) // Научный диалог. 2018. № 4. С. 113–123.
7. Мкртчян Т. Ю., Борисенко В. А. Инфинитивные предикативные конструкции как средство языковой компрессии в современном английском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 128–132.
8. Молчанова С. Е. Специфика употребления инфинитива в современных английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (3). С. 130–132.
9. Мухортова И. И. Функционально-семантические особенности английских и русских инфинитивов в банковских и медицинских инструкциях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 28 с.
10. Решетникова Н. Д., Савинова А. О. Языки аналитические и синтетические // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). С. 873–877. URL: <https://moluch.ru/archive/59/8466/> (дата обращения 15.05.2024).
11. Турбина О. А. Системный потенциал инфинитива и его реализация в речи // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 183–193. URL: <https://moluch.ru/archive/59/8466/> (дата обращения 15.05.2024).
12. Флидрова Г. К инфинитивному предикату в русском языке в сопоставлении с чешским // *Rossica Olomucensia LIII: Sborník příspěvků z mezinárodní conference XXII. Olomoucké dny rusistů* (04.–06.09. 2013). Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2014. S.187–191.
13. Шафиков С. Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. 224 с.
14. Шафиков С. Г. Местоименно-глагольные конструкции в европейских языках // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 6. С. 447–472.
15. Шелякин М. А. Русский инфинитив (морфология и функции). М.: Флинта, 2006. 160 с.
16. Baghana Zh., Bondarenko E. V., Perkova A. A., Shirulina E. N. Modern High German Language Morphology Development // *Science and Education* 2013. V. 1. P. 359–362.

References

1. Baluta AA. Infinitiv v italiyskikh i romanskikh yazikakh: tipologicheskii obzor = The Infinitive in Italic and Romanic Languages: A Typological Survey. *Filologiya = Philology*. 2019. pp. 42-48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/infinitiv-v-italiyskikh-i-romanskih-yazykah-tipologicheskii-obzor?ysclid=luo5tn33s2432983928> (accessed 15.05.2024). (in Russ.).
2. Boiko AA. The Use of the Verb Aspect Forms Expressed by the Infinitive in Modern Russian: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Leningrad, 1983. 31 p. (in Russ.).
3. Bondarko AV. Teoria morfologicheskikh kategoriy = A Theory of Morphological Categories. Leningrad. 1976. 255 p. (in Russ.).
4. Grinberg J. Kvantitativniy podkhod k morfologicheskoi tipologii = A Quantitative Approach to Morphological Typology. *Novoye v lingvistike = New Trends in Linguistics*. 1963 (3). pp. 60-94. (in Russ.).

5. Leontyeva AV. Ideya diffuznosti v lingvisticheskoi nauchnoi srede = The Idea of Diffusiveness in Linguistic Research. *Filologicheskiye nauki: voprosi teorii i praktiki = Philological Studies: Problems of Theory and Practice*. 2015;(1(43):108-110. Available at: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/28.html (accessed 15.05.2024). (in Russ.).
6. Meldianova AV. Problema peredachi nelichnikh form glagola v sovremennom angliyskom yazike i perevoda ikh s angliyskogo yazika na russkiy (na materiale angliyskikh aviatsionnikh tekstov) = The Problem of Representation of Non-finite Verb Forms in Modern English and their Translation into Russian (Based on English Aviation Texts). *Nauchni dialog = Scientific Dialogue*. 2018;(4):113-123. (in Russ.).
7. Mkrtychyan TU, Borisenko VA. Infinitivniye predikativniye konstruksii kak sredstvo yazikovoi kompressii v sovremennom angliyskom yazike = Predicative Structures with the Infinitive as a Means of Speech Compression in Modern English. *Baltiyskiy gumanitarniy zhurnal = The Baltic Humanitarian Journal*. 2017.;6(4(21):128-132. (in Russ.).
8. Molchanova SE. Spetsifika upotrebleniya infinitiva v sovremennikh angliyskom i russkom jazikakh = Some Specific Functions of the Infinitive in Modern English and Russian. *Filologicheskiye nauki: voprosi teorii i praktiki = Philological Studies: Problems of Theory and Practice*. 2016;(9(3):130-132. (in Russ.).
9. Mukhortova II. Functional and Semantic Peculiarities of the English and Russian Infinitive Based on Instructions in the Banking and Medical Spheres: abstr. thesis Cand. Sci. Moscow, 2021. 28 p. (in Russ.).
10. Reshetnikova ND, Savinova, AO. Yaziki analiticheskiye i sinteticheskiye = Analytical and Synthetic Languages. *Molodoi uchoniy = The Young Scientist*. 2013;(12(59):873-877. Available at: <https://moluch.ru/archive/59/8466/> (accessed 15.05.2024). (in Russ.).
11. Turbina OA. Sistemniy potentsial infinitiva i yego realizatsiya v rechi = Systemic Potential of the Infinitive and its Actualization in Speech. *Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: slovar, diskurs, korpus = Theoretical Semantics and Ideographic Lexicography: Vocabulary. Discourse. Corpus*. 2019. pp.183-193. Available at: <https://moluch.ru/archive/59/8466/> (accessed 15.05.2024). (in Russ.).
12. Flidrova G. K infinitivnomu predikatu v russkom yazike v sopostavlenii s cheshskim = A Contrastive Study of the Infinitive Predicate in Russian and Check. *Rossica Olomucensia LIII: Sborník příspěvků z mezinárodní conference XXII. Olomoucké dny rusistů. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci*. 2014. pp.187-191. (in Czech).
13. Shafikov SG. Tipologiya lexicheskikh system i lexiko-semanticheskikh universalii = A Typology of Lexical Systems and Semantic Universals in Lexis. Ufa. 2004. pp. 224 p. (in Russ.).
14. Shafikov SG. Mestoimenno-glagolnye konstruksii v yevropeiskikh yazikakh = Pronoun-and-verb Structures in European Languages. *Dokladi bashkirskogo universiteta = Papers of the Bashkir University*. 2022;7(6):447-472. (in Russ.).
15. Shelakin MA. Russkiy infinitiv (morfologiya i funktsii) = The Russian Infinitive (Morphology and Functions). Moscow. 2006, 160 p.
16. Baghana Zh, Bondarenko EV, Perkova AA., Shirлина EN. Modern High German Language Morphology Development. *Science and Education*. 2013;1:359-362.

Информация об авторе

С. Г. Шафиков — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Information about the author

S. G. Shafikov — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the English Language and Cross-Cultural Communication.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕРМИНОСИСТЕМЫ TERMINOLOGICAL SYSTEMS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 15–26.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496)):15-26.

Научная статья

УДК 81'373

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-15-26

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ БИМЕДИЦИНСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ БИОСЕНСОРНЫХ И БИОЭЛЕКТРОННЫХ СИСТЕМ)

Цихан Чжао

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, st067961@student.spbu.ru,

SPIN-код: 3492-1186, ORCID: 0000-0001-6011-100X, researcher ID: GWM-4353-2022

Аннотация. Данная статья посвящена структурированию терминосистемы биомедицинской инженерии в русском языке на фоне английского и китайского языков способом лексико-семантического и когнитивного анализа. Рассматриваются термины тематической подгруппы «Биосенсорные и биоэлектронные системы» как фрагмента терминосистемы биомедицинской инженерии; они перечисляются на трех языках; указываются фонетические транскрипции китайских аналогов; составы данной подгруппы систематизируются по лексико-семантическим особенностям; логическая структура подгруппы организуется на основании когнитивного анализа способом фреймового моделирования, показывается фреймовую схему; каждый термин индексифицируется в соответствии с его местом в терминосистеме. Результаты исследования позволяют делать выводы о том, что, во-первых, терминосистема биомедицинской инженерии системна на двух уровнях — лексико-терминологическом и логично-понятийном; во-вторых, лексико-семантический подход к исследованию структуры терминосистемы показывает внутренние системные отношения между составляющими терминами как лексическими единицами, а когнитивный подход рассматривает термины как языковые воплощения научных концептов в данной области, следовательно, применение данных двух подходов при структурировании терминосистемы позволяет представлять более полную информацию о взаимоотношении терминов, взаимодополняя друг друга; в-третьих, результат исследования представляет собой важный составляющий фрагмент терминологического словаря по биомедицинской инженерии.

Ключевые слова: термин, терминосистема, лексико-семантический подход, когнитивный подход, фреймовое моделирование

Для цитирования: Чжао Цихан. Лексико-семантический и когнитивный анализ терминологии биомедицинской инженерии (на примере биосенсорных и биоэлектронных систем) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 15–26. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-15-26.

Original article

LEXICO-SEMANTIC AND COGNITIVE ANALYSIS OF BIOMEDICAL ENGINEERING TERMINOLOGY (USING THE EXAMPLE OF BIOSENSOR AND BIOELECTRONIC SYSTEMS)

Qihang Zhao

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, st067961@student.spbu.ru, SPIN-код: 3492-1186,
ORCID: 0000-0001-6011-100X, researcher ID: GWM-4353-2022

Abstract. This article is devoted to the structuring the term system of biomedical engineering in Russian, English and Chinese by lexico-semantic and cognitive analysis. The terms of the thematic subgroup «Biosensor and bioelectronic systems» as a part of the term system of biomedical engineering are considered; they are listed in three languages (in Russian, English and Chinese); their Chinese phonetic transcriptions are shown after Chinese analogues; the compositions of this subgroup are systematized according to their lexico-semantic features, the internal hierarchical structure is presented in the scheme; its logical structure is organized on the basis of cognitive analysis by the method of frame modeling, the frame scheme clearly reflects the relationship between scientific concepts represented by the corresponding terms; each term is indexed according to its place in the term system. The results of the study allow us to conclude that, firstly, the term system of biomedical engineering is systemic on two levels: lexico-terminological and logico-conceptual; secondly, the lexico-semantic approach to the study of the term system's structure shows the internal system relations between the constituent terms as lexical units, and the cognitive approach considers the terms as linguistic embodiments of scientific concepts in this area, therefore, using these two approaches to structuring the term system allows us to provide more complete information about the relationship between terms, complementing each other; thirdly, the result of the study is an important part of the terminological dictionary of biomedical engineering.

Keywords: term, term system, lexico-semantic approach, cognitive approach, frame modeling

For citation: Zhao Qihang. Lexico-Semantic and Cognitive Analysis of Biomedical Engineering Terminology (Using the Example of Biosensor and Bioelectronic Systems). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):15-26. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-15-26.

Введение

Следствием современного научно-технического прогресса и появления новых научных дисциплин и концепций стало значительное увеличение числа терминов, что обусловило важность их исследования. Объектом этого анализа становится терминологическая единица. Под термином понимается «слово или словосочетание, имеющее дефиницию и обозначающее определенное понятие или объект в конкретной области знаний или сферы деятельности» [Яковлева 2014: 91]. Это определение указывает на тесную взаимосвязь между изучением терминов и специфическими знаниями в конкретных научных областях.

В современные быстро развивающиеся молодые научные дисциплины входит биомедицинская инженерия (далее БМИ). Как справедливо замечает З. М. Юлдашев, БМИ на настоящий момент уже стала «основой новых научных достижений России» [Юлдашев 2014: 2]. Однако, несмотря на то, что терминосистема БМИ уже сформировалась во время ее быстрого развития, отсутствуют исследования, касающиеся организации и систематизации ее терминов в русском языке на фоне иностранных языков, а также не существует на настоящий мо-

мент многоязычного словаря терминов БМИ, который необходим не только для обучения языку специальности в технических университетах России, но и для обмена информацией в международных исследованиях, а также для стимулирования расширения круга международного сотрудничества в области БМИ.

Все вышесказанные обуславливают актуальность данного исследования.

Цель статьи — классифицировать и структурировать терминосистему БМИ в русском языке способом лексико-семантического и когнитивного анализа на фоне английского и китайского языков. В качестве предмета исследования выступает семантическая и логическая специфичность терминов тематической подгруппы «Биосенсорные и биоэлектронные системы» как фрагмента терминосистемы БМИ в трех языках.

Материал и методы исследования

Материалом анализа послужили 35 терминов, отобранных из русских учебных пособий «Основы биосенсорики»¹ и «Биомедицинская инженерия:

¹ Евтюгин Г. А., Будников Г. К., Стойкова Е. Е. Основы биосенсорики. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 84 с.

проблемы и перспективы»², двух выпусков журнала «Современные вопросы биомедицины» в 2023 г. и сборника материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ–2021» и «Наука СПбГУ–2022». Английские аналоги отобраны из учебника «Biosensors: An Introductory Textbook»³ и словаря «Encyclopedia of Biomedical Engineering»⁴ [Narayan, 2019], а китайские термины — из учебника «生物传感器» («Биосенсор») и словаря «生物医学工程术语词典» («Словарь терминов биомедицинской инженерии»)»⁶.

В настоящей статье применяются индуктивно-дедуктивный метод, классификация, сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод и прием направленной выборки материала.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Двойная системность термина

В ряде терминологических работ по сущности и признакам термина (В. М. Лейчик [2009], П. И. Шлейвис [2016], С. И. Маджаева [2017], С. Н. Афанасьева [2018], Д. Г. Кукасова [2018] и др.) перечисляются такие его основные характеристики, как наличие дефиниции, конвенциональность, моносемичность, точность, контекстуальная независимость, принадлежность к системе специальной области знания, системность, и т. д., среди которых с внутренней структурой терминосистемы тесно связаны последние два признака.

Описывая системность термина, Н. В. Юшманов пишет о том, что «зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин» [Юшманов 1979: 77], другими словами, системность термина «напрямую связана с понятием терминосистемы и обозначает восприятие термина в его непосредственных взаимоотношениях с другими специализированными терминологическими единицами, с которыми у него обнаруживается тесная взаимосвязь» [Шлейвис 2016: 25].

² Пахарьков Г. Н. Биомедицинская инженерия: проблемы и перспективы: учеб. пособие. СПб.: Политехника, 2011. 233 с.

³ Jagriti Narang, Chandra Shekhar Pundir. Biosensors: An Introductory Textbook/edited by Jagriti Narang, Chandra Shekhar Pundir. USA: Pan Stanford Publishing Pte. Ltd., 2017. 160 p.

⁴ Narayan R. Encyclopedia of Biomedical Engineering. Elsevier; 2019. 2054 p.

⁵ 张先恩 生物传感器. 北京: 化学工业出版社. 2005. 382页. (Чжан Сяньэнь Биосенсор. Пекин: изд. химической промышленности. 2005. 382 с.)

⁶ 周丹 生物医学工程术语词典/周丹主编 - 北京: 人民卫生出版社, 2015. 810页. (Чжоу Дань. Словарь терминов биомедицинской инженерии/под ред. Чжоу Дань. Пекин: Изд. Народное здравоохранение, 2015. 810 с.)

Наиболее полное понимание природы термина, на наш взгляд, предлагает С. Н. Афанасьева, которая акцентирует внимание на двойной системности термина: лексико-терминологической и логической. Она утверждает, что терминологические единицы одновременно функционируют в двух системах: «1) входят в лексико-терминологическую систему, обслуживающую данную область знания; 2) через понятия, стоящие за ними, включаются в логическую систему понятий профессионально ограниченной сферы» [Афанасьева 2018: 199]. Лексико-терминологическая система позволяет рассматривать термин как языковую единицу, тесно связанную с другими элементами этой системы, тогда как логическая системность предполагает восприятие термина как вербального воплощения научного концепта, взаимодействующего с другими концептами, поскольку он служит языковым знаком, отражающим место этого концепта в рамках специальной понятийной системы [Табанакова 1999: 30].

2. Лексико-семантический анализ и фреймовое моделирование структуры терминосистемы БМИ

С целью выявления двойной системности термина подобраны два подхода к исследованию внутренних взаимоотношений той или одной терминосистемы: лексико-семантический и когнитивный подходы.

2.1. Лексико-семантический подход

Термин в первую очередь представляет собой лексическую единицу, т. е. подъязык естественного языка, системность которого признают практически все лингвисты. О лексической системе в лингвистике были выдвинуты два понятия: тематическая группа (далее: ТГ) и лексико-семантическая группа (ЛСГ), которые зачастую противопоставляются друг другу. Т. В. Жеребило определяет ЛСГ как «слова одной части речи, объединенные ядерной (основной) семьей»⁷, а ТГ — «совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров»⁸. Таким образом, ключевое различие между этими единицами заключается в принадлежности слов к одной или разным частям речи. Кроме того, стоит подчеркнуть, что каждая лексико-семантическая группа всегда имеет свою тему, и поэтому она входит в соответствующую тематическую группу, становясь ее неотъемлемой составляющей [Филин 1982: 233].

⁷ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

⁸ Там же.

Проанализировав собранный материал, мы представили внутреннюю структуру терминов «Биосенсорные и биоэлектронные системы» в виде схем. Эти термины, будучи частью терминосистемы биотехнических измерений, представлены на русском, английском и китайском языках и могут быть распределены по четырем лексико-семантическим группам (рис. 1): ЛСГ «Биологические компоненты», ЛСГ «Виды биосенсоров», ЛСГ «Детали/элементы биосенсоров» и ЛСГ «Ме-

тоды создания биосенсоров», которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие группы.

В ЛСГ «Биологические компоненты» входят пять терминов: *иммуноглобулин* «immunoglobulin/免疫球蛋白», *клетка* «cell/细胞», *микроорганизм* «microorganism/微生物», *нуклеиновые кислоты* «nucleic acids/核酸» и *фермент* «enzym/酶» (рис. 2).

ЛСГ «Виды биосенсоров» представляет собой самую объемную группу, в которой биосенсор является родовым понятием по отноше-

Рис. 1. Тематическая группа биомедицинской инженерии

Fig. 1. Thematic group of Biomedical engineering

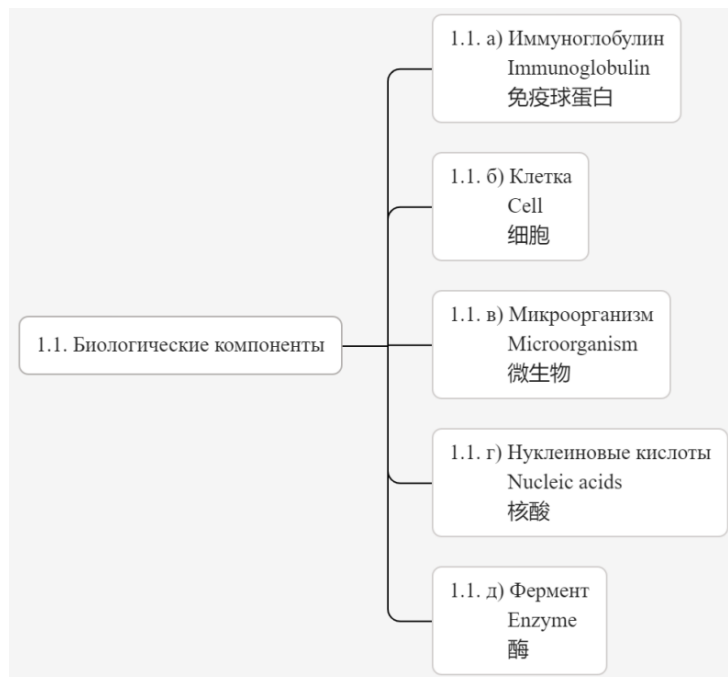

Рис. 2. Лексико-семантическая группа «Биологические компоненты»

Fig. 2: Lexical-semantic group “Biological components”

нию ко всем 18 остальным понятиям (напр. химический биосенсор «chemical biosensor/化学生物传感器», клеточный биосенсор «cell-based biosensor/细胞(生物)传感器», микробный биосенсор «microbial biosensor/微生物传感器») (рис. 3), среди которых в некоторых терминах выделяются более мелкие группы, например выделяют геносенсор «genosensor/基因传感器» на два ви-

довых понятия: ДНК-сенсор «DNA sensor/DNA传感器» и РНК-сенсор «RNA sensor/RNA传感器»; к физическому биосенсору «physical biosensor/物理生物传感器» входит гравиметрический биосенсор «gravimetric biosensor/重力生物传感器»; перечисляется ряд электрохимических биосенсоров «electrochemical biosensor/电化学生物传感器» (напр. амперометрический биосенсор

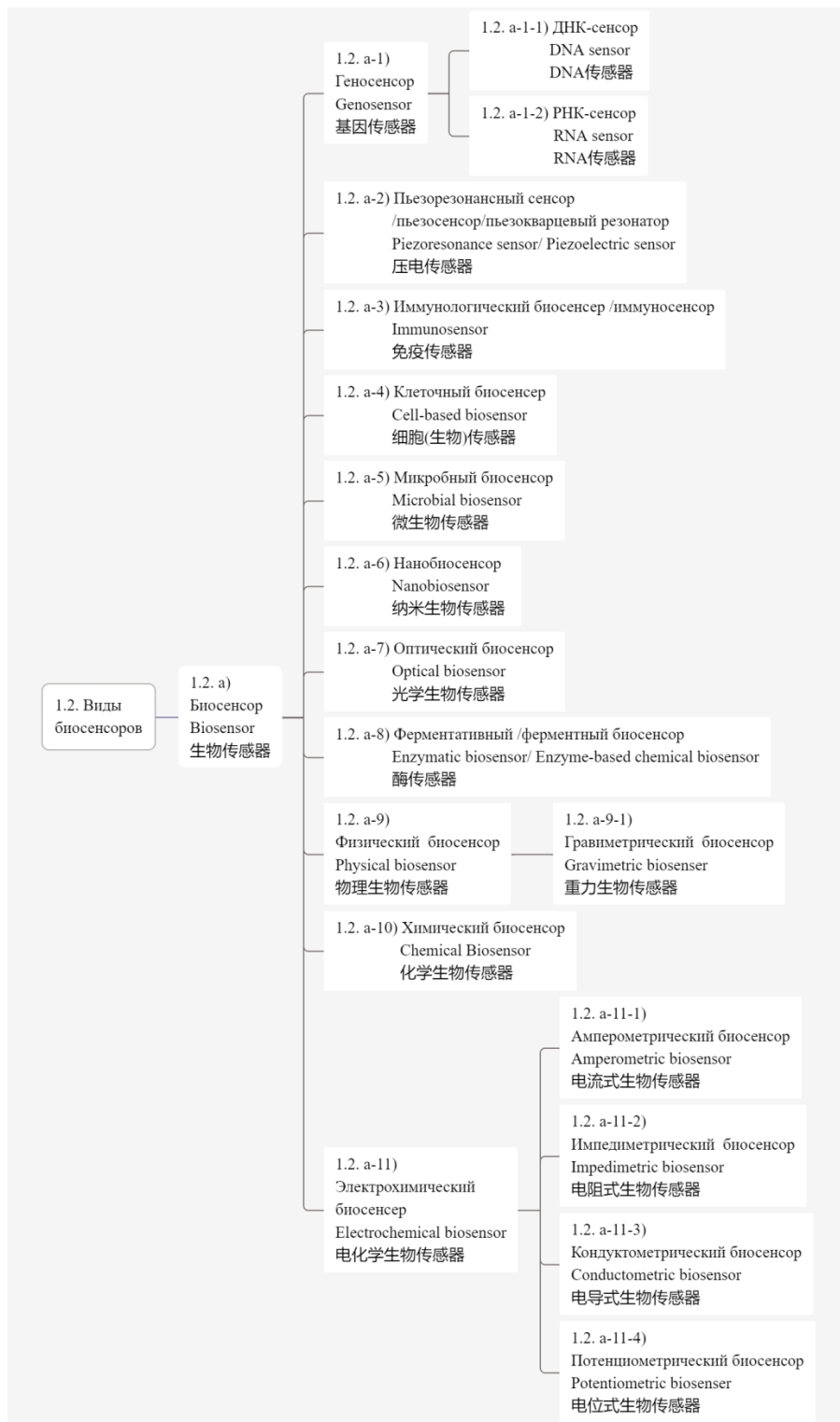

Рис. 3. Лексико-семантическая группа «Виды биосенсоров»

Fig. 3. Lexical-semantic group “Types of biosensors”

«*amperometric biosensor/电流式生物传感器*», импедиметрический биосенсор «*impedimetric biosensor/电阻式生物传感器*» и т. д.).

Третья ЛСГ «Детали/элементы биосенсоров» состоит из восьми терминов (напр. биохимический элемент распознавания «*biological recognition element/biorecognition element/生物识别元件*», трансдюсеры «*transducer/转换器*» и др.), среди которых электрод «*electrode/电极*» обладает тремя видами: мембранным электродом «*membrane electrode/膜电极*», стеклянным электродом «*glass electrode/玻璃电极*»

и ферментным электродом «*enzyme electrode/酶电极*» (рис. 4).

ЛСГ «Методы создания биосенсоров» включает в себя три термина: ковалентная иммобилизация «*covalent immobilization/共价结合法*», физическая/ нековалентная иммобилизация «*physical/ non-covalent immobilization / 非共价结合法*» и иммобилизация «*immobilization / 固定化*», который представляет собой родовое понятие по отношению к предыдущим (рис. 5).

Как показано на рисунках, составляющие термины каждой группы или подгруппы являются

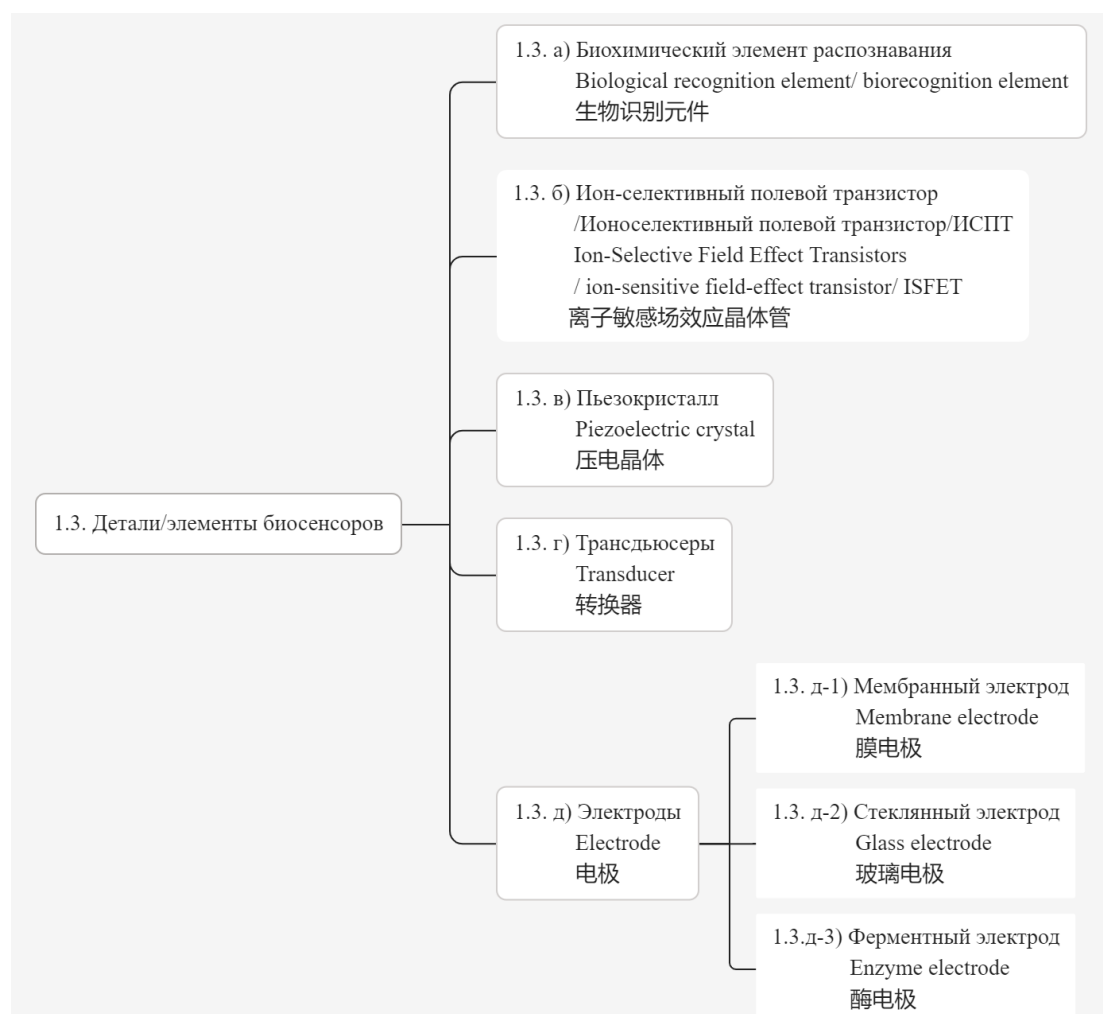

Рис. 4. Лексико-семантическая группа «Детали/элементы биосенсоров»

Fig. 4. Lexical-semantic group “Biosensor parts/elements”

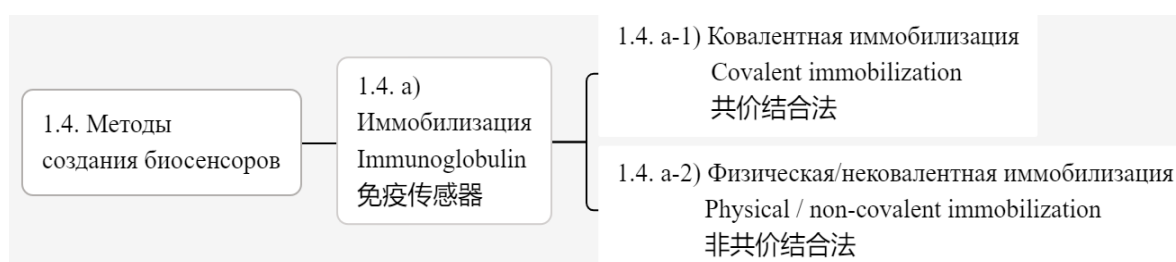

Рис. 5. Лексико-семантическая группа «Методы создания биосенсоров»

Fig. 5. Lexical-semantic group “Methods of creation of biosensor”

видовыми понятиями по отношению к терминам высшего уровня; все термины проиндексированы соответственно их местам в данной системе (напр. 1.2. а-6) *нанобиосенсор «nanobiosensor/ 纳米生物传感器»*, 1.2. а-7) *оптический биосенсор «optical biosensor/ 光学生物传感器»*, и др.); варианты терминов, обладающих вариативностью, перечисляются через «/» (напр. *пьезорезонансный сенсор / пьезосенсор / пьезокварцевый резонатор «piezoresonance sensor/ piezoelectric sensor / 压电传感器»*, *ион-селективный полевой транзистор / ионоселективный полевой транзистор / ИСПТ «ion-Selective Field Effect Transistors/ion-sensitive field-effect transistor / ISFET/ 离子敏感场效应晶体管»*, и т. д.).

2.2. Когнитивный подход

Когнитивное терминоведение рассматривает роль термина в процессе научного познания и мышления [Росянова 2011: 105]. С позиции когнитивной лингвистики термин определяется как «основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, предназначенная для номинации объектов и процессов, а также служащая средством познания окружающего мира» [Ивина 2003: 14]. Таким образом, термин рассматривается как вербализованный концепт [Имашева 2021: 114], точнее говоря, «через понятие концепт объективизирует содержание, закрепленное в термине» [Имашева 2021: 114].

Концепт не является изолированной, атомарной единицей сознания, но представляет собой явление, существующее и воспринимающееся «в контексте предполагаемой фоновой структуры знаний» [Clausner, Croft 1999: 2]. Следовательно, «чтобы понять один из таких концептов, нужно охватить всю систему, в которой он функционирует» [Fillmore 1982: 111]. Структурная организация концептов часто осуществляется посредством фреймового моделирования [Вековищева, Приорова, Савченко, Романов 2017: 208].

Понятие фрейма было введено М. Минским в 1979 г. в работе «Фреймы для представления знаний» для описания структуры знаний [Минский 1979]. В дальнейшем фрейм определялся как «сложный пакет знаний, хранящийся в мозге или компьютерной памяти, который активизируется в определенных ситуациях и используется для их интерпретации и прогнозирования» [Омарова 2010: 24]; «совокупность эмпирических знаний, накопленных о каком-либо явлении реальности» [Архипова, Железнова 2019: 773]. В наших лингвистических исследованиях, следуя С. Филлмору, мы понимаем фрейм как структу-

рированную систему концептов, организованных определенным образом.

Каждый фрейм включает в себя вершинные узлы и терминальные узлы (слоты), которые, в свою очередь, являются вершинными узлами субфреймов [Широколобова 2011: 52]. Кроме того, при построении фреймовой модели в первую очередь «выявляются базовые концепты фреймовой структуры с опорой на информацию экстралингвистического характера» [Вековищева, Приорова, Савченко, Романов 2017: 208], и таким же образом выстраиваются субфреймы, подсубфреймы и т. п.

На основе теории фреймов мы разработали фреймовую схему терминов «Биосенсорные и биоэлектронные системы» методом фреймового моделирования (рис. 6).

В данной трехязычной фреймовой схеме вокруг ядерного понятия «Биосенсорные и биоэлектронные системы» мы выделяем три базовых концепта.

- **«Составляющие элементы биосенсоров» («Constituent elements of biosensors / 生物传感器的组成成分»).** Данный блок, представляющий собой субфрейм фрейма «Биосенсорные и биоэлектронные системы», состоит из двух концептов *биохимический элемент распознавания «biological recognition element / biorecognition element / 生物识别元件»* (напр. *иммуноглобулин «immunoglobulin / 免疫球蛋白»*, *нуклеиновые кислоты «nucleic acids/ 核酸»*, *микроорганизм «microorganism / 微生物»* и др.) и *транздьюсеры «transducer/ 转换器»* (т. е. *ион-селективный полевой транзистор / ионоселективный полевой транзистор / ИСПТ «ion-Selective Field Effect Transistors / ion-sensitive field-effect transistor / ISFET / 离子敏感场效应晶体管»*, *пьезокристалл «piezoelectric crystal / 压电晶体»* и *электрод «electrode/ 电极»*), которые, в свою очередь, являются субфреймами данного блока. Его подсубфреймом является блок «электрод», включающий такие концепты, как *мембранный электрод «membrane electrode / 膜电极»*, *стеклянный электрод «glass electrode / 玻璃电极»* и *ферментный электрод «enzyme electrode / 酶电极»*.

- **«Ключевой этап создания биосенсоров».** Серыми линиями на рис. 6 показано, что *иммобилизация «immobilization/ 固定化»* (ковалентная *иммобилизация «covalent immobilization / 共价结合法»* и *физическая / нековалентная иммобилизация «physical / non-covalent immobilization / 非共价结合法»*) как ключевой этап создания биосенсоров тесно связана с подсубфреймом «*Биохимический элемент распознавания»*, ибо для разных

биохимических элементов принимаются соответствующие виды иммобилизации.

• «Типология биосенсоров». Биосенсоры можно классифицировать по трем критериям:

А) По биохимическому компоненту выделяются иммунологический биосенсор / иммуносен-

сор «immunosensor / 免疫传感器», микробный биосенсор «microbial biosensor / 微生物传感器», клеточный биосенсор «cell-based biosensor / 细胞(生物)传感器», и др, среди которых в качестве подсубфрейма данного блока выступает геносенсор «genosensor / 基因传感器», в который входят

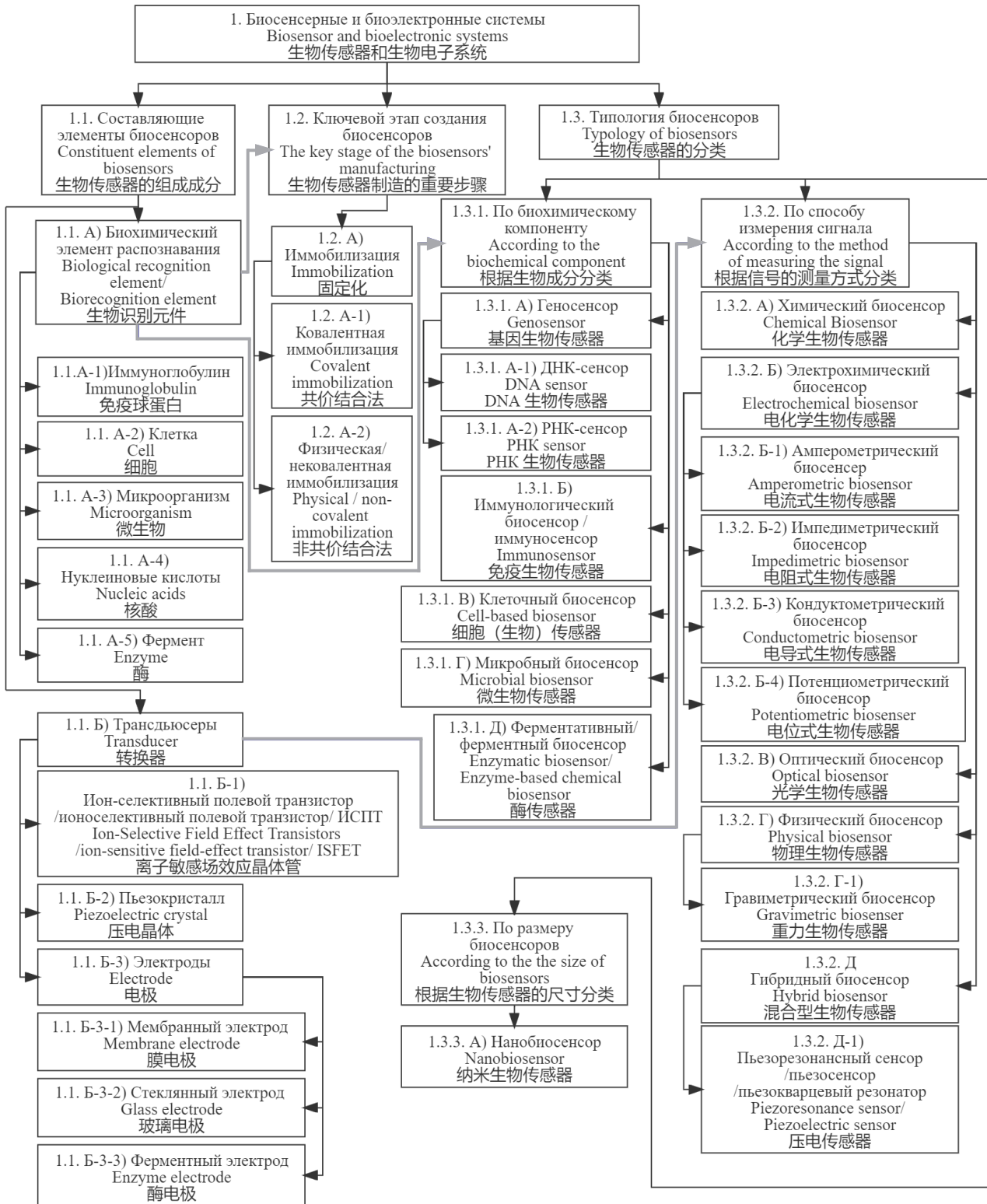

Рис. 6. Фреймовая схема терминов «Биосенсорные и биоэлектронные системы»

Fig. 6. Frame diagram of the terms “Biosensor and bioelectronic systems”

концепты ДНК-сенсор «DNA sensor / DNA传感器» и РНК-сенсор «RNA sensor / RNA传感器»;

Б) По способу измерения сигнала можно говорить о 10 видах биосенсоров (напр. оптический биосенсор «optical biosensor / 光学生物传感器», химический биосенсор «chemical Biosensor/化学生物传感器», пьезорезонансный сенсор / пьезосенсор / пьезокварцевый резонатор «piezoresonance sensor / piezoelectric sensor / 压电传感器», и др). Данный блок как субфрейм блока «Типология биосенсоров» имеет такие свои субфреймы, как субфрейм «электрохимических биосенсоров» («electrochemical biosensor / 电化学生物传感器»), содержащий в себя концепты амперометрический биосенсор «amperometric biosensor / 电流式生物传感器», импедиметрический биосенсор «impedimetric biosensor / 电阻式生物传感器» и т. д., субфрейм «физической биосенсор» («physical biosensor / 物理生物传感器»), который включает в себя концепт гравиметрический

биосенсор «gravimetric biosensor / 重力生物传感器», и субфрейм гибридный биосенсор «hybrid biosensor / 混合型生物传感器», в который входит концепт пьезорезонансный сенсор / пьезосенсор / пьезокварцевый резонатор «piezoresonance sensor / piezoelectric sensor / 压电传感器»;

В) По размеру биосенсоров выделяем один концепт нанобиосенсор «nanobiosensor / 纳米生物传感器». Среди перечисленных критериев, первый определяется биохимическими элементами распознавания биосенсоров, а второй, как представляется серой линией — трансдюсерами.

3. Список терминов на трех языках с указанием на их места в системе

На основе проведенного анализа приводятся отобранные термины на русском, английском и китайском языках с указанием китайской фонетической транскрипции, а также указывается индексация каждого термина в соответствии с его положением в обеих системах (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Список терминов «Биосенсорные и биоэлектронные системы»

№	Термин в русском языке	Термин в английском языке	Термин в китайском языке и его фонетическая транскрипция	Индексация 1	Индексация 2
1.	Амперометрический биосенсор	Amperometric biosensor	电流式生物传感器 [Diànlíúshì shēngwù chuángǎnqì]	1.2. a-11-1)	1.3.2. Б-1)
2.	Биосенсор	Biosensor	生物传感器 [Shēngwù chuángǎnqì]	1.2. a)	1.3.)
3.	Биохимический элемент распознавания	Biological recognition element / Biorecognition element	生物识别元件 [Shēngwù shíbié yuánjiàn]	1.3. a)	1.1. А)
4.	Геносенсор	Genosensor	基因传感器 [Jīyīn chuángǎnqì]	1.2. a-1)	1.3.1. А)
5.	Гравиметрический биосенсор	Gravimetric biosensor	重力生物传感器 [Zhònglì shēngwù chuángǎnqì]	1.2. a-9-1)	1.3.2. Г-1)
6.	ДНК-сенсор	DNA sensor	DNA传感器 [DNA chuángǎnqì]	1.2. a-1-1)	1.3.1. А-1)
7.	Иммобилизация	Immobilization	固定化 [Gùdìng huà]	1.4. a)	1.2. А)
8.	Иммуноглобулин	Immunoglobulin	免疫球蛋白 [Miǎnyì qiúdànbái]	1.1. a)	1.1. А-1)
9.	Иммунологический биосенсор / иммуносенсор	Immunosensor	免疫传感器 [Miǎnyì chuángǎnqì]	1.2. a-3)	1.3.1. Б)
10.	Импедиметрический биосенсор	Impedimetric biosensor	电阻式生物传感器 [Diànzúshì shēngwù chuángǎnqì]	1.2. a-11-2)	1.3.2. Б-2)
11.	Ион-селективный полевой транзистор / ионоселективный полевой транзистор / ИСПТ	Ion-Selective Field Effect Transistors / ion-sensitive field-effect transistor / ISFET	离子敏感场效应晶体管 [Lízi mǐngǎn chǎngxiàoyīng jīngtǐguǎn]	1.3. б)	1.1. Б-1)
12.	Клетка	Cell	细胞 [Xībāo]	1.1. б)	1.1. А-2)
13.	Клеточный биосенсор	Cell-based biosensor	细胞(生物)传感器 [Xībāo (shēngwù) chuángǎnqì]	1.2. a-4)	1.3.1. В)
14.	Ковалентная иммобилизация	Covalent immobilization	共价结合法 [Gòngjià jiéhé fǎ]	1.4. a-1)	1.2. А-1)

№	Термин в русском языке	Термин в английском языке	Термин в китайском языке и его фонетическая транскрипция	Индексация 1	Индексация 2
15.	Кондуктометрический биосенсор	Conductometric biosensor	电导式生物传感器 [Diàndǎoshì shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-11-3)	1.3.2. Б-3)
16.	Мембранный электрод	Membrane electrode	膜电极 [Mó diànjí]	1.3. д-1)	1.1. Б-3-1)
17.	Микробный биосенсор	Microbial biosensor	微生物传感器 [wēishēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-5)	1.3.1. Г)
18.	Микроорганизм	Microorganism	微生物 [wēishēngwù]	1.1. в)	1.1. А-3)
19.	Нанобиосенсор	Nanobiosensor	纳米生物传感器 [Nànmǐ shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-6)	1.3.3. А)
20.	Нуклеиновые кислоты	Nucleic acids	核酸 [Hésuān]	1.1. г)	1.1. А-4)
21.	Оптический биосенсор	Optical biosensor	光学生物传感器 [Guāngxué shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-7)	1.3.2. В)
22.	Потенциометрический биосенсор	Potentiometric biosensor	电位式生物传感器 [Diànwèishì shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-11-4)	1.3.2. Б-4)
23.	Пьезокристалл	Piezoelectric crystal	压电晶体 [Yādiàn jīngtǐ]	1.3. в)	1.1. Б-3)
24.	Пьезорезонансный сенсор / пьезосенсор / пьезокварцевый резонатор	Piezoresonance sensor/ Piezoelectric sensor	压电传感器 [Yādiàn chuángǎnqì]	1.2. а-2)	1.3.2. Д-1)
25.	РНК-сенсор	RNA sensor	RNA传感器 [RNA chuángǎnqì]	1.2. а-1-2)	1.3.1. А-2)
26.	Стеклянный электрод	Glass electrode	玻璃电极 [Bōli diànjí]	1.3. д-2)	1.1. Б-3-2)
27.	Трансдюсер	Transducer	转换器 [Zhuǎnhuànqì]	1.3. г)	1.1. Б)
28.	Фермент	Enzyme	酶 [Méi]	1.1. д)	1.1. А-5)
29.	Ферментативный / ферментный биосенсор	Enzymatic biosensor / Enzyme-based chemical biosensor	酶传感器 [Méi chuángǎnqì]	1.2. а-8)	1.3.1. Д)
30.	Ферментный электрод	Enzyme electrode	酶电极 [Méi diànjí]	1.3.д-3)	1.1. Б-3-3)
31.	Физическая / нековалентная иммобилизация	Physical / non-covalent immobilization	非共价结合法 [Fēi gòngjià jiéhéfǎ]	1.4. а-2)	1.2. А-2)
32.	Физический биосенсор	Physical biosensor	物理生物传感器 [Wùlǐ shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-9)	1.3.2. Г)
33.	Химический биосенсор	Chemical Biosensor	化学生物传感器 [Huàxué shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-10)	1.3.2. А)
34.	Электрод	Electrode	电极 [Diànjí]	1.3. д)	1.1. Б-3)
35.	Электрохимический биосенсор	Electrochemical biosensor	电化学生物传感器 [Diànhuàxué shēngwù chuángǎnqì]	1.2. а-11)	1.3.2. Б)

Заключение

Итак, на основании полученных результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Терминосистема биотехнических измерений (БМИ) характеризуется двойной системностью: лексико-терминологической и логически-понятийной. Термин прежде всего является элементом определенной области науки, его содержание отражает неречевую действительность, которая формируется в рамках соответствующей научной дисциплины. Языковая форма термина, в свою очередь, включает в себя особенности искусственно отобранных терминоэлементов.

2. Результаты структурирования терминосистемы БМИ двумя методами совпадают в русском, английском и китайском языках. Это объ-

ясняется тем, что при лексико-семантическом анализе терминосистемы темы и семы, по которым мы классифицируем её элементы, находятся в содержательной плоскости термина, где заключены научные концепты, взаимоотношения которых определяют организацию фреймовой схемы. Содержательная сторона термина неизменно связана со специальными научными знаниями, которые универсальны для всех языков.

3. Лексико-семантический и когнитивный подходы к изучению терминосистем позволяют выявить двойственную природу термина: структурирование терминосистем методом лексико-семантического анализа демонстрирует непосредственные связи между терминами как лексическими единицами, однако это лишь часть общего комплекса

знаний. Моделирование терминосистемы с помощью фреймового анализа даёт возможность визуально представить логическую структуру терминов как воплощений концептов в целом. Мы считаем, что эти два подхода дополняют друг друга и могут широко приме-

няться для организации терминосистем, включая терминосистему БМИ.

4. Результаты проведённого исследования могут быть использованы для создания трёхязычного терминологического словаря по биотехническим измерениям.

Список источников

1. Афанасьева С. Н. Функции и признаки термина как основа дифференциации термина/нетермина в современном русском языке // Вестник ЧГУ. 2018. № 2. С. 196–202.
2. Вековищева С. Н., Приорова Е. М., Савченко Е. П., Романов В. М. Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 1. С. 206–218.
3. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический проект, 2003. 301 с.
4. Кукасова Д. Г. Сущность термина как единицы для специальных целей // МНКО. 2018. № 4 (71). С. 451–453.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Дом Книга., 2009. 256 с.
6. Маджаева С. И. Актуальные проблемы современного терминоведения // Вестник КалмГУ. 2017. № 3 (35). С. 83–91.
7. Минский М. И. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О. Н. Гринбаума; Под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
8. Половникова В. И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. М.: Русский язык, 1982. 155 с.
9. Росянова Т. С. Когнитивный подход к рассмотрению термина // Известия СПбГЭУ. 2011. № 5. С. 105–108.
10. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2002. 243 с.
11. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. 198 с.
12. Тихонова И. Б. Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы: на материале английской терминологии нефтепереработки: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04/ Тихонова Ирина Борисовна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. Омск, 2010. 221 с.
13. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.
14. Широколобова А. Г. Фреймовый анализ терминосистемы гидротехники русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 52–56.
15. Шлейвис П. И. Лингвистически релевантные характеристики терминологических единиц // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. № 4 (10). С. 21–27.
16. Юлдашев З. М. Биомедицинская инженерия — основа новых научных достижений России // Биотехносфера. 2014. № 3 (33). С. 2.
17. Юшманов Н.В. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М.: Наука, 1979. С. 1–125.
18. Яковлева А.А. К вопросу о понятии «Термин» в современной лингвистике // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 2. С. 88–94.
19. Clausner T., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive linguistics. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 1999. № 10-1. P. 1–18.
20. Fillmore C. Frame Semantics // Linguistics in the morning calm, ed. The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111–137.

References

1. Afanas'eva SN. Functions and signs of a term as a basis for differentiation between a term/a non-term in the modern Russian language = Funkcii i priznaki termina kak osnova differenciacii termina/netermina v sovremennom russkomazyke. *Vestnik ChGU = Bulletin of the Chuvash University*. 2018;(2):196-202. (In Russ.).

2. Vekovichheva SN, Priorova EM, Savchenko EP, Romanov VM. Frame analysis of safety terminology in English and Russian languages = Frejmovoe modelirovanie terminologii bezopasnosti zhiznedejatel'nosti v anglijskom i rusском jazykah. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* = *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2017;(1):206-218. (In Russ.).
3. Ivina LV. Linguo-cognitive bases for analyzing industry terminosystems (on the example of English-language terminology of venture capital financing). Moscow: Academic project. 2003. 301 p. (In Russ.).
4. Kukasova DG. The meanings of a term as a unit for special purposes = Sushhnost' termina kak edinicy dlja special'nyh celej. *MNKO = The world of science, culture and education*. 2018;(4(71)):451-453. (In Russ.).
5. Lejchik VM. Terminology: Subject, Methods, Structure. Moscow: Дом Книга. 2009. 256 p. (In Russ.).
6. Madzhaeva SI. Actual problems of modern terminology = Aktual'nye problemy sovremennogo terminovedenija. *Vestnik KalmGU = Bulletin of Kalmyk university*. 2017;(3 (35)):83-91. (In Russ.).
7. Minskij MI. Frames for knowledge representation. Moscow: Energy. 1979. 151 p. (In Russ.).
8. Polovnikova VI. Lexical aspect in teaching Russian as a foreign language at the advanced stage. Moscow: Russian language. 1982. 155 p. (In Russ.).
9. Rosjanova TS. Kognitivnyj podhod k rassmotreniju termina = Cognitive approach to the consideration of the term. *Izvestija SPbGEU = Izvestia of St. Petersburg State University of Economics*. 2011;(5):105-108. (In Russ.).
10. Superanskaja AV, Podol'skaja NV, Vasil'eva NV. General Terminology: Issues in Theory. Moscow: LIBROCOM Book House. 2002. 243 p. (In Russ.).
11. Tabanakova VD. Ideographic description of scientific terminology. Tyumen: Tyumen State University. 1999. 198 p. (In Russ.).
12. Tihonova IB. Cognitive modeling of professional terminosystem: on the material of English oil refining terminology: dissertation ... candidate of philological sciences: 10.02.04 [Place of defense: Bashkir State University]. Omsk. 2010. 221 p. (In Russ.).
13. Filin FP. Essays on the theory of linguistics. Moscow: Science. 1982. 336 p. (In Russ.).
14. Shirokolobova AG. Frame analysing of Russian and English hydratechnics terminology = Frejmovyj analiz terminosistemy gidrotehniki rusского i anglijsкого jazykov. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2011;(1):52-56. (In Russ.).
15. Shlejvis PI. Lingvisticheski relevantnye harakteristiki terminologicheskikh edinic = Linguistically relevant characteristics of terminological units. Scientific Result. Nauchnyj rezul'tat. *Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki = Issues of theoretical and applied linguistics*. 2016;(10):21-27. (In Russ.).
16. Juldashev ZM. Biomedicinskaja inzhenerija — osnova novyh nauchnyh dostizhenij Rossii = Biomedical engineering – the basis for new scientific achievements in Russia. *Biotehnosfera = Biotechnosphere*. 2014;(3 (33)):2. (In Russ.).
17. Jushmanov NV. Brief methodological guide for the development and streamlining of scientific and technical terminology. Moscow: Science. 1979. pp. 1-125. (In Russ.).
18. Jakovleva AA. K voprosu o ponjatii «Termin» v sovremennoj lingvistike = To the question of the concept “Term” in modern linguistics. *Interjekspo Geo-Sibir' = Interexpo Geo-Sibir*. 2014;(2):88-94. (In Russ.).
19. Clausner T, Croft W. Domains and image schemas. *Cognitive linguistics*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 1999;(10-1):1-18.
20. Fillmore C. Frame Semantics // Linguistics in the morning calm, ed. The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin Publishing Co.; 1982. pp. 111-137.

Информация об авторе

Цихан Чжао — аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.

Information about the author

Qihang Zhao — Post-graduate student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ PSYCHOLINGUISTICS, LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 27–35.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496):27-35.

Научная статья

УДК 81`42

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-27-35

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРИЁМА НАВЕШИВАНИЯ ЯРЛЫКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Людмила Владимировна Жабина^{1*}, Марьяна Лионовна Карданова²,
Мария Геннадиевна Павлова³

¹ Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, lukolya@yandex.ru, 0000-0003-0790-3563

² Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорск, Россия, Mkardanova@yahoo.com, 0000-0002-3550-2209

³ Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, egoistria@bk.ru, 0000-0001-7900-2081

Аннотация. Одним из распространенных приёмов, используемых политиками различных стран, является навешивание ярлыков, что позволяет манипулировать общественным мнением и дискредитировать оппонентов. Это ведет к появлению в политическом медиапространстве множества интересных с точки зрения лингвистического анализа явлений, которые требуют более детального изучения в контексте языкового дискурса и могут быть вовлечены в стратегические коммуникации разных стран. Цель данной статьи заключается в изучении приёма «навешивания ярлыков», анализе способов, используемых для формирования имиджа, а также выявлении общих и отличительных черт реализации этого приёма в американских, британских, испанских и российских СМИ. В статье акцент сделан на разграничении понятий «ярлык» и «приём навешивания ярлыков», что является важным для понимания их влияния на формирование общественного мнения и политических идентичностей. Для достижения поставленных целей были проанализированы примеры из англоязычных (американских и британских), испанских и российских СМИ, а также проведен сравнительно-сопоставительный анализ использования приема навешивания ярлыков в США, Великобритании, Испании и Российской Федерации. Было выявлено, что ключевыми способами актуализации приема «навешивания ярлыков» являются пейоративы, дисфемизмы, метафоры и метонимии, и они активно используются для формирования негативного имиджа и подрыва репутации конкурентов. Метафоры и метонимии нами рассматриваются также как инструменты, способствующие созданию и закреплению стереотипов в политическом дискурсе. Исследование показало, что в СМИ этих стран частотность вышеперечисленных способов актуализации приема «навешивания ярлыков» разная, приведены также данные о том, какие из приемов «навешивания ярлыков» встречаются чаще, а какие — реже. Отметим, что все примеры, приведенные в статье, рассматриваются исключительно с лингвистической точки зрения и не имеют целью оскорбить кого-либо или что-либо пропагандировать.

Ключевые слова: медиадискурс, политический дискурс, навешивание ярлыков, речевое манипулирование, языковые изменения, пейоратив, дисфемизм, метафора, метонимия, политическая культура, информационная война

Для цитирования: Жабина Л. В., Карданова М. Л., Павлова М. Г. Способы актуализации приема навешивания ярлыков в политическом медиапространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 27–35. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-27-35.

Original article

THE WAYS OF REALIZATION OF LABELING TECHNIQUE IN THE POLITICAL MEDIA LANDSCAPE

Liudmila V. Zhabina^{1*}, Mariana L. Kardanova², Mariya G. Pavlova³

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, lukolya@yandex.ru, 0000-0003-0790-3563

²North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia, Mkardanova@yahoo.com, 0000-0002-3550-2209

³Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, egoistria@bk.ru, 0000-0001-7900-2081

Abstract. One common technique used by politicians in various countries is labeling, which allows them to manipulate public opinion and discredit opponents. This leads to the emergence of numerous phenomena in the political media space that are interesting from the perspective of linguistic analysis, requiring more detailed study in the context of language discourse and potentially involved in strategic communications of different countries. The aim of this article is to examine labeling techniques, analyze the methods used to create image, and identify the common and distinctive features of the implementation of this technique in American, British, Spanish, and Russian media. The article contains distinction between the concepts of “label” and “labeling technique”, which is crucial for understanding their influence on the public opinion and political identities. To achieve the stated goals, examples from English-language (American and British), Spanish, and Russian media were analyzed, and a comparative analysis of the use of the labeling technique in the USA, the UK, Spain, and the Russian Federation was conducted. It was found that the key ways of actualizing the labeling technique include pejoratives, dysphemisms, metaphors, and metonymies, which are actively used to form a negative image and undermine the reputation of competitors. We also consider metaphors and metonymies as tools that contribute to the creation and consolidation of stereotypes in political discourse. The study showed that in the media of these countries, the frequency of the above-mentioned methods of “labeling” technique is different, and data is also provided on which of the “labeling” techniques are more common and which are less common. It should be noted that all examples presented in the article are examined exclusively from a linguistic perspective and are not intended to offend anyone or promote anything.

Key words: media discourse, political discourse, labeling, speech manipulation, language changes, pejorative, dysphemism, metaphor, metonymy, political culture, information war

For citation: Zhabina LV, Kardanova ML, Pavlova MG. The Ways of Realization of Labeling Technique in the Political Media Landscape. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):27-35. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-27-35.

Введение

Медиадискурс отражает суть и динамику общественных отношений и связан с международной обстановкой, характеризующейся в настоящее время высокой степенью напряженности и конфликтами. Как отметил генеральный директор Российского совета по международным делам Андрей Кortunov, на международной арене наблюдается снижение уровня политической культуры и дипломатического этикета, что выражается в агрессивных формах коммуникации, снижении уважения и эмпатии в межгосударственных отношениях¹.

Усложняет картину и то, что современные СМИ из-за рейтингов нередко готовы «пустить в эфир» провокационные материалы или репортажи, основанные на недостоверной информации [13, с. 314]. Эти тенденции приводят к тому, что дискуссии между политическими оппо-

нентами становятся все более агрессивными, в то время как дозволенные ранее нормы общения постепенно утрачиваются. Возникают новые лексические единицы, происходит переосмысление существующих слов и формирование новых смыслов. Язык в данном контексте выступает не просто как набор слов, а как живой организм, который демонстрирует все изменения, происходящие в обществе.

Одними из первых авторов, интересовавшихся этой проблематикой, являются Эдвард С. Херман и Ноам Хомский [15]. Также эту тематику исследовали лингвисты Л. де Соссюр [16], Т. А. ван Дейк [14]. Манипулированию лексикой посвящены работы С. А. Виноградовой [3], О. Н. Быковой [2], Ю. А. Ильичевой [8], Г. А. Копниной [9], Л. Ю. Иванова [7], А. П. Сковородникова [12].

Как мы видим, речевое манипулирование и прием навешивания ярлыков (далее — ПНЯ) — не новые, но трендовые и значимые явления в лингвистике, и требуют внимательного языкового анализа.

¹ Дипломат заявил о снижении уровня политической дискуссии в мире в последние годы // #Говорит Москва. 2022. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/309780/> (дата обращения: 18.06.2024).

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод и анализ данных.

Материалом для исследования стали публикации из открытых источников, официальных американских, британских, испанских и российских СМИ, включая телепередачи, газеты и официальные каналы в мессенджере Telegram, охватывающие период с 2014 по 2024 гг. Следует отметить, что информация из социальных сетей в виде общественных комментариев и публикаций из личных аккаунтов политических деятелей была исключена из исследования, так как она не является официальным источником. Авторами статьи было проанализировано более 100 материалов СМИ, включая также такие периодические издания, как *The New York Times*, *The Washington Post*, *Los Angeles Times*, *Daily News* (США), *The Guardian*, *The Independent*, *Daily Mail*, *The Times* (Великобритания), *Российская газета*, *Известия*, *Аргументы и факты*, *Лента.ру*, *Газета.Ru*, *RT* (на русском и международная версия на английском языках), *El Mundo*, *ABC*, *La Vanguardia*, *Libertad Digital* (Испания).

Представление результатов и их обсуждение

ПНЯ относится к лексико-грамматическому речевому манипулированию [5], что позволяет политическим деятелям воздействовать на общественное мнение и формировать представления о своих оппонентах и идеях [8].

В рамках данной статьи мы исходим из того, что ПНЯ — *использование лингвистических средств, создающих негативный образ с целью дискредитировать идеи и планы, личные качества политического оппонента, чтобы вызвать негативные эмоции как у оппонента, так и у аудитории, не прибегая к объективному анализу или оценке.*

В основе применения данного приема лежит ряд составляющих:

— манипулятор через ПНЯ зачастую использует дискурс «свой-чужие», воздействуя на эмоциональную память аудитории, что усиливает позиции манипулятора [6];

— навешивание ярлыков приводит к так называемой «стигматизации»: индивид, на которого накладывается ярлык, представляется «нежелательным» для социума. В этом случае стигматизация становится проявлением предвзятости и предрассудков [11].

Важно подчеркнуть, что между понятиями «прием навешивания ярлыков» и «ярлык» суще-

ствует важное различие. В нашей работе мы акцентируем внимание именно на ПНЯ, средствах и лингвистических способах его актуализации. Появление ярлыка является следствием эффективного применения данного приема. Однако использование ПНЯ не всегда завершается формированием ярлыка. Это подчеркивает ключевую разницу между понятиями «ПНЯ» и «ярлык». Может возникнуть ситуация, когда, несмотря на применение приема, ярлык по ряду причин (например, в результате негативной реакции аудитории) так и не закрепляется в общественном сознании.

При этом разновидность ярлыка будет определяться тем видом лексики и лингвистических средств, которые стали основой для его создания.

ПНЯ приобрел особую значимость и стал более распространенным явлением в последние годы. Мы ранее указали две ключевые причины этого: снижение уровня политической культуры и обострение международной обстановки. Однако, как отмечают Н. Б. Руженцева и Е. А. Нахимова, существуют и другие факторы, способствующие распространению данного явления в медиадискурсе, а именно: увеличение доли экспрессии, оценочного компонента, дифференциация массового адресата в журналистике [10].

ПНЯ-пейоратив

Пейоративы представляют собой лексические единицы, которые несут в себе отрицательную оценку и придают значению неодобрительный оттенок². Как правило, такие слова проявляются в форме прозвищ, содержащих негативные коннотации. Важно отметить, что в рамках политического медиадискурса пейоративы часто основываются на частно-оценочных представлениях о конкретных личностях или явлениях.

Предвыборная компания в США стала одним из самых многочисленных источников навешивания ярлыков, в том числе и пейоративов. Их нередко использует в своих публичных выступлениях кандидат в президенты США Дональд Трамп в адрес своих оппонентов. Так, 13 сентября 2024 г., во время своего выступления в штате Невада, он в очередной раз продемонстрировал это:

*They know **Kamala**, they know «**Kambabla**». That was a nickname I used for a while, but I don't use it anymore because everyone thought I was just*

² Пейоративный — Словарь лингвистических терминов Розенталя. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal/%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 24.06.2024).

mispronouncing her name. I wasn't. Kambabla³ — Они знают Камалу, но знают и «Камбаблу». Какое-то время я использовал это прозвище, но больше им не пользуюсь, потому что все думали, что я просто неправильно произношу ее имя. Это не так. Камбабла...

В этом примере может показаться, что Д. Трамп нарочито некорректно произносил имя своего оппонента — Камалы Харрис, чтобы высмеять её и, таким образом, продемонстрировать политическое превосходство в ходе предвыборной гонки. Но это не совсем так. В английском языке есть междометие «*blah blah blah blah*», которым описывают неинтересную, бессмысленную и повторяющуюся речь⁴. Таким образом, Трамп имплицитно подчёркивает, что речи Камалы Харрис поверхностны, и ей не стоит верить.

В российском политическом медиадискурсе бывший премьер-министр Великобритании упоминается и как «*Борис Джонсонюк*»:

Борис Джонсонюк вновь врывается в игру? Как пишет Daily Mail, он может вновь занять должность премьер-министра Великобритании⁵.

С помощью этого пейоратива подчёркивается роль Джонсона в контексте конфликта между Россией и Украиной.

Политическая культура в Испании находится на более высоком уровне по сравнению с США и Великобританией. Тем не менее, и в испанском политическом медиaprостранстве можно обнаружить ряд интересных примеров:

“Sabiamente aconsejado por ese orondo monaguillo con ínfulas de capellán llamado Albares, al decidir las fronteras, lo fundó y lo desfundó...”⁶ — «Мудро проконсультировавшись с этим пухлым прислужником с претензиями на капеллан-

³ Oui L., Shao E. Every Falsehood, Exaggeration and Untruth in Trump's and Harris's Stump Speeches // The New York Times. Updated Oct. 4, 2024. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/09/21/us/politics/trump-harris-2024-election-speech.html> (дата обращения: 5.10.2024).

⁴ How To Use “Blah Bla Blah” In A Sentence: Diving Deeper. URL: <https://thecontentauthority.com/blog/how-to-use-blah-bla-blah-in-a-sentence#:~:text=The%20phrase%20%E2%80%9Cblah%20blah%20blah%E2%80%9D,in%20what%20is%20being%20said> (дата обращения: 5.10.2024).

⁵ Борис Джонсонюк вновь врывается в игру? // Абзац медиа. 10.12.2023. URL: <https://t.me/absatzmedia/66895> (дата обращения: 27.06.2024).

⁶ Pilar Díez. Sánchez, un «mentiroso pendenciero» у un «matón» indecente. URL: <https://www.libertaddigital.com/espana/2024-05-29/sanchez-un-mentiroso-pendenciero-y-un-maton-indecete-7131925/> (дата обращения: 29.06.2024).

ство по имени Альбарес при определении границ, он основал и распустил это государство...».

Действующего министра иностранных дел Испании Хосе Мануэля Альбареса СМИ описали «пухлым прислужником с претензиями на капелланство». Выражение «с претензией на капелланство» подразумевает, что он пытается оказывать влияние на процесс принятия решений, не имея на то должностных полномочий.

ПНЯ-метафора

Основан на использовании метафоры как разного компонента сравнительного характера, позволяющего переносить свойства с одного объекта (источника) на другой (объект критики). Такой прием позволяет не только акцентировать внимание на негативных аспектах объекта критики, но и формировать определенное общественное мнение о нем.

Пример из летних дебатов 2024 года между Дональдом Трампом и Джо Байденом:

“How many billions of dollars do you owe in civil penalties for molesting a woman in public, for doing a whole range of things, of having sex with a porn star on the night – and while your wife was pregnant? I mean, what are you talking about? You have the morals of an alley cat.”⁷ — «Сколько миллиардов долларов вы должны заплатить в качестве гражданских штрафов за домогательство к женщине на публике, за целый ряд других действий, за секс с порнозвездой в ту ночь, когда ваша жена была беременна? Я имею в виду: о чем вы говорите? У вас мораль бездомного кота».

Джо Байден, используя метафору, намекает на судебный процесс, в котором Д. Трамп был обвиняемым по делу о домогательстве в отношении журналистки Кэрролл, подавшей на него в суд спустя 27 лет⁸.

But now the former chancellor faces a fierce fight to gain the keys to No 10, denounced by allies of the Prime Minister as a treacherous “snake” who brought down his former mentor⁹ — Однако

⁷ Smith D. ‘You’re the sucker, you’re the loser’: 90 miserable minutes of Biden v Trump // The Guardian. 24.06.2024. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jun/28/biden-trump-first-presidential-debate> (дата обращения: 30.06.2024)

⁸ Trump Rape Lawsuit. Jury Finds Trump Liable for Sexual Abuse and Defamation // The New York Times. May 9, 2023 – URL: <https://www.nytimes.com/live/2023/05/09/nyregion/trump-carroll-rape-trial-verdict> (дата обращения: 30.06.2024)

⁹ Cordon G. Rishi Sunak: The Tory golden boy whose crown slipped // Independent. 18 July 2022. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/boris-johnson-akashata-murty-rishi-sunak-theresa-may-prime-minister-b2125449.html> (дата обращения: 01.07.2024)

теперь бывшему канцлеру казначейства предстоит ожесточенная борьба за ключи от официальной резиденции в доме № 10, и о котором союзники премьер-министра отзываются как о **коварной «змее», свергнувшей его бывшего наставника.**

В данном примере метафора в адрес Риши Сунака использована с целью создать образ коварного, хитрого и нечестного человека, ряд сопартийцев отзывался о нём как о человеке, который всегда думал только о собственных интересах.

В российском медиапространстве за фигурой пресс-секретаря Белого Дома Карин Жан-Пьер уже прочно закрепился ярлык, в основе которого лежит сходство с популярным мультипликационным персонажем:

*«Домовёнок Кузя» Карин Жан-Пьер очень сильно пытается оправдать странное поведение Байдена*¹⁰.

Пабло Иглесиас Туррион — бывший министр социального развития Испании и бывший лидер партии «Podemos» часто подвергался критике и становился объектом насмешек со стороны его политических противников, которые пренебрежительно называли его **«el coleta de podemos».**

*La coleta de Pablo Iglesias era todo un símbolo de identidad y también un insulto que usaban sus adversarios políticos al llamarle de manera despectiva «el coletas»*¹¹ — *Косичка Пабло Иглесиаса была настоящим символом идентичности, а также оскорблением, которое использовали его политические оппоненты, пренебрежительно называя его «Косичка».*

“La coleta” с испанского языка переводится как «косичка». П. Иглесиас действительно носил косичку, которая стала настоящим символом его идентичности. После того как он покинул политику, он распрощался со своей косичкой.

ПНЯ-метонимия

Если основой для ПНЯ-метафоры является образное сравнение, то в случае с ПНЯ-метонимией это перенос по смежности, например, для навешивания ярлыков в политическом медиапространстве используются *слуры* — «уничижительные высказывания, относящие человека к ка-

кой-либо социальной группе общества на основе сложившихся стереотипов — типичных негативных качеств, ассоциирующихся с ней» [4].

Например, Дональд Трамп в ходе своей предыдущей предвыборной кампании использовал этот приём, охарактеризовав Камалу Харрис следующим образом:

*«She's a communist. She's well beyond a socialist. Take a look at her views. She wants to open up the borders to allow killers and murders and rapists to pour into our country»*¹² — *Она коммунистка. Она намного больше, чем социалистка. Обратите внимание на ее взгляды. Она хочет открыть границы, чтобы позволить убийцам и насильникам хлынуть в нашу страну.*

В США к коммунистам относятся негативно, Трамп пытается дискредитировать Харрис, убедив целевую аудиторию в том, что она коммунистка, которая не просто не решит проблему с границами и нелегальными мигрантами, но и усугубит её.

*Once the golden boy of the Tory Party, Rishi Sunak enjoyed a meteoric rise under Boris Johnson and for so long appeared to be his most likely successor*¹³ — *Некогда золотой мальчик из партии Тори, Риши Сунак добился стремительного взлета при Борисе Джонсоне и долгое время считался его наиболее вероятным преемником.*

В вышеприведённом примере — намёк на то, что Риши Сунак происходит из привилегированной и богатой семьи и только поэтому смог занять пост премьер-министра.

Бывший вице-председатель испанского правительства Сорайя Саэнс де Сантамария признала, что испытывает на себе проявление «неприемлемого мачистского поведения», несмотря на высокую должность, которую она занимает¹⁴. Её нередко называли «la sombra de Rajoy (тень Рахоя)» или «la mano derecha de Rajoy (правая рука Рахоя)»:

¹² Earle G. Trump calls 'unlikable' Kamala Harris 'a monster' and a 'communist' after her VP debate performance — and says Joe Biden 'won't make it two months' as President // // Daily Mail Online. 8 October, 2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8819571/Donald-Trump-twice-calls-Kamala-Harris-monster-VP-debate.html> (дата обращения: 02.07.2024)

¹³ Cordon G. Rishi Sunak: The Tory golden boy whose crown slipped // Independent. 18 July 2022. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/boris-johnson-akshata-murty-rishi-sunak-theresa-may-prime-minister-b2125449.html> (дата обращения: 01.07.2024)

¹⁴ Что было вчера: Испанский вице-премьер — жертва «мачистских нападков». URL: <https://russpain.com/news/old-news/news-19955-53068> (дата обращения: 03.07.2024)

¹⁰ Верим // Абзац медиа. 18.06.2024. URL: <https://t.me/absatzmedia/92459> (дата обращения: 01.07.2024).

¹¹ LaSexta. Así hablaba Iglesias de su coleta al convertirse en líder de Podemos: «No me la pienso cortar mientras la alopecia me respete». URL: https://www.lasexta.com/programas/mas-vale-tarde/te-explicamos/asi-hablaba-iglesias-coleta-convertirse-lider-podemos-pienso-cortar-mientras-alopecia-respete_20210512609c1f9b866b580001e90b9f.html (дата обращения: 01.10.2024).

*La Sombra de Rajoy. La mano derecha de Rajoy sobrevivió a los críticos de su partido y se convirtió en la guía del PP tras la derrota de 2008*¹⁵ — «**Тень Рахоя. Правая рука Рахоя пережила критику со стороны своего партийного окружения и стала лидером Народной партии после поражения в 2008 году**».

Это попытка подчеркнуть, что она всегда находилась в тени других высокопоставленных членов Народной партии.

ПНЯ-дисфемизм

Дисфемизм — осознанное применение табуированных языковых форм или слов, обладающих пониженным стилем, а также нейтральной лексики, несущей негативную, порой даже оскорбительную коннотацию с целью манипуляции.

К сожалению, дисфемизмы стали мощным средством, которые используются политическими деятелями и СМИ. Основная причина — расчёт на сильные эмоции аудитории, в силу этого они больше запоминаются [1]. Дисфемизмы могут быть и завуалированными.

Например:

*Biden became mentally impaired. Kamala was born that way*¹⁶ — **Байден стал умственно неполноценным. Камала родилась такой**.

Д. Трамп завуалированно оскорбляет Камалу Харрис как политического оппонента, затронув тему её умственных способностей.

*США и их натовские вассалы, вооружая Вооруженные силы Украины, как они считают, мощным оружием и тренируя их военных, делают всё для эскалации боевых действий*¹⁷.

В данном примере Мария Захарова, представитель МИД РФ, использовала завуалированный дисфемизм в адрес стран НАТО, а также тех, кто, не входя в НАТО, их поддерживает, осуждая их действия.

¹⁵ Magis Iglesias. La sombra de Rajoy. URL: https://www.diariodenavarra.es/noticias/mas_actualidad/nacional/la_sombra_rajoy_60413_1031.html (дата обращения: 03.07.2024)

¹⁶ Trump labels Harris ‘mentally impaired’// RT. 29 Sep, 2024. – URL: <https://www.rt.com/news/604910-trump-harris-mentally-impaired/> (дата обращения: 02.10.2024)

¹⁷ Захарова обвинила США в подталкивании Украины к военным преступлениям // Известия. 10.02.23 – URL: <https://iz.ru/1468148/2023-02-10/zakharova-obvinila-ssha-v-podtalkivanii-ukrainy-k-voennym-prestupleniiam> (дата обращения: 08.07.2024)

Заключение

В ходе данного исследования были проанализированы лингвистические способы актуализации приема навешивания ярлыков, используемые в медиапространствах США, Великобритании, Российской Федерации и Испании.

Авторами статьи проанализирован 191 пример ПНЯ из СМИ. Из них 41 пример — случаи с пейоративами, 62 примера — с метафорами, 53 — метонимией, 34 — дисфемизмами.

Важным моментом является то, что понятия «прием навешивания ярлыков» и «ярлык» — не одно и то же. Появление ярлыка является следствием эффективного применения данного приема. Однако использование приема навешивания ярлыков не всегда завершается формированием ярлыка.

Во всех четырёх медиадискурсах чаще всего встречались случаи приёма навешивания ярлыков посредством метафор. В медиадискурсе США замечены более частые случаи использования пейоративов и дисфемизмов по сравнению с другими тремя странами. В британском медиадискурсе преобладают метафоры и метонимии. Испанский и российский медиадискурсы демонстрируют наименьшее количество случаев использования дисфемизмов. Для российского дискурса в определенной степени присуще использование завуалированных дисфемизмов.

Важно подчеркнуть, что российские СМИ, ссылаясь на западные источники, часто публикуют статьи о международных событиях, прибегая к переводу провокационных и дискредитирующих высказываний политических деятелей Запада. Тем не менее, подобные провокационные и оскорбительные высказывания, характерные для риторики таких политиков, как Дональд Трамп и Джо Байден, отсутствуют в официальных российских СМИ. Это обстоятельство, безусловно, связано с более высокими уровнями политической культуры и дипломатии, а также с усилиями российских политиков, направленными на предотвращение дальнейшей эскалации конфликтов.

ПНЯ по отношению к российским политическим и другим деятелям, русским (и советским) людям в иноязычной прессе — явление частое, в силу этих причин этот вопрос может составить материал отдельных статей или монографии.

Список источников

1. Бодулева А. Р., Янгирова Г. В. Дисфемизмы как средства выражения субъективной модальности для реализации манипулятивной цели автора массмедийного сообщения // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizmy-kak-sredstva-vyrazheniya-subiektivnoy-modalnosti-dlya-realizatsii-manipulyativnoy-tseli-avtora-massmediynogo/viewer> (дата обращения: 06.07.2024).
2. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение. Вып. 1. Красноярск, 2000. С. 42–53.
3. Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 95–101.
4. Гладилин А. В. Табу и слуры // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 1 (29). URL: <https://rulb.org/archive/1-29-2022-april/tabu-i-slury> (дата обращения: 01.07.2024).
5. Жабина Л. В., Карапетова И. Н. К вопросу о наиболее и наименее часто используемых лексико-грамматических приёмах речевого манипулирования в политических текстах // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 3 (51). URL: <https://rulb.org/archive/3-51-2024-march/10.18454/RULB.2024.51.18> (дата обращения: 21.06.2024).
6. Жабина Л. В., Карапетова И. Н., Кара-Казарьян Т. В., Федотова В. Ю. Сравнительная характеристика дискурса политических лидеров (на материале выступлений Д. Трампа и Э. Макрона) // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 8 (36). URL: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.5> (дата обращения: 21.06.2024).
7. Иванов Л. Ю. Пиар есть пиар — примеры речевой манипуляции в новом российском политическом дискурсе // Sprach · Literatur · Politik. Ost-und Sudosteuroopa im Wandel/hgg. В. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede. Hamburg, 2004. S. 33–62.
8. Ильичева Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 4. URL: <https://rulb.org/archive/3-51-2024-march/10.18454/RULB.2024.51.18> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование [Электронный ресурс]: учеб. Пособие. 4-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
10. Нахимова Е. А., Руженцева Н. Б. Функции ярлыка в коммуникативном портрете политика (на материале современных печатных СМИ) // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-yarlyka-v-kommunikativnom-portrete-politika-na-materiale-sovremennyh-pechatnyh-smi/viewer> (дата обращения: 24.06.2024).
11. Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И. «Навешивание ярлыков» как прием реализации тактики унижения и оскорбления в британском предвыборном медиадискурсе 2022 года // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naveshivanie-yarlykov-kak-priem-realizatsii-taktiki-unizheniya-i-oskorbleniya-v-britanskom-predvybornom-mediadiskurse-2022-goda/viewer> (дата обращения: 23.06.2024).
12. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. 2019. № 1. С. 44–57.
13. Якунин С. А. Интерпретационный диссонанс в медиадискурсе информационной войны // Новые вызовы в новой науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2020. С. 305–316.
14. Dijk T. A. van. Discourse and Manipulation // Discourse and Society. 2006. No. 17 (2). URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2006-Discourse-and-manipulation.pdf> (дата обращения :17.06.2024).
15. Edward S. Herman, Noam Chomsky. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988; ISBN 0-679-72034-0. 464 p.
16. Saussure L. de. Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses https://www.researchgate.net/publication/267855716_Manipulation_and_cognitive_pragmatics_Preliminary_hypotheses (дата обращения 17.06.2024).

References

1. Boduleva AR, Yangirova GV. Dysphemisms as Means of Expressing Subjective Modality for Achieving the Manipulative Goals of the Author of Media Messages. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*. 2023;(6(103)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizmy-kak-sredstva-vyr-azheniya-subiektivnoy-modalnosti-dlya-realizatsii-manipulyativnoy-tseli-avtora-massmediynogo/viewer> (data obrashcheniya: 06.07.2024). (In Russ.).
2. Bykova ON. Experience of Classifying Tactics of Speech Manipulation in Media Texts. *Rechevoe obshchenie. Vyp. 1. = Speech Communication. Issue 1*. Krasnoyarsk, 2000. P. 42–53. (In Russ.).
3. Vinogradova SA. Tools of Speech Manipulation in Political Media Discourse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2010;(2):95-101. (In Russ.).
4. Gladilin AV. Taboos and Slurs. *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2022;(1(29)). Available at: <https://rulb.org/archive/1-29-2022-april/tabu-i-slury> (accessed: 01.07.2024). (In Russ.).
5. Zhabina LV, Karapetova IN. To the Issue of the Most and Least Frequently Used Lexical and Grammatical Speech Manipulation Techniques in Political Texts. *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2024;(3(51)). Available at: <https://rulb.org/archive/3-51-2024-march/10.18454/RULB.2024.51.18> (accessed: 21.06.2024). (In Russ.).
6. Zhabina LV, Karapetova IN, Kara-Kazaryan TV, Fedotova VU. A Comparative Characterization of the Discourse of Political Leaders (Based on the Speeches of D. Trump and E. Macron). *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2022;(8 36). Available at: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-decem-ber/10.18454/RULB.2022.36.5> (accessed: 21.06.2024). (In Russ.).
7. Ivanov LYu. Examples of Speech Manipulation in the New Russian Political Discourse = Sprach Literatur Politik. Ostund Sudosteuropa im Wandel/hgg. B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede. Hamburg, 2004. P. 33-62.
8. Ilicheva YA. Speech Manipulation in Political Texts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2013;(4). Available at: <https://rulb.org/archive/3-51-2024-march/10.18454/RULB.2024.51.18> (accessed: 20.06.2024). (In Russ.).
9. Kopnina GA. Speech Manipulation [Electronic Resource]: Textbook – 4th ed., revised. Moscow: FLINTA, 2012. 170 p. (In Russ.).
10. Nakhimova EA, Ruzhetseva NB. Functions of Labels in the Communicative Portrait of a Politician (Based on Modern Print Media) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika = Ecology of Language and Communicative Practice*. 2019;(4-2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-yarlyka-v-kommunikativnom-portrete-politika-na-materiale-sovremennyh-pechatnyh-smi/viewer> (accessed: 24.06.2024). (In Russ.).
11. Ryzhkova EV, Kokkonen EI. “Labeling” as a Way for Implementing Humiliation and Insult in the 2022 British Electoral Media Discourse. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Novgorod State University*. 2022;(6(45)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/naveshivanie-yarlykov-kak-priem-realizatsii-taktiki-unizheniya-i-oskorbleniya-v-britanskom-predvybornom-media-diskurse-2022-goda/viewer> (accessed: 23.06.2024). (In Russ.).
12. Skuorodnikov AP, Kopnina GA. Political Labels in Modern Russian-Language Media Discourse. *Russkaya rech = Russian Speech*. 2019;(1):44-57. (In Russ.).
13. Yakunin SA. Interpretative Dissonance in the Media Discourse of Information Warfare. In: *Novye vyzovy v novoy nauke. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = New Challenges in New Science. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference*. 2020. S. 305-316. (In Russ.).
14. Dijk TA van. *Discourse and Manipulation = Discourse and Society*. 2006;(17(2)). Available at: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2006-Discourse-and-manipulation.pdf> (accessed: 17.06.2024).
15. Herman ES, Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988. ISBN 0-679-72034-0. 464 p.
16. Saussure L de. Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses https://www.researchgate.net/publication/267855716_Manipulation_and_cognitive_pragmatics_Preliminary_hypotheses (accessed: 17.06.2024).

Информация об авторах

Л. В. Жабина — кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков.

М. Л. Карданова — старший преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела.

М. Г. Павлова — кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков.

Information about the authors

L. V. Zhabina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of European Languages.

M. L. Kardanova — Senior lecturer, Department of Tourism and Hotel Business.

M. G. Pavlova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of European Languages.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-36-45

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

Ольга Николаевна Кондратьева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, Olnik25@mail.ru, Scopus Author ID: 57192920663, 0000-0001-9469-3634,

Аннотация. Статья посвящена проблеме самоидентификации российских граждан на современном этапе развития социума, демонстрируется, что существенную роль в подобных процессах играет метафоризация, позволяющая эксплицировать наиболее значимые особенности конструируемой пользователями социальных сетей идеализированной общности «россияне / русские». Анализируются самоидентифицирующие дискурсивные конструкции, извлеченные из социальных сетей посредством системы «Яндекс. Поиск по блогам» за период 2013–2023 гг. Сбор и первичная обработка языкового материала осуществлялись с применением корпусного метода и метода контент-анализа, для классификации и интерпретации материала использовались дистрибутивный метод и метод метафорического моделирования. Продемонстрировано, что метафорическая самоидентификация русскоязычных пользователей социальных сетей осуществляется по формуле «X — это Y», включающей сферу-мишень («Россияне / Русские») и многочисленные сферы-источники метафорической экспансии: «Дом», «Семья», «Организм», «Растения», «Животные», «Вещества», «Водоемы», «Астрономия» и «Кулинария». Выявлено два варианта метафорической самоидентификации — позитивный (большинство метафорических моделей) и негативный (зооморфная модель), интерпретируемый представителями сетевого сообщества как продукт западной пропаганды и жестко критикуемый. Большинство метафор актуализирует пассионарность русского этноса, его способность объединять другие народы, равенство всех народов и народностей, проживающих в России, что убедительно доказывает, что стихийная непрофессиональная самоидентификация россиян не противоречит принципам, на которые обращали внимание многие философы, культурологи и социологи.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, дискурсивное конструирование, метафора, сетевой дискурс, россияне, русские

Для цитирования: Кондратьева О. Н. Метафора как способ самоидентификации россиян в сетевом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 36–45. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-36-45.

Original article

METAPHOR AS A WAY FOR RUSSIAN SELF-IDENTIFICATION IN THE ONLINE DISCOURSE

Olga N. Kondratyeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, Olnik25@mail.ru, Scopus Author ID: 57192920663, 0000-0001-9469-3634

Abstract. The article discusses the Russian citizens' self-identification at the present stage of society development. It is demonstrated that metaphorization plays a significant role in such processes explicating the most significant features of the idealized community "Russians" constructed by social networks' users. The research material are self-identifying discursive constructions extracted from social networks through the *Yandex. Blogsearch* for the period 2013-2023. The collection and primary processing of language material is carried out using the corpus and the content analysis methods. The distributive method and the method of metaphorical modeling are used to classify and interpret the material. It is proved that the metaphorical self-identification of the Russian-speaking social networks' users is carried out according to the formula "X is Y" including the target sphere ("Russians/Russians") and numerous source spheres of metaphorical expansion ("Home", "Family", "Organism", "Plants", "Animals",

“Substances”, “Bodies of Water”, “Astronomy”, and “Cooking”). Two variants of metaphorical self-identification are revealed — positive (most metaphorical models) and negative (zoomorphic model) interpreted by the network community’ representatives as a product of Western propaganda and being harshly criticised. Most metaphors actualise the Russian ethnos passionarity, its ability to unite other peoples, the equality of all nationalities living in Russia which proves that the spontaneous non-professional Russian self-identification does not contradict the principles to which many philosophers, culturologists and sociologists stick.

Keywords: identity, self-identification, discursive construction, metaphor, network discourse, Russians

For citation: Kondratyeva ON. Metaphorical Self-Identification of Russians in the Online Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):36-45. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-36-45.

Введение

Политические трансформации конца XX–начала XXI вв., в частности, распад Советского Союза, присоединение Крыма, длительный конфликт на Украине, затрагивающий статус Донецкой и Луганской республик, привели к всплеску интереса к проблеме национальной и гражданской идентичности, объектом изучения социологов, психологов, философов, культурологов и лингвистов становится сеть идентификаций россиян, формирующих в разных видах дискурса идеализированную общность «Мы — россияне/русские». Для самосознания жителей современной России характерно наложение двух видов коллективной идентичности, в частности, российской национальной идентичности (отнесенность к государству) и русской национальной идентичности (отнесенность к нации и/или этносу), в связи с этим нам представляется продуктивным предложенное уральскими лингвистами понятие национально-гражданской идентичности, под которой понимается «сеть идентификаций, смысл которых связан с самоотнесением или приписыванием группе лиц принадлежности к сообществу, объединяемому на основе не только гражданства РФ и связи с территорией РФ, но и на основе русского языка, на основе связи с историей России и с видением путей ее развития, на основе культурных ценностей и образа жизни» [6. С. 98].

В современной научной парадигме четко фиксируется два подхода к понятию идентичности — жесткий (эссенциалистский) и мягкий (конструктивистский) [15; 16; 17; 2; 6; 7; 9 и др.]. Первый трактует идентичность как нечто стабильное, сложившееся раз и навсегда, второй интерпретирует идентичность как явление подвижное, изменчивое, конструирующееся в процессе существования социума и в процессе коммуникации представителей этого социума. Соответственно, исследователь-лингвист, придерживающийся «мягкой концепции идентичности, ставит вопрос не о репрезентации идентичности средствами языка, а о **конструировании** (выделено нами. —

Прим. авт.) идентичности в дискурсе» [6. С. 97]. Одним из основных элементов конструирования идентичности является самоидентификация, представляющая собой номинативную стратегию «причисления себя к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню» [10. С. 28].

В настоящий момент при рассмотрении процессов конструирования национально-гражданской идентичности исследуются преимущественно профессиональные дискурсы, в частности, политический и медийный (см., например: 3; 6; 9; 12 и др.), в то время как обращение к непрофессиональным дискурсам (сетевому, юмористическому) происходит достаточно редко (см., например, 1; 7; 13 и др.), несмотря на то, что подобный материал достаточно важен, поскольку позволит рассмотреть стихийные процессы идентификации и самоидентификации россиян.

Одним из продуктивных способов конструирования национально-гражданской идентичности является метафора, представляющая собой когнитивный механизм, посредством которого познается «неизвестное через известное, абстрактное — через конкретное, т. е. происходит перенос знаний из одной содержательной области в другую» [8. С. 22]. Для когнитивной лингвистики характерно максимально широкое понимание метафоры, обусловленное свойственным данному направлению переносом фокуса внимания исследователей «с взаимоотношений языковой формы и семантики на соотношение языковой семантики и обуславливающих ее формирование когнитивных механизмов» [11. С. 28]. В результате в объем метафоры включаются любые лексические и морфологические дериваты, созданные с использованием общих смысловых механизмов аналогического уподобления. В большинстве работ в одном ряду с метафорой рассматриваются фразеологизмы с метафорической внутренней формой, сравнительные обороты, перифразы, гиперболы, литоты, режы — метонимические переносы [11. С. 28; 14. С. 37 и др.]. Основным при таком рассмотрении образных средств является не их

языковая форма, а лежащие в их основе аналоговые механизмы.

При метафоризации устанавливаются аналогии между двумя понятийными областями, что позволяет «использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [14. С. 36]. При подобном подходе мы определяем *метафорическую самоидентификацию* как когнитивно-дискурсивный процесс, в рамках которого конструирование идентичности осуществляется путем установления аналогий между сферой-мишенью (социальной группой, к которой относят себя говорящие/пишущие) и сферами-источниками метафорической экспансии, предоставляющими ресурсы для актуализации базовых особенностей характеризующей группы.

Цель предлагаемого исследования — проанализировать особенности метафорической самоидентификации россиян в сетевом дискурсе. Хронологические рамки исследования — последнее десятилетие XXI в., т. е. 2013–2023 гг., это период, когда вопросы национальной и гражданской идентичности приобретают особое значение в российском обществе.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили дискурсивные конструкции самоидентичности, извлеченные из подкорпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка¹ и системы «Яндекс. Поиск по блогам»². Во всех дискурсивных конструкциях сохранены авторская орфография и пунктуация. Поисковые запросы были сформированы таким образом, чтобы получить контексты с эксплицитными лингвистическими маркерами, максимально ярко указывающими на национальную идентичность, в соответствии с данными условиями осуществлялись поисковые запросы «россияне — это...» и «русские (люди) — это...», в дальнейшем из полученных контекстов отбирались те, которые содержат метафорические конструкции самоидентичности, в итоге было выбрано 138 контекстов. Сбор и первичная обработка языкового материала осуществлялись с применением корпусного метода и метода контент-анализа, для классификации и интерпретации материала использовались дистрибутивный метод и метод метафорического моделирования.

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> https://yandex.ru/q/question/est_liudi_kotorye_govoriat_russkie_eto_ne (дата обращения: 10.09.2023).

² Яндекс. Поиск по блогам. URL: <https://yandex.ru/blogs/> (дата обращения: 13.12.2023).

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ материала показал, что в сетевом дискурсе активно обсуждаются вопросы национальной-гражданской идентичности, в фокусе внимания пользователей находится «титовская нация» и критерии отнесения/самоотнесения к ней, особое внимание уделяется поиску базовых идентификаторов, в частности, объектом оживленных дискуссий становится выбор в качестве приоритетного одного из двух доминирующих вариантов — россияне или русские, т.е. подобные дискуссии «вокруг происхождения, функционирования и особенно современного статуса слов русский, российский россиянин» [3. С. 152] переносятся из профессиональной сферы в непрофессиональную и становятся яркими маркерами идентификационной саморефлексии.

Пользователи социальных сетей зачастую смешивают данные понятия, что проявляется как в замене внутри одного высказывания идентификатора *россияне* на идентификатор *русские*, употреблении названных идентификаторов через запятую, а также в метаязыковых высказываниях, интерпретирующих данные лексемы как контекстуальные синонимы: *Строго говоря понятия русского (в широком смысле) и россиянина синонимичны — это граждане России, носители русской культуры вне зависимости от этнической принадлежности. Но, так как буржуазная контрреволюция породила национализм (в том числе и русский национализм), заменив им интернационализм (советский народ), Борьбе с его советниками пришлось придумать дорогих россиян. В связи с этим употребление слова российский вместо русский отличается националистическим оттенком*³.

Участники сетевой коммуникации дают достаточно негативную оценку идентификатора *россияне/россиянин*, воспринимая его как некий искусственный конструкт (языковые маркеры: *искусственный, корявый, выдумка, придумать*) и отмечая его националистический характер (языковые маркеры: *руссофобы, национализм, националистический*): *После «Беловежской путчи» термин россияне стал использоваться на официальном уровне. Но многие грамотные люди понимали всю искусственность и корявость этого термина*⁴; *«Россиянин» — это выдумка*

³ Есть люди, которые говорят... // Яндекс.Кью. URL: https://yandex.ru/q/question/est_liudi_kotorye_govoriat_russkie_eto_ne (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ Как будем величаться — Россияне или Русские? (опрос) // Живой журнал. URL: <https://ivan-sc.livejournal.com/21822.html> (дата обращения: 13.12.2023).

*ельцинской эпохи русофобов. Те, кто входил в Россию, становились русскими — русский пермяк, рус. удмурт, рус. вотяк, рус. чухонец, рус. калмык, рус. бурят*⁵.

Таким образом, пользователи социальных сетей в большей степени идентифицируют себя как русских, а не как россиян. Следующим шагом в процессе самоидентификации становится вопрос о дифференцирующих признаках, по которым можно определить представителей русского народа, на этой стадии доминирующим становятся уже не только вопросы «Кто мы?», но и «Кто такие россияне/русские?» и «Кого можно назвать россиянином/русским?». Это вопросы «о системе приоритетов и символах, способствующих осознанию общности, сплочению ее в единое целое» [7. С. 63].

Показательно, что процессы идентификации и самоидентификации пользователи социальных сетей достаточно часто вербализуют посредством метафор, в частности, сетевые дискуссии о россиянах и русских интерпретируются сквозь призму анатомических и химических метафор: **Вскрытие россиянина. Вернёмся к нашим баранам, то есть к «россиянам». В конституции РФ содержится крайне мало информации о том, кто такие россияне⁶; Не надоело без конца препарировать титульную нацию (и, лишь ее одну)? Оставьте русских в покое, иначе когда-нибудь, русские побеспокоят вас⁷; Человек — это звучит гордо — русское. Это как лакмусовая бумажка определяет русского, воистину русского человека и воина света⁸.**

Самоидентификация пользователей как представителей национально-гражданского сообщества также регулярно происходит в метафорической форме, осуществляется по формуле «X — это Y», включающей сферу-мишень («Россияне/Русские») и многочисленные сферы-источники метафорической экспансии, к числу которых относятся «Дом», «Семья», «Организм», «Растения», «Животные», «Вещества», «Водоемы»,

⁵ Есть люди, которые говорят... // Яндекс.Кью. URL: https://yandex.ru/question/est_liudi_kotorye_govoriat_russkie_eto_ne (дата обращения: 10.09.2023).

⁶ Кто такие россияне? Анализ конституции РФ // Живой журнал. URL: <https://samolet73.livejournal.com/584716.html> (дата обращения: 13.12.2023).

⁷ Кто такие русские??? // Живой журнал. URL: <https://ru-politics.livejournal.com/23865058.html> (дата обращения: 13.12.2023).

⁸ Русский человек: я нашла точное определение этому понятию // Yablog.ru — рейтинг блогов рунета. URL: <https://yablog.ru/blogs/russkiy-chelovek-ya-nashla-tochnoe-/7381531> (дата обращения: 10.09.2023).

«Астрономия» и «Кулинария», каждая из которых позволяет акцентировать внимание на особенностях характеризующей группы.

1. Сфера-источник «Дом». Метафора дома традиционно «связана с позитивными прагматическими смыслами: дом — это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей» [14. С. 164]. Чаще всего подобные метафоры используются участниками дискуссий об основном идентификаторе, в частности, о выборе в качестве него политонима *россияне* или этнонима *русские*. В подобных обсуждениях при аргументации активно применяется метонимический принцип: Россия — это целое, население — ее часть, соответственно, это объясняет использование идентификатора россияне, при этом страна воспринимается пользователями как дом, а ее граждане — как жильцы:

— *В общем, я пользуюсь обеими словами — и «русский», и «российский» — в зависимости от того, о какой группе идёт речь. А как говорите и пишете Вы?*

— *Суть проблемы непонятна для меня. Когда говорят «жильцы дома № X» никто же не кричит что он **Иванов**, а не **жилец дома xxx**. А кто в России живет? Население? Дорогое население... поздравляем вас с праздником*...⁹ Приведенный пример показывает, что в большом и надежном доме (России) у каждого жильца (народа) есть свое жизненное пространство и все обладают равными правами и возможностями.: **Россия богата именно множеством народов под верховенством имперскообразующего русского, российского народа. Россия — не плавильный котёл для наций, это русский дом, где малым народам даны комнаты и равные права в государстве русских**¹⁰.*

2. Сфера-источник «Семья». Метафоры данной группы развивают тематику, задаваемую метафорами дома, и реализуют идею близости, доверия, заботы и поддержки, объединяющих членов одной большой и дружной семьи: **Россия и россияне — это семья Узли. Не самые богатые, потому что радушные и не завистливые. Дружные, любознательные, умные, веселые, готовые принять в свою семью и защитит любого Гарри Поттера (ЛДНР).**

⁹ Русский — это объединяет // Сделано у нас. Нам есть, чем гордиться. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/24701/> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁰ Русский — это объединяет // Сделано у нас. Нам есть, чем гордиться. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/24701/> (дата обращения: 10.09.2023).

И даже жизнь за него отдать¹¹; Нету чистых русских. Не бывает в принципе! Русские – это **СЕМЬЯ НАРОДОВ**. Это собирательный образ народа живущего в России¹²; Вообще-то русские — это сеть русских семей, связанных между собой в поколениях кровным родством¹³; Русские это семья¹⁴.

3. Сфера-источник «Организм». Подобные метафоры позволяют охарактеризовать россиян как единое целое, один живой и активно развивающийся организм, объединяющая функция русского народа дополнительно актуализируется посредством добавления к лексеме организм приставок над- и супер-. **Что же означает эта самоидентификация? С чем себя ассоциирует «русский»? С другими русскими? Не всегда — порой слышишь «я с ним с...ь не сяду». Нация, народ — вещь сложная, разнородная. Я предлагаю считать, что мы, словно молекулы, образуем некий НАДорганизм — и у него есть свои цели, желания, инстинкты и т.д.**¹⁵; Не вопрос, **хотите считать себя русскими — считайте на здоровье, никто запретить не может. ... Нация, в сущности, это суперорганизм**¹⁶.

Этот национальный «организм» невозможно механически разделить на отдельные составляющие (народы) без серьезного ущерба для него, поскольку каждая его часть выполняет свою важную для существования всего организма функцию: **Борьба с национализмом в этом контексте — это не создание некоей более глобальной общности вместо национальной организации, а разрушение и дезинтеграция общности как таковой. Разрушая, молекулы, атомы и здоровые клетки, Вы не укрепляете весь сплав или организм**¹⁷; Нет и не может быть в одной стране

¹¹ Кто такие русские??? // Живой журнал. URL: <https://aftershock-1.livejournal.com/14686615.html> (дата обращения: 13.12.2023).

¹² К.К. жив // Живой журнал. URL: <https://tbv.livejournal.com/7236221.html> (дата обращения: 13.12.2023).

¹³ Этнические русские // Живой журнал. URL: <https://tito0107.livejournal.com/1530290.html> (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁴ Русские это семья // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/video/34044447379> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁵ Я – русский. Что это означает? // Живой журнал. URL: <https://savvateev.livejournal.com/107288.html> (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁶ Русский — это объединяет // Живой журнал. URL: <https://butina.livejournal.com/526728.html?ysclid=lrq2f3nescu480293981> (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁷ Там же.

«своих» и «чужих». **Это единый организм, одна плоть и кровь, как можно выбрать, например, что важнее — рука или нога? Если «перестать кормить» хотя бы один орган, это приведёт к гибели всей целостной системы**¹⁸.

Также метафоры организма активно используются для характеристики русского этноса как наиболее древнего, имеющего давнюю культурную историю, для этой цели активно применяются метафоры жизни и возраста, также используется прием контраста, позволяющий сопоставить возраст России и населяющих ее народов в сравнении с Европой: **Кончайте Бред расистский. Есть исследования ДНК. Русский этнос один из самых древних и стабильных**¹⁹; **На Земле в настоящее время только 3 древних великих цивилизации живут более 3000 лет на месте их образования: Индийская, Китайская и Русская. «Старушка» Европа по сравнению с ними малолетняя невежественная з...а, набравшаяся у них немного ума**²⁰.

4. Сфера-источник «Растения». Фитоморфные метафоры используют в сетевом дискурсе для описания происхождения и установления родственных связей русского народа, для этого в метафорическом значении употребляются лексемы *ветви и корни*: **Великороссы, малороссы и белоруссы — три ветви русского народа с единой религией, историей, культурой и широчайшими родственными связями**²¹; **Но все же, так как русских в России почти 90 %, имеется полный смысл поискать корни «титупной нации»**²².

Метафоры зерна и мешка с зерном, колосьев и пшеничного поля, на котором они растут, позволяют пользователям подчеркнуть ассимилирующий характер русского этноса, вобравшего в себя представителей разных народов: **Русский — это прилагательное, и те 90 %, называющих себя**

¹⁸ «Хватит кормить!» как шаг к сепаратизму // Живой журнал. URL: <https://novopashin.livejournal.com/241502.html> (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁹ За свободу слова, гласность и справедливость // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-27347565_5120 (дата обращения: 10.09.2023).

²⁰ Вот и думай, кто такие русские! // Живой журнал. URL: <https://svsx.livejournal.com/1321660.html> (дата обращения: 13.12.2023).

²¹ Великороссы, малороссы и белоруссы – три ветви русского народа // Одноклассники. URL: <https://m.ok.ru/russianscossacks/topic/153823054348348> (дата обращения: 10.09.2023).

²² Русский народ самый древний этнос: русские, скорее всего, вовсе не славяне... // Живой журнал. URL: <https://svsx.livejournal.com/1315930.html> (дата обращения: 13.12.2023).

русскими, далеко не все великороссы. То есть это уже вопрос культурный, а не кровный. Вообще, на мой взгляд, лучше смотреть на это с точки зрения Культуры, а не просто народа. Это как пшеницу надо рассматривать как культуру, а не мешок зерна или поле с колосьями. Народ же — носитель Культуры, зерна, а страна/цивилизация — воплощение данной Культуры²³.

5. Сфера-источник «Животные». Зооморфная метафорика традиционно обладает пейоративным прагматическим потенциалом, поэтому вполне предсказуемо, что подобные метафоры в сетевом дискурсе работают на негативную самоидентификацию, или, как ее еще называют, «самоконституцию от противного» [4. С. 271], представляющую собой отмежевание от других объектов и выражаемую как отрицание каких-либо свойств или ценностей у их носителей. Подобная негативная самоидентификация «часто воспроизводится как знак чужого мнения для того, чтобы отказаться от него» [5. С. 164–165]. Маркерами чужого мнения при характеристике россиян как представителей животного мира выступают лексемы *пропаганда*, *русофобия*, а также частица *мол* и словосочетания *держат нас*, *пытаются представить* и т. п.: *Один из таких мифов, упорно насаждаемых как госпропагандой, так и либералпропагандой, что россияне это что-то наподобие бессловесных животных или немощных «надомников», чьей рукой и волей водит Начальничек*²⁴.

Основной целью использования зооморфных метафор является указание на стремление иностранной пропаганды подвергнуть сомнению «чистоту» русской нации, что на языковом уровне достигается за счет использования в переносном значении лексем *порода*, *беспородный*, *помесь*, *дворяняга*, а также устойчивого выражения *смесь бульдога с носорогом*: *Вот так это и надо понимать — нас пытаются держать даже не за помесь (в помести хотя бы различимо, «кто с кем» мешался, бывают ведь и удачные помеси, дающие начало породам), а за помесь помесей, за беспородных, ЗА ДВОРНЯГ. Причём те, кто держат, отлично знают, что помесью беспородной был позорно, гадко, и что смысл, цель и права имеет только ПОРОДА*²⁵; *И только ОДИН русский вечно под прицелом как исто-*

*риков норманнистов от Германии, так и псевдогенетиков от ряда малых, но агрессивных русофобских народов. Мол, только русские некая смесь бульдога с носорогом. Такое злобно-подленькое утверждение. А вдруг поверят?*²⁶.

Негативный эффект подобных метафорических идентификаций русского этноса подчеркивается как критической характеристикой авторов подобных интерпретаций (*псевдогенетики, агрессивные русофобские народы*), так и негативной оценкой самих аналогий (*злобно-подленькое, позорно, гадко*) и квалификацией высказываний подобного плана как недопустимых и возможных исключительно в рамках идеологии фашизма: *Вы, видимо, почитали новомодных украинских историков, там сейчас вовсю культивируется теория, что настоящие русские — это украинцы, а русские — это мокши (почему то именно этот народ выбрали). Про мокшу. Напоминаю, что люди — это не котята и щенята, чтобы говорить об их «чистокровности». Это тоже фашизм. Каждый большой народ за всю свою историю ассимилирует десятки малых, и, справедливости ради, это идет ему на пользу*²⁷.

Также отмечены единичные случаи, в которых посредством зооморфной метафоры пользователи демонстрируют доминирующую роль русского народа (метафора *слона*) на фоне существенно уступающих ему в значимости других народов и народностей (метафоры *букашки* и *сверчка*, который *должен знать свой шесток*): *И уж совсем непонятно стремление нацменов и всяких инородцев объявлять себя русскими. ... В то же время все мы существуем в русском культурном пространстве и в этом смысле едины. При этом каждый народ должен знать свой шесток, отдавая должное титульной нации и совершенно недопустимо, чтобы каждая булашка находила возможным топтать слона или, что ещё хуже, выступить от его имени. Да, никто не спорит, мы все россияне. При этом неперенным условием такой самоидентификации является отдавание дани уважения государствообразующему народу, в чьих городах ты живёшь, на чьём языке говоришь и чьи книги читаешь*²⁸.

²³ Там же.

²⁴ Будет меньше равенства и справедливости // Живой журнал. URL: <https://wapkin.livejournal.com/wapkin> (дата обращения: 13.12.2023).

²⁵ Ещё раз о «кто такие русские» // Живой журнал. URL: <https://krylov.livejournal.com/1896078.html> (дата обращения: 13.12.2023).

²⁶ Хорошо бы ещё, чтобы каждый Человек, публично рассуждающий о Русском Народe ...// ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall195625665_40705?ysclid=lrq057u551245644616 (дата обращения: 10.09.2023).

²⁷ Мы имеем финно-угорскую кровь // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall4348018_15235?ysclid=lrq07qia6h936883934 (дата обращения: 10.09.2023).

²⁸ Русский = россиянин. Звучит гордо // Живой журнал. URL: <https://ruskiy-malchik.livejournal.com/675753.html> (дата обращения: 13.12.2023).

6. Сфера-источник «Водоемы». В процессе самоидентификации пользователи социальных сетей активно применяют метафоры крупных водоемов — *моря и океана*, подобные метафоры указывают на масштабность русской нации, на значительные территории, на которых проживают ее представители, а также на ассимилирующий характер русского этноса, вобравшего в себя и объединившего в одно целое малые народы (*реки и ручьи*): *А русские — это океан, затопивший огромную территорию, принадлежащую другим народам. И при этом народ, не покалечивший при расселении ни одной другой исконной для территории России культуры. Не уничтоживший ни одного народа*²⁹; *Русский — это прилагательное, и те 90 %, называющих себя русскими, далеко не все великороссы. То есть это уже вопрос культурный, а не кровный... И русская Культура стала великой, когда взяла в себя (породнилась) Культуры всего мира, от татарской до немецкой. Малоросская и белорусская остались почти нетронутыми ручейками, а русская Культура вобрала в себя все ручьи и речки и стала океаном*³⁰.

Также метафора больших водоемов позволяет актуализировать тему связи поколений: *«Я — русский» — что это значит непосредственно для вас? Это значит для меня чувствовать свою связь с морем моего более чем 100-миллионного рода, с нашими общими предками, с героями прошлого, с величием и мощью государства, некогда построенного моим народом*³¹.

7. Сфера-источник «Космос». Астрономические метафоры используются пользователями социальных сетей для указания на масштаб личности представителей русской нации, на их особую роль, соответственно, в метафорическом значении при самоидентификации используются лексемы, обозначающие максимально крупные астрономические объекты — *вселенная, космос: Русские это Вселенная!*³²; *А все потому, что*

²⁹ А русские – это океан // МирТесен. URL: <https://prostopolitik.mirtesen.ru/blog/43921718073/Nakipeloruskie-rossiyane-i-migranti/> (дата обращения: 10.09.2023).

³⁰ Русский народ самый древний этнос: русские, скорее всего, вовсе не славяне... // Живой журнал. URL: <https://lsvsx.livejournal.com/1315930.html> (дата обращения: 13.12.2023).

³¹ Что значит быть Русским? // Живой журнал. URL: <https://ru-politics.livejournal.com/45235369.html> (дата обращения: 13.12.2023).

³² К новой стране // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-182088640_4105 (дата обращения: 10.09.2023).

*русский человек — это не просто вам какой-то там хомо эректус или сапиенс, это вселенная, причем вселенная таких размеров, что астрономы предпочитают говорить о ней только шепотом*³³; *Мой личный вклад в пост невелик: «Русский есть КОСМОС...»*³⁴; *Русский есть КОСМОС: Космическая Осознающая Сущность Мироздания Одухотворенного Созидания*³⁵.

8. Сфера-источник «Вещества». В американской культуре широкое распространение получила концепция «*плавильного котла*» (англ. *melting pot*), согласно которой формирование американской национальной идентичности интерпретируется как «сплавление», «смешивание» народов. В русскоязычном сетевом дискурсе схожим образом представляются процессы формирования российской идентичности, в частности, входящие в состав России (плавильного котла) народы воспринимаются как металл, подвергающийся переплавке, а сами русские — как особый сверхпрочный сплав: *Россия — плавильный котел цивилизаций. Нет, никакой иронии и сарказма. Все абсолютно всерьез. В наших условиях все чужое и пришлое постепенно мутирует, обтесывается, как галька прибрежной волной, а в итоге становится частью уже местной, русской культуры, да еще такой основательной, что фига с два отковырнешь от основного массива*³⁶; *Рождение великоросса в «плавильном котле» Россиянии*³⁷; *Русские — это сплав разных народов, племён, рас. Среди нынешних «русских» не менее трети — монголоиды (урусский, да глаз усский)*³⁸.

В ряде отдельных случаев национально-гражданская самоидентификация осуществляется

³³ Русский человек – кто он? // Живой журнал. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/belenaya/post380788265/> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁴ Кто такие русские??? // Живой журнал. URL: <https://ru-politics.livejournal.com/23865058.html?ysclid=lrfz7zlj1q967269253> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁵ Быть русским в современных условиях // Живой журнал. URL: <https://ru-politics.livejournal.com/23865058.html?ysclid=lrfz7zlj1q967269253> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁶ Россия — плавильный котел цивилизаций // Живой журнал. URL: <https://serh.livejournal.com/636974.html> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁷ В «плавильном котле» Россиянии // Живой журнал. URL: <https://rus-vopros.livejournal.com/3389898.html?ysclid=lrg9ухosx5475373654> (дата обращения: 13.12.2023).

³⁸ Кто такие русские? // Живой журнал. URL: <https://leoliolev.livejournal.com/21987.html> (дата обращения: 13.12.2023).

непосредственно через метафору самого плавленного котла, которым ощущает себя россиянин, имеющий предков разных национальностей: **Я-украинец-чуваши-поляк-еврей-грузин Вообще русский! А ВВ кто фрэнды? Чувствую себя плавленным котлом ассимиляции**³⁹.

9. Сфера-источник «Кулинария». Метафоры подобного плана регулярно используются в сетевой коммуникации для характеристики процессов формирования сообщества русских людей в разные исторические периоды, названные процессы предстают как приготовление сложного блюда, чаще всего супа, винегрета или каши: *Галина Старовойтова (известный политик и социолог, с которой я был лично знаком по работе в Ленинградском Университете), сравнивала создание единой общности «советский народ» и «американский народ» с процессом варки супа, когда в итоге всё равно получается винегрет. То есть полного растворения в единую общность не получается — каждая нация стремится сохранить свою уникальность*⁴⁰; *Почему-то этносы не хотят растворяться в общемировой культурной «каше», терять собственную идентичность. Человек хочет быть частью всеобщего человечества, принадлежа к сообществу особенных и сохраняя при этом свою неповторимость, индивидуальность*⁴¹. Как видно из приведенных примеров, зачастую в процессе интеграции многие этносы стремятся сохранить свои специфические черты и избежать полного нивелирования.

Логичным продолжением подобного подхода становится самоидентификация русского народа через метафоры *супа, винегрета, салата, солянки, каши* (см. примеры выше), т. е. блюд, в состав которых входит несколько компонентов: *Между прочим казаки это по сути такая же сборная солянка, как и русские, как и татары те же*⁴².

В самоидентификационных высказываниях такого типа русские отводят себе ассимилирующую функцию, характеризуя себя как народ, вбирающий в свой состав представителей других на-

циональностей: *И код Культуры, её генетика — в языке её носителей. Ещё можно сравнить с кастрюлей супа, где в русской воде варятся чувашская картошка, якутское мясо, армянская кинза и так далее. Когда блюдо доварится, мы и увидим замысел Шеф-повара*⁴³.

Выводы

Сетевая коммуникация позволяет реконструировать «Мы-образ» россиян по базовым идентификаторам — гражданскому (*россияне*) и национальному (*русские*), причем пользователи устойчиво отдают предпочтение второму из них, вкладывая в него как этнические, так и политические смыслы, по сути дела четко не различая их. Значимым способом самоидентификации в сетевом дискурсе является метафора, устанавливающая аналогии между группой, к которой относят себя участники интернет-коммуникации («россияне/русские»), и сферами-источниками метафорической экспансии. Национально-гражданская идентичность конструируется участниками интернет-коммуникации посредством обращения к нескольким сферам-источникам метафорической экспансии, каждый из которых актуализирует значимые на момент коммуникации особенности характеризуемой общности.

Конструируемая идеализированная общность «россияне/русские» метафорически интерпретируется в сетевом дискурсе как единый организм, состоящий из клеток, молекул и атомов, водоем, вобравший в себя реки и ручьи, мешок, в которой сыпаны колосья, сплав, полученный в результате переплавки разных металлов, космос, заполненный астрономическими объектами, блюдо, приготовленное из разнообразных ингредиентов, дом, где для каждого этноса есть своя комната, а также как дружная семья, в которой каждый ее член получит поддержку и защиту. Подобные метафоры акцентируют внимание на пассионарности (см. работы Л. Гумилева и его последователей) русского этноса, способного объединять и ассимилировать другие народы, что убедительно доказывает, что стихийная непрофессиональная самоидентификация россиян не противоречит принципам, на которые обращали внимание многие философы, культурологи и социологи.

Метафорическая самоидентификация россиян в сетевом дискурсе представлена преимущественно позитивным вариантом (большинство метафорических моделей), акцент делается

³⁹ Я-украинец-чуваши-поляк-еврей-грузин // Живой журнал. URL: <https://bogdan-63.livejournal.com/720446.html> (дата обращения: 13.12.2023).

⁴⁰ Стандарт русского человека // Живой журнал. URL: <https://strannik1990.livejournal.com/48692.html> (дата обращения: 13.12.2023).

⁴¹ Там же.

⁴² Взятие Крыма и боевые качества украинских казаков // Живой журнал. URL: <https://amp-amp.livejournal.com/227720.html?ysclid=lrlyz4g9ve374123208> (дата обращения: 13.12.2023).

⁴³ Русский народ самый древний этнос: русские, скорее всего, вовсе не славяне... // Живой журнал. URL: <https://svsx.livejournal.com/1315930.html> (дата обращения: 13.12.2023).

на консолидирующих особенностях русского народа, на интеграции представителей разных национальностей в рамках русского социума без утраты собственной идентичности и на равенстве прав всех народов, проживающих в России. Негативная метафорическая самоидентификация (зооморфная метафора, посредством которой россияне характеризуются как бессловесные животные и беспородные дворяне) представлена исключительно как чужое мнение, продукт западной пропаганды и, естественно, не поддерживается представителями сетевого сообщества, воспринимается ими как элемент русофобии, поэтому подвергается жесткой критике и выступает базой для отстройки от предлагаемого негативного образа.

Таким образом, сетевой дискурс является ценным источником для изучения процессов стихийной национально-гражданской самоидентификации. Коллективные идентичности традиционно «основаны на процессах диссимилиации и ассимиляции как в социальных практиках, так и в дискурсивных» [7. С. 62], русскоязычный сетевой дискурс демонстрирует доминирование ассимилятивных принципов, поскольку в процессе метафорической самоидентификации интернет-пользователям важнее характеристика «своего» мира, представителями которого они являются, чем контрастного ему «чужого», акцент делается преимущественно на факторах, объединяющих представителей российского социума.

Список источников

1. Асташкина П. Г. Речевая репрезентация национальной идентичности в медиа: сопоставительный аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2016. № 3 (7). С. 1–5.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Васильев А. Д., Васильева С. П. Русский — российский? Вопрос идентификации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. №1 (51). С. 152–160. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-51-1-192>.
4. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
5. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159–167.
6. Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «Информационная война» // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 96–107.
7. Иссерс О. С. Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 59–83. DOI: [10.17223/19986645/79/4](https://doi.org/10.17223/19986645/79/4).
8. Кондратьева О. Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект): монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 238 с.
9. Крюкова С. В., Кожемякин Е. А. Языковое моделирование национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале новогодних обращений президента РФ и посланий В. В. Путина к Федеральному собранию) // Современный дискурс-анализ. 2020. Вып. 20. Т. 1. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml (дата обращения: 03.01.2024).
10. Лапо М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.
11. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
12. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 60–67.
13. Степанова А. С. Русская национальная идентичность (на материале демотиваторов и мемов) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 96–100.
14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. 238 с.
15. Lutter Ch., Reisenleitner M. Cultural Studies. Eine Einführung. 3-rd ed. Wien : Turia – Kant, 2001. 158 p.
16. Wodak R., Cillia R., Reisigl M. etc. Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1998. 567 p.
17. Krossa A.S. Kollektive Identitäten in Ostmitteleuropa: Polen, Tschechien und Ungarn und die Integration der Europäischen Union. Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2005. 240 p.

References

1. Astashkina PG. Speech representation of national identity in the media: a comparative aspect. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of NovSU*. 2016;(3 (7));1-5. (In Russ.).
2. Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp = Ethnicity without groups*. M., 2012. 408 p. (In Russ.).
3. Vasilyev AD, Vasilyeva SP. Russian – Russian? Identification issue. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2020;(1(51)):152-160. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-51-1-192>. (In Russ.).
4. Gudkov L. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov = Negative identity. Articles of 1997–2002*. M.; 2004. 816 p. (In Russ.).
5. Enina LV. Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2016;(6(60)):159-167. (In Russ.).
6. Enina LV, Ilyina OV, Kablukov EV, Chepkina EV. Practices of political identification of Russians under the influence of the media concept “Information War”. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2017;(4):96-107. (In Russ.).
7. Issers OS. Discursive self-identification of Russians in game genres of the Runet (based on demotivators). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*. 2022;(79):59-83. DOI: 10.17223/19986645/79/4. (In Russ.).
8. Kondratyeva ON. *Diakhronicheskaya metaforologiya (kognitivno-diskursivnyy aspekt) = Diachronic metaphorology (cognitive-discursive aspect): monograph*. Kemerovo; 2015. 238 p. (In Russ.).
9. Kryukova SV, Kozhemyakin EA. Language modeling of national identity in political media discourse (based on the New Year's addresses of the President of the Russian Federation and VV Putin's messages to the Federal Assembly). *Sovremennyy diskurs-analiz = Modern discourse analysis*. 2020;(20(1)). Available at: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml (In Russ.).
10. Lappo MA. Self-identification: direct, indirect explicit and indirect implicit description of identity by the speaking subject. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2013;(372):28-32. (In Russ.).
11. Rezanova ZI. Metaphorical fragment of the Russian linguistic picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2010;(1(9)):26-43. (In Russ.).
12. Slobodyanik NB. Construction of identity in political discourse: on the question of the role of social antagonism (on the concept of political discourse by Laclau and Mouffe). *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2007;(2 (22)):60-67. (In Russ.).
13. Stepanova AS. Russian national identity (based on demotivators and memes). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies*. 2021;(1(30)):96-100. (In Russ.).
14. Chudinov AP. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of political metaphor (1991–2000)*. Ekaterinburg; 2001. 238 p. (In Russ.).
15. Lutter Ch, Reisenleitner M. *Cultural Studies. Eine Einführung*. 3-rd ed. Wien; 2001. 158 p. (In German).
16. Wodak R, Cillia R, Reisigl M. etc. *Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität*. Frankfurt a. M.; 1998. 567 p. (In German).
17. Krossa AS. *Kollektive Identitäten in Ostmitteleuropa: Polen, Tschechien und Ungarn und die Integration der Europäischen Union*. Berlin; 2005. 240 p. (In German).

Информация об авторе

О. Н. Кондратьева — доктор филологических наук, доцент, профессор.

Information about the author

Olga N. Kondratyeva — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ДИСКУРСОЛОГИЯ, РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ЯЗЫКОВОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ DISCOURSE LOGY, SPEECH INFLUENCE, LINGUISTIC WORLD MODELING

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 46–53.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496):46-53.

Научная статья

УДК 81-2

ББК А 49

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-46-53

ВИДЫ И ФУНКЦИИ ЦИТАТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЦИФРОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

**Ирина Владимировна Алещанова¹, Ольга Викторовна Сергеева²,
Марина Ростиславовна Желтухина³**

¹ Кубанский государственный аграрный университет, irenavale@yandex.ru, Scopus Author ID: 57192394525, Researcher ID: N-9945-2019, 0000-0003-3507-7799

² Кубанский государственный университет, docsov17@gmail.com, Scopus Author ID: 57224109560, Researcher ID: ААЕ-1594-2021, 0000-0002-9950-000X

³ Пятигорский государственный университет, zzmr@mail.ru, Scopus Author ID: 56669701900, Researcher ID: А-7301-2015, 0000-0001-7680-4003

Аннотация. В работе рассмотрены общие характеристики англоязычных медиатекстов, объединяющие их в систему медиадискурса, и специфические черты, отличающие цифровые версии от традиционного текстового формата. Отражены результаты изучения категории интертекстуальности, выступающей важным отличительным признаком медиатекстов. Для цели данного исследования рассмотрение медиатекстов ограничено сферой газетного текста как наиболее характерного типа медиатекстов в Интернете. Интертекстуальный анализ проведен на примере случаев прямого цитирования, выступающего одной из наиболее частотных и естественных форм проявления интертекстуальности. Выявлены формы и функции цитат, роль межтекстовых связей в генерации смыслов и достижении коммуникативных целей, значение взаимодействия текстов в воспроизводстве персональных и социальных ценностных приоритетов в медиапространстве. Лингвопрагматический аспект изучения цитатной речи опирался на анализ языковых, социальных и психологических параметров межтекстового обмена информацией.

Ключевые слова: цифровизация, медиадискурс, медиатексты, речевое воздействие, персуазивность, цитата, социокультурный контекст

Для цитирования: Алещанова И. В., Сергеева О. В., Желтухина М. Р. Виды и функции цитат в англоязычном цифровом медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 46–53. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-46-53.

Original article

TYPES AND FUNCTIONS OF QUOTATIONS IN THE ENGLISH-LANGUAGE DIGITAL MEDIA DISCOURSE

Irina V. Aleshchanova¹, Olga V. Sergeeva², Marina R. Zheltukhina³

¹ Kuban State Agrarian University, irenavale@yandex.ru, Scopus Author ID: 57192394525, Researcher ID: N-9945-2019, 0000-0003-3507-7799

² Kuban State University, docsov17@gmail.com, Scopus Author ID: 57224109560, Researcher ID: ААЕ-1594-2021, 0000-0002-9950-000X

³ Pyatigorsk State University, zzmr@mail.ru, Scopus Author ID: 56669701900, Researcher ID: А-7301-2015, 0000-0001-7680-4003

Abstract. The paper considers general characteristics of English-language media texts that unite them into a system of media discourse, and specific features that distinguish digital versions from traditional text format. The article reflects results of studying the category of intertextuality, which is an important distinctive feature of media texts. For the study purpose, consideration of media texts is limited to the sphere of newspaper text as the most characteristic type of media texts in the Internet. Intertextual analysis is carried out using the example of direct quotation cases, which is one of the most frequent and natural forms of intertextuality expression. The forms and functions of quotations, the role of intertextual connections in generating meanings and achieving communicative goals, the significance of textual interaction in reproduction of personal and social value priorities in media space are identified. The linguopragmatic aspect of quotation speech study was based on analysis of linguistic, social, and psychological parameters of intertextual information exchange.

Keywords: digitalization, media discourse, media texts, speech impact, persuasiveness, quotation, socio-cultural context

For citation: Aleshchanova IV, Sergeeva OV, Zheltukhina MR. Types and Functions of Quotations in the English-Language Digital Media Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):46-53. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-46-53.

Введение

Современные социокультурные практики координирования внеречевой деятельности с помощью своевременного и всестороннего информирования и глобальная цифровизация как механизм выработки новых форм межличностной коммуникации способствуют повышению исследовательского интереса к проблемам речевого воздействия [3; 9; 11; 12; 13 и др.]. Период всеобъемлющей цифровой текстуальности стал стимулом к переосмыслению культурных представлений о природе медиатекстов в условиях электронной среды [1; 2; 10].

Выработанная культурной практикой речеповеденческая модель информирования массовой аудитории реализуется в многообразных формах, превратившись в сложную систему, включающую информационный медиаконтент и средства его производства. Общекультурная значимость процесса цифровизации медиадискурса выступает основной причиной актуальности изучения коммуникативных, структурных и языковых аспектов цифровых медиатекстов и среды их функционирования, способов интерпретации медиатекстов в цифровом пространстве в социальном, идеологическом и историческом контекстах.

С появлением цифровых коммуникационных технологий наблюдаются существенные изменения коммуникативных практик в новых социокультурных условиях. Тексты традиционных средств массовой информации отличаются формой материального носителя (печатная версия), способом передачи (технические средства, например, телевидение), односторонней коммуникацией (массовая, анонимная аудитория), определенной периодичностью появления и кратковременной актуальностью.

Освоение цифровых инструментов стирает границы между индивидуальной и массовой коммуникацией: и первая, и вторая часто происходят на одной и той же электронной платформе, возникают различные промежуточные формы межличностной коммуникации, например, личное общение, общение между одним человеком и массовой аудиторией или коммуникация массовой аудитории с массовой аудиторией, реализуется возможность читать газеты как в печатном виде, так и онлайн, на мобильных телефонах, с помощью специальных приложений для планшетов и смартфонов.

Для целей данной работы рассмотрение медиатекстов и феномена цитирования как одного из их важнейших признаков ограничено сферой газетного текста, представляющего собой наиболее ранний с исторической точки зрения и наиболее характерный в структурно-семантическом, коммуникативном и социокультурном отношении тип медиатекста.

Методы и материал исследования

Методологической основой работы является комплексный подход, основанный на методах различных дисциплин, изучающих тексты медиадискурса, к которым относятся лексико-семантический, контекстный, стилистический, дискурсивный анализ, интерпретативный анализ, контент анализ, социолингвистический анализ, психолингвистический анализ в аспектах создания и восприятия текста.

Материалом исследования послужили разножанровые газетные публикации из наиболее известных англоязычных изданий «The New York Times», «The Independent», «The Guardian», «The Financial Times», «Russia Today», «The Washington Post» за 2023–2025 гг. Общий объем проанализированного материала составляет 37 а. л.

Результаты и обсуждение

Интенсивное исследование системы медиадискурса способствует повышению интереса к проблеме речевого воздействия — межличностной регуляции деятельности при помощи речи [11; 13]. Задача речевого воздействия состоит в достижении поставленной коммуникативной цели, которая соотносится с регуляцией деятельности коммуникативного партнера. Термин «речевое воздействие» в системе медиадискурса относится к речевому общению в условиях социальных отношений равноправного сотрудничества коммуникантов. С позиций лингвопрагматики, речевое воздействие, являясь формой речевого общения, включает такие основные признаки как обмен информацией, целенаправленность передачи информации, рациональную оформленность информационного обмена, индивидуализацию собеседника и наличие обратной связи, эмоциональный контакт с собеседником [3, с. 7–11].

Общие характеристики цифрового медиадискурса совпадают с такими важными элементами традиционных медийных текстов как информационно-воздействующая функция, композиционно-сюжетное оформление, интертекстуальность, оценочность, экспрессивность, сохраняются независимо от культурных моделей коммуникации, информационно-технологической и семиотической среды или их параллельного использования. Постоянно растущие технические возможности изменяют форматы медиатекстов, вызывая определенную степень специфических трансформаций природы массовой коммуникации. Пользовательская общедоступность и интерактивность медиадискурса находят отражение в таких основных коммуникативных признаках как функционирование измененных поведенческих паттернов и формирование новых ценностных ориентиров в медиасознании личности современного цифрового мира, выступая мощным средством управления мировоззренческими установками людей [2, с. 68].

Газетный текст как один из центральных элементов системы медиадискурса предоставляет обширный иллюстративный материал для исследования процесса массового речевого воздействия и способов достижения поставленных коммуникативных целей с помощью целенаправленно организованного информационного обмена между коммуникантами с разнородными социокультурными характеристиками [1, с. 131]. Информирование находится в функциональном единстве с воздействующим потенциалом исследуемого текста и реализуется в процессе решения персуазивных (от англ. persuade — убеждать, склонять)¹ задач с помощью стратегии убеждающего воздействия, отнесенной нами к ведущей стратегии в тексте газеты.

Современный газетный текст независимо от печатного или онлайн-формата его представления характеризуется интертекстуальностью. Медиальная интертекстуальность, рассматриваемая на примере случаев прямого цитирования, понимается как перенос текстового фрагмента в новый контекст. Цитата превращается в способ реализации прагматической интенции автора, использующего цитирование в качестве регулярного средства формирования персуазивного потенциала газетного текста.

Прямое цитирование является отличительным и существенным явлением в СМИ, однако воспроизведение цитируемых фрагментов различается в зависимости от среды, в которой оно происходит. Использование аудиальных или аудиовизуальных каналов трансляции информации на радио и телевидении позволяет встраивать цитаты в форме звуковых фрагментов в медиаэлементы, тогда как в печатных изданиях выбранные цитаты эксплицитно маркированы.

Цифровая среда позволяет нарушить традицию цитирования, так как письменные элементы могут быть смешаны с аудио и аудиовизуальными элементами без традиционного оформления. Вследствие этого необходимо рассмотреть дальнейшее развитие концепции цитирования, испытывающее влияние масштабного развития Интернета и расширения системы медиадискурса в результате появления социальных сетей, блогов, подкастов, различных цифровых платформ, и сравнить новые виды цитирования в их современном состоянии с конвенционально устоявшимися правилами и видами цитирования в дискурсе доцифровой эпохи.

Медиаконвергенция традиционных систем информирования (газеты, радио, телевидение) и цифровых медиасистем (интернет и социальные сети) позволяет выдвигать концепцию существования нового комплексного вида цитирования в расширенном понимании, определяемого как обмен медиаконтентом. В этом отношении средства различных семиотических систем, например, фотоиллюстрации или многие другие элементы визуальной интертекстуальности, встроенные

Медиаконвергенция традиционных систем информирования (газеты, радио, телевидение) и цифровых медиасистем (интернет и социальные сети) позволяет выдвигать концепцию существования нового комплексного вида цитирования в расширенном понимании, определяемого как обмен медиаконтентом. В этом отношении средства различных семиотических систем, например, фотоиллюстрации или многие другие элементы визуальной интертекстуальности, встроенные

¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (дата обращения: 0.01.2025).

в веб-новости, эксплуатируются журналистами так же, как и письменные цитаты [7, с. 65].

По мнению Л. Хаапанена и Д. Перрина, безграничная возможность размещения ссылок на медиаэлементы, цитирующие отрывки исходного текста, и доступность оригинальной цитаты при переходе по гиперссылке являются как новым видом цитирования, так и отличительным признаком коммуникации в цифровом формате с помощью платформ социальных сетей [5, с. 1]. Под влиянием данной тенденции в научный обиход введен термин «социальное цитирование», отражающий актуализацию фатического и социально-коммуникативного аспекта феномена интертекстуальности в форме коадаптации традиционных и новых функций цитирования [6, с. 13]. Однако, на наш взгляд, социальное цитирование является частным модифицированным случаем цитирования, интерпретацией реальности с субъективных позиций и не может быть отнесено к конвенционально выработанным образцам эксплуатации «чужого слова».

Столкновение объективности и субъективности при использовании цитирования становится особенно заметным при анализе процедуры выбора цитаты из текстового источника и ее адаптации в новом контексте, названного реконтекстуализацией [6, с. 45]. Процесс реконтекстуализации разделяется на три функциональных этапа: деконтекстуализацию, связанную с конкретным выбором текстового отрезка для цитирования, контекстуализацию, включающую перенос выбранного высказывания в новый текст, и текстуализацию [Там же, с. 46], представляющую собой изменение формально-содержательной стороны цитаты в соответствии с основной внеречевой задачей публикации, когда отправной точкой выступает тема публикации и достижение предполагаемой степени воздействия.

Таким образом, случаи реконтекстуализации цитаты без изменений в языковой форме в современном высоко идеологизированном и политизированном контексте независимо от отражения сферы деятельности человека в массмедиа являются весьма редкими. В основном модификации формы и смысла цитаты осуществляются целенаправленно и обусловлены такими внешними социокультурными факторами как идеологические ценности и цели издателей, потребности и интересы аудитории и текущий общественный контекст, в котором происходит публикация. Интенсивный рост возможностей информационного обмена стал причиной повышения ключевой

роли цитат в медиатекстах, способствуя развитию новых форм интертекстуальности. Информационный аспект цитирования эксплуатируется в открытой или имплицитной форме для целенаправленной координации и контроля деятельности социума.

Процесс цитирования в контексте функционирования современного медиадискурса носит противоречивый характер. С одной стороны, с точки зрения читательской аудитории, цитаты являются дискурсивными приемами, маркирующими достоверность и беспристрастность передаваемой информации. С другой стороны, выбор структурно-содержательной формы цитат регулируется автором публикации для того, чтобы активно поддерживать свои идеологические установки или взгляды заинтересованных медиагрупп и сторон, намеренно организовывать и контролировать соотношение и взаимодействие общественных сил, сохраняя при этом кажущуюся неподвижность.

Традиционно понимаемая цель цитирования состоит в точном воспроизведении исходных слов и значений. Общепринятое правило цитирования предполагает, что цитата служит индикатором достоверности и объективности, повышения доверия к сообщаемой информации, средством расширения содержания текста. Данное правило актуально и в отношении присутствия цитаты в качестве одного из важнейших элементов в структурно-композиционной организации газетного текста. Ценность цитируемого материала определяется не только содержащейся в нем информацией, но и авторитетностью и надежностью источника цитаты. Обязательный учет фактора надежности цитируемых источников, выступающий критерием их дифференциации, отражен в типах информационных источников и выборе ремарок цитирования, которые, функционируя в качестве метатекстового комментария, отражают степень приближенности или дистанцированности автора текста от источника цитирования [9, с. 149–151].

Множество языковых (структурно-содержательные характеристики) и контекстных (мотивы, цели цитирования, объем, жанр принимающего текста) факторов влияют на количество, качество и особенности газетных цитат, поэтому определяющим критерием их классификации служит функционально-целевой аспект цитирования при обязательном анализе условий контекста. Это означает, что на прагматическом уровне речевое действие цитирования в газетных текстах

регулируется принципами текстопостроения, сформулированными Дж. Личем [8, с. 63–70] и во многом коррелирующими с принципом кооперации и соответствующими постулатами речевого общения Г. Грайса [4, с. 45–47]. Поэтому, исходя из состава участников коммуникативной ситуации цитирования, виды и функции цитат характеризуются в двух аспектах: с точки зрения коммуникативной цели автора текста-источника, и с позиции цитирующего автора в отношении целей введения цитаты в текст.

Исследовательская процедура, разработанная для изучения цитат, включала непосредственное наблюдение за их функционированием с формированием корпуса цитатного материала путем сплошной выборки из текстов наиболее известных англоязычных изданий «The New York Times», «The Independent», «The Guardian», «The Financial Times», «Russia Today», «The Washington Post» за 2023–2025 гг. Применение метода контекстуального анализа, интерпретационного метода, элементов компонентного анализа позволило выделить четыре наиболее характерных прагматических вида цитат — оценочно-экспрессивный, суггестивный, фактуализирующий и персуазивно-аргументативный. Все перечисленные виды цитат отличаются свойством полифункциональности, участвуя как в выполнении главной функции — информирующего воздействия, так и более частных (иллюстративной, заместительной, объяснительной и др.) функций.

Оценочность является отличительным признаком газетных текстов, отражающим основное свойство критического освещения действительности. В количественном отношении оценочно-экспрессивные цитаты выступают наиболее часто используемой формой интертекстуальных внесений в газетных материалах, реализующих значения прямой или косвенной общей оценки, положительной или отрицательной, количественной или качественной оценки, многочисленных прагматических частных оценок (нормативных, этических, утилитарных и др.).

Обращение к оценочно-экспрессивной цитации продиктовано целями квалификации предмета сообщения с позиций морально-этических, эстетических, социальных норм, потребностью вовлечения читателей в эти квалификативные операции и проводится, кроме оценочной лексики, с помощью языковых единиц с разными стилистическими и эмоционально-экспрессивными компонентами значения, грамматических форм выражения языковой модальности, контексту-

ально получаемых оценочных значений. Объектом оценки становятся все стороны жизнедеятельности языкового коллектива, соотносящиеся с основными тематическими рядами «Человек» и «Социальная реальность», что наглядно демонстрирует фрагмент делового медиадискурса:

*Rob Dobson, a director at S&P Global, said: “Manufacturers are facing an increasingly downbeat backdrop. Business sentiment is now at its lowest for two years, as the new government’s rhetoric and announced policy changes dampen confidence and raise costs at UK factories and their clients alike”*² — Роб Добсон, директор S&P Global, сказал: «Производители сталкиваются со все более пессимистичным фоном. Деловые настроения сейчас находятся на самом низком уровне за два года, поскольку риторика нового правительства и объявленные изменения в политике подрывают доверие и увеличивают издержки как на британских заводах, так и на их клиентах».

Отчетливо проявляющийся в повествовании элемент субъективной авторской модальности удваивается за счёт субъективно-оценочного значения цитаты, акцентирующей отклонение от установленных норм и недовольство сложившейся ситуацией в производственной отрасли с помощью языковых единиц, в семантике которых содержится указание на отсутствие положительных характеристик: *“an increasingly downbeat backdrop”* — «все более пессимистичный фон», *“at its lowest”* — «на самом низком уровне», *“dampen confidence”* — «подрывают доверие».

Термин «суггестивная цитация» (от англ. “suggest — put forward for consideration; bring an idea, possibility into the mind”³ — «предлагать; выдвигать идею; советовать») предложен для таких цитатных видов, чей диапазон значений может быть сведен к выражению предупреждения или совета. Целью введения данной цитаты в текст является моделирование причинно-следственных связей социальной реальности в виде прогнозирования последствий деятельности. Кроме того, суггестивная цитата может выступать средством реализации кооперативной тактики. Основные смыслы, возникающие при взаимодействии цитаты и текста газеты, могут быть сформулированы

² Stewart H. UK factory output falls at fastest rate since February amid tax rise fears // The Guardian. 2025, 02 Jan. URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/jan/02/> (дата обращения 02.01.2025).

³ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (дата обращения: 09.01.2025).

как заключение о факте угрозы, акцентирование перспектив сотрудничества, прогноз потенциальных изменений ситуации, обещание, как, например, в следующем фрагменте политико-экономического медиадискурса:

*“If the case is that I lose 5 % of my generated revenue by going to Europe, I will not go to Europe <...> I’m not bluffing,” Kaabi said. “I cannot lose that kind of money – and nobody would accept losing that kind of money,” he pointed out. <...> “I will not accept that we get penalized,” he said. “I will stop sending gas to Europe.”*⁴ — «Если дело в том, что я потеряю 5 % от своего полученного дохода, отправившись в Европу, я не поеду в Европу <...> Я не блефую», — сказал Кааби. «Я не могу потерять такие деньги — и никто не согласится потерять такие деньги», — отметил он. <...> «Я не соглашусь, чтобы нас наказали», — сказал он. «Я прекращу поставки газа в Европу».

В данном примере цитата выполняет прогностическую функцию, актуализируя значение предупреждения, переходящего в угрозу под влиянием эмоционального взрыва, вызванного негативным отношением к происходящему.

Когнитивная коннотация достоверного, объективного знания, присущая имени «факт», объясняет выбор фактуализирующей цитаты, выступающей средством верификации истинности авторских суждений. Целеустановка на подтверждение объективности информации, обоснование социальной полезности действий субъекта воздействия реализуется обращениями к суждению авторитетного лица, репрезентацией фактов различной социальной значимости, ссылками на культурный опыт, документальные данные из письменных или устных источников, как, например, в следующем фрагменте синтеза политического и образовательного медиадискурса:

*“It’s a reminder that we live, politically speaking, in a split-screen America,” said Tim Naftali, senior research scholar at Columbia University’s School of International and Public Affairs. <...> “The fact that the procession to the inauguration will include yet another trip to court, it’s consistent with the peculiarities of Donald Trump’s return to power,” Naftali added.*⁵ — «Это напоминание о том, что мы

⁴ EU risks losing gas supplies from Qatar – energy minister // Russia Today. 2025, 03 Jan. URL: <https://www.rt.com/news/https://www.rt.com/news/> (дата обращения 03.01.2025).

⁵ LeVine M. Trump sentencing sets up an unusual scene ahead of his inauguration // The Washington Post. 2025, 04 Jan. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2025/01/04/> (дата обращения 04.01.2025).

живем, говоря политическим языком, в разделившейся Америке», — сказал Тим Нафтали, старший научный сотрудник Школы международных и общественных отношений Колумбийского университета. <...> «Тот факт, что шествие на инаугурацию будет включать в себя еще один поход в суд, соответствует особенностям возвращения Дональда Трампа к власти», — добавил Нафтали.

Наличие имени «факт» в данной цитате производит фактуализирующий эффект, повышая объективность высказанного мнения при подтверждении неизбежности трудностей на пути Д. Трампа к посту президента.

Одной из форм воплощения стратегии убеждающего воздействия является персуазивно-аргументативная цитация. Персуазивные речевые действия аргументированно связаны с персональными и общественными ценностями, традициями и идеологиями определенных социальных групп.

Аргументирующие речевые действия могут складываться из рационального аспекта аргумента, базирующегося на логических приемах аргументации или психологической мотивированности аргумента, обращенной к чувственно-эмоциональным зонам человеческого сознания, или их совмещения:

*“The aviation industry is built on redundancy and there are very few single-point failures in airplane design or airplane operations,” said Jeff Guzzetti*⁶ — «Авиационная отрасль построена на дублировании, и в конструкции самолета или его эксплуатации очень мало единичных отказов», — сказал Джефф Гуцетти.

Цитата является основанием доказательства предшествующего авторского тезиса об экспертных заключениях в области причин авиакатастроф и средством предотвращения спорности высказанных предположений.

Заключение

Подводя итог, отметим, что медиадискурс и образующие его систему разножанровые и тематически вариативные медиатексты, объединенные общей целью информирующего воздействия, сохраняют стабильно высокую роль в регулировании институционально-личностной жизни социума. Результативность процесса создания и интерпретации медиатекстов опирается на подбор адекватных средств формирования

⁶ Chokshi N. Video Offers Clues to Cause of Plane Crash, but No Immediate Answers // The New York Times. 2024, 29 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/29/> (дата обращения 29.12.2024).

их информационного плана и композиционно-го строя. Выявлены основные прагматические виды цитат — оценочно-экспрессивный, суггестивный, фактуализирующий и персуазивно-аргументативный виды.

Установлено, что цитатный материал выступает одним из средств, оптимизирующим организацию информации в проанализированной текстовой системе на материале англоязычных масс-медиа. Многочисленные и разнообразные цитаты

являются важной характеристикой медиатекстов, их универсальным функционально-прагматическим признаком, тесно связанным с фундаментальными системообразующими текстовыми категориями авторства и адресатности. Изучение вопросов способов и средств оказания речевого воздействия в медиасфере имеет непосредственный выход к решению актуальных проблем организации и координации социальной деятельности медиакommunikантов.

Список литературы

1. Алещанова И. В. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет. 2000. С. 131–139.
2. Мамонова Н. В. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство // Гуманитарные исследования: История и филология. 2021. № 3. С. 68–74.
3. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
4. Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and semantics*. New York: Academic Press. 1975. Vol. 3. Pp. 41–58.
5. Naapanen L. *Media and Quoting: Understanding the purposes, roles, and processes of quoting in mass and social media* // *The Routledge Handbook of Language and Media*. London, 2017. pp. 424–441. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315673134-31>.
6. Hodges A. *Intertextuality in Discourse* // *The Handbook of Discourse Analysis*. Chichester: Wiley Blackwell. 2015. pp. 42–60. URL: <https://repository.dinus.ac.id/docs/ajar/discourse-analysis-full.pdf> (дата обращения: 24.11.2024).
7. Kryachkov D. *Intertextuality in media texts* // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava. 2023. VIII (1). pp. 62–78. DOI: <https://doi.org/10.34135/lartis.23.8.1.05>.
8. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman Group Ltd., 1983. 250 p.
9. Nylund M. *Journalism's Vitality. On the Narrative Functions of Quotes* // *News from the Interview Society*. Nordicom Goteborg University. 2006. pp. 147–164.
10. Tameryan T. Y., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Abakumova O. B., Volskaya N. N., & Nikolaeva A. V. *Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait*. // *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2018. 8 (4). pp. 377-384. URL: <https://doi.org/10.12973/ojcm/3958> ссылка активна на 22.03.2023.
11. Wodak R. *Discursive construction of national identity*. Edinburg: University Press, 2009. 288 p.
12. Zheltukhina M. R., Kislitsyna N. N., Tameryan T. Yu., Baranova K. M., Chupryna O. G., Sergeeva O. V. *Identity construction and self-identification of the protagonist in the film media discourse: Multi-modal linguo-semiotic approach* // *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2023; 13 (3): e202323. <https://doi.org/10.30935/ojcm/13096>.
13. Zheltukhina M. R., Zinkovskaya A. V., Shershneva N. B., Katermina V. V. *Dialogue as a constituent resource for dramatic discourse: language, person and culture*. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016 11 (15). pp. 7408-7420. Доступно по: https://www.researchgate.net/publication/309250383_Dialogue_as_a_constituent_resource_for_dramatic_discourse_Language_person_and_culture Ссылка активна на 22.03.2023.

References

1. Aleshhanova IV. *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs*. Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2000. pp. 131-139. (in Russ.).
2. Mamonova NV. *Gumanitarnye issledovanija: Istorija i filologija*. 2021. No. 3. pp. 68-74. (in Russ.).
3. Sternin IA. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie*. Voronezh. 2001. 252 p. (in Russ.).
4. Grice HP. *Logic and conversation*. *Syntax and semantics*. New York: Academic Press. 1975;3:(41-58).

5. Haapanen L. Media and Quoting: Understanding the purposes, roles, and processes of quoting in mass and social media // *The Routledge Handbook of Language and Media*. 2017. Pp. 424-441. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315673134-31> (accessed: 06.11.2024).
6. Hodges A. Intertextuality in Discourse // *The Handbook of Discourse Analysis*. Wiley Blackwell. 2015. Pp. 42-60. Available at: <https://repository.dinus.ac.id/docs/ajar/discourse-analysis-full.pdf> (accessed: 24.11.2024).
7. Kryachkov D. Intertextuality in media texts. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. 2023;VIII(1):62-78. DOI: <https://doi.org/10.34135/lartis.23.8.1.05>. (accessed 25.11.2024).
8. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman Group Ltd., 1983. 250 p.
9. Nylund M. Journalism's Vitality. On the Narrative Functions of Quotes // *News from the Interview Society*. Nordicom Goteborg University. 2006. Pp. 147-164.
10. Tameryan TY, Zheltukhina MR, Slyshkin GG, Abakumova OB, Volskaya NN, & Nikolaeva, AV. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2018;8(4):377-384. Available at: <https://doi.org/10.12973/ojcm/3958> Accessed: 22.03.2023.
11. Wodak R. *Discursive construction of national identity*. Edinburg: University Press, 2009. 288 p.
12. Zheltukhina MR, Kislitsyna NN, Tameryan TYu, Baranova KM, Chupryna OG, Sergeeva OV. Identity construction and self-identification of the protagonist in the film media discourse: Multi-modal linguo-semiotic approach. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2023;13(3):e202323. <https://doi.org/10.30935/ojcm/13096>.
13. Zheltukhina MR, Zinkovskaya AV, Shershnev, NB, Katermina VV. Dialogue as a constituent resource for dramatic discourse: language, person and culture. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016;11(15):7408-7420. Available at: https://www.researchgate.net/publication/309250383_Dialogue_as_a_constituent_resource_for_dramatic_discourse_Language_person_and_culture Accessed: 22.03.2023.

Информация об авторах

И. В. Алешанова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

О. В. Сергеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.

М. Р. Желтухина — доктор филологических наук, профессор, профессор РАО, академик РАЕН, директор, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Человек в коммуникации».

Information about the authors

I. V. Aleshchanova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Foreign Languages Department.

O. V. Sergeeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology.

M. R. Zheltukhina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Director, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center "Person in Communication".

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 25.01.2025.

The article was submitted 15.06.2024; approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-54-65

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Светлана Леонидовна Кушнерук

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Svetlana_kush@mail.ru, 0000-0003-4447-4606

Аннотация. Раскрывается соотношение понятий речевого воздействия и миромоделирования, активно разрабатываемых в отечественной лингвистике в первой четверти XXI в. Отсутствие публикаций, устанавливающих связь между названными понятиями, в содержании которых заключена идея о внесении изменений в мировосприятие и поведение адресата при помощи средств языка, определяет актуальность исследования и его новизну. Цель работы состоит в объяснении сходств и различий в трактовке двух терминов и выявлении областей их концептуального сближения и расхождения. Теоретико-методологическим базисом работы являются достижения лингвопрагматики, когнитивной поэтики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, а также установки господствующей в науке о языке парадигмы. Понятию миромоделирования уделяется большее внимание на фоне того, что традиционно известно о речевом воздействии. Выборку материала формируют публикации специалистов в области теории речевого воздействия и миромоделирования, а также контексты из литературных произведений и мультимодальные сообщения, отобранные из практик коммуникации в Telegram. Особое место отводится описательному, дискурсивному и мультимодальному анализу. Установлено, что понятие речевого воздействия развивается на фоне коммуникативно-прагматических установок и теории речевых актов, в то время как понятие миромоделирования имеет когнитивную природу, заложенную литературоведением и когнитивной лингвистикой. В процессах миромоделирования воздействие реализуется в виде ментально-языковых структур, объективируемых средствами естественного языка и другими семиотическими кодами. Обосновано, что развитие цифровых дискурсивных практик усложняет характер коммуникативного взаимодействия, что способствует разработке понятия мультимодального кода миромоделирования, сочетающего вербальный, невербальный и паравербальный компоненты. Выявляются кинематическая, гаптическая, сенсемная, проксемная, темпоральная, паравербальная модели организации воздействия в телеграм-дискурсе. Уточняется, что в процессах миромоделирования в виртуальной среде воздействие на адресата осуществляется на основе эмоционально-когнитивных структур и образной репрезентации. Исследование вносит вклад в разработку метаязыка лингвистики, проблем цифрового дискурса, мультимодальной коммуникации и поликодовых текстов.

Ключевые слова: речевое воздействие, миромоделирование, соотношение понятий, когнитивно-дискурсивная парадигма, методология лингвистики, невербальная семиотика, семиотические ресурсы, невербальная коммуникация, мультимодальный код, цифровая коммуникация, Telegram, стикеры

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

Для цитирования: Кушнерук С. Л. Речевое воздействие и миромоделирование: к вопросу о соотношении понятий в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 54–65. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-54-65.

Original article

SPEECH EFFECTS VERSUS WORLD-MODELING: ON THE CORRELATION OF CONCEPTS IN LINGUISTICS

Svetlana L. Kushneruk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Svetlana_kush@mail.ru, 0000-0003-4447-4606

Abstract. The paper focuses on the correlation of the concepts of speech effects and world-modeling, as they have been actively worked out in the Russian linguistics since the beginning of this century. Both concepts prioritize the

idea of imposing changes in the worldview and behavior of the addressee by means of the language. The absence of researches establishing a correlation of these concepts determines the relevance of this study. The objective of the author is to explain the similarities and differences in the interpretation of two terms and to identify areas of their application. The methodological basis of the research is constituted by pragmatics, cognitive poetics, cognitive linguistics, discourse studies. The notion of world-modeling is given more attention against the backdrop of what is traditionally known about the speech effects. The sample is formed by the contexts from literary works and 225 multimodal Telegram messages. The descriptive, discursive and multimodal analyses are used. It is argued that the concept of speech effects has evolved against the background of communicative and pragmatic paradigm of linguistics and the theory of speech acts, while the concept of world-modeling has a cognitive nature, which draws on the literary studies and cognitive linguistics. In the processes of world-modeling, the persuasive effect is realized due to the mental and linguistic structures, objectified by means of natural language and other semiotic codes. It is proved that the development of digital discourse has made communication more complex. It has stimulated the development of the concept of a multimodal world-modeling code. The notion emphasizes that verbal, non-verbal and paraverbal components can be co-activated to construct meaning in discourse. Kinematic, haptic, sensory, proximal, temporal, and paraverbal models of discourse impact organization on Telegram have been described. It is specified that in the processes of world-modeling, the impact on the addressee is carried out on the basis of emotional cognitive structures and image representation. The research contributes to the development of the metalanguage of linguistics, the problems of digital discourse and the multimodal communication.

Keywords: speech effects, world-modeling, correlation of concepts, cognitive-discursive paradigm, methodology of linguistics, non-verbal semiotics, semiotic resources, non-verbal communication, multimodal code, digital communication, Telegram, stickers

Acknowledgements. The research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation grant № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

For citation: Kushneruk SL. Speech Effects Versus World-Modeling: on the Correlation of Concepts in Linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):54-65. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-54-65.

Введение

В современной лингвистике активно разрабатываются понятия речевого воздействия (Н. А. Безменова, В. З. Демьянков, О. С. Иссерс, М. Р. Желтухина, Е. Н. Молодыхенко, В. Е. Чернявская, Е. В. Шелестюк и др.) и миромоделирования (Г. Т. Гарипова, Л. М. Гриценко, Т. А. Демешкина, Л. И. Ермоленкина, О. В. Орлова, З. И. Резанова, Т. В. Цивьян, Ю. А. Эмер и др.). Первое из названных имеет более длительную историю существования и традиционно соотносится со сферой риторики. Второе появляется значительно позже и вбирает в себя всё ценное, что накопила наука о языке в связи с расцветом теории литературы и когнитивной лингвистики.

Понятия миромоделирования и речевого воздействия имеют много общего. В узком понимании **речевое воздействие** считается разновидностью воздействия на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, то есть с помощью сообщений на естественном языке [<https://www.krugosvet.ru/>]. Термин **миромоделирование** тезисуем следующим образом — структурирование информации о среде и человеке в дискурсе вербально-семиотическими средствами, которое приводит к образованию репрезентационных структур, опреде-

ляющих отношение людей к действительности [<https://discourseworld.ru/>].

В настоящее время в науке о языке отсутствуют работы, раскрывающие связь названных понятий, природа которых определяется активностью речепроизводителя, стремящегося внести изменения в поведение адресата через модификацию его отношения к фактам и явлениям окружающего мира. Это подчёркивает **актуальность** настоящего исследования и его новизну. Автор ставится **цель** объяснить сходства и различия в трактовке соответствующих терминов и на конкретных примерах проиллюстрировать области их концептуального сближения и расхождения.

История изучения вопроса, материалы и методы

В конце первой четверти XXI в. понятие миромоделирования существенно меньше разработано в лингвистике по сравнению с понятием речевого воздействия. По этой причине оно является фигурой, содержанию которой в статье уделяется большее внимание на фоне того, что традиционно известно о речевом воздействии. Основу предпосылочного знания исследования формируют положения о том, что первоначально специфика миромоделирования рассматривается в теории литературы. Осмысление проблемы начинается в работах классиков филологии (Ю. М. Лотмана,

В. Н. Топорова, Б. А. Успенского), где она обсуждается в ракурсе авторской модели мира, трактуемой как «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах <...> понятие «мир», модель которого описывается, целесообразно понимать как человека и среду в их взаимодействии; в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке» [14, с. 161].

В начале нынешнего столетия понятие миромоделирования преодолевает границы литературоведения и получает развитие в функционально-ориентированной лингвистике [16, с. 5]. Под эгидой господствующей когнитивно-дискурсивной парадигмы происходит расширение диапазона лингвистических исследований за счёт включения в их орбиту ментальных и коммуникативных факторов. Это сказывается на содержании понятия миромоделирования и приводит к кристаллизации дискретных направлений его анализа [7]. В большинстве случаев оно раскрывается с учётом того, что информация о вещном мире перерабатывается в два этапа. Первоначально поступают данные от органов чувств. В психологии принято говорить, что человек воспринимает сигнал раздражителя (текст) и формирует образы неязыкового сознания, отображающие предметы и явления действительности [4]. Далее полученная информация подвергается вторичной перекодировке при помощи знаковых систем, что приводит к овнешнению образов, их «облачению» в «одежды» языка. Оба процесса взаимно координируются. По этой причине выделяются две стороны миромоделирования: когнитивный аспект обусловлен ментальными процессами обработки поступающей информации, дискурсивный (языковой) аспект связан с актуализацией знаний и представлений (формами текстуальности) в конкретных речевых практиках. Чтобы подчеркнуть двуединство используется терминосочетание «когнитивно-дискурсивное миромоделирование», обозначающее теорию исследования дискурса в терминах репрезентационных структур [<https://discourseworld.ru/>].

Высказанные идеи служат фундаментом, на котором автор выстраивает свои рассуждения. Признание того, что язык является инструментом социальной власти, а речь — целенаправленным когнитивно-коммуникативным действием, оказывающим воздействие на восприятие мира и его фрагментов [17, с. 17], способствует укреплению представлений о том, что проблематика миромо-

делирования охватывает широкий спектр понятий, таких как речевое воздействие, персуазивность, манипуляция, суггестия.

Поскольку в работе совмещаются научно-теоретический и практический аспекты исследования, релевантными являются методы нескольких уровней познания — философские (анализ, аргументация, доказательство), общенаучные (наблюдение, систематизация, интерпретация) и дисциплинарные (описательный метод, дискурсивный анализ, мультимодальный анализ). Эмпирическим материалом выступают, во-первых, публикации специалистов в области теории речевого воздействия и миромоделирования, во-вторых, — выдержки из литературных произведений, а также мультимодальные сообщения, отобранные из практик общения в Telegram, которые в целом составляют 225 контекстов.

Результаты и обсуждение

Дисциплинарные корни понятий

Речевое воздействие. Разработка понятия начинается в риторике Аристотеля как науке об «общих способах убеждения, основанных на чёткой системе логических доказательств, мастерстве и искусстве находить эти способы» [1, с. 19]. Именно в античной риторике рассматривались каноны построения убеждающей речи. В конце XX в. риторика перерождается в неориторику (новую риторику) и одновременно расширяет свои горизонты, рассматривая «все способы оформления с помощью языка коммуникативно-прагматических ситуаций убеждения, воздействия» [17, с. 28]. В этой связи, как представляется, объёмнее становится трактовка речевого воздействия. Под понятие подводят использование сообщений, построенных средствами нескольких семиотических систем (мимика, позы, жесты) и графического оформления текста. Специалисты нередко отмечают, однако, что узкая трактовка феномена на практике встречается гораздо чаще.

Риторические факты тяготеют к прагматике. Её предметом является утилитарно-информационная функция знаков, т. е. исследование способов использования знаков людьми в различных целях [2, с. 281]. В связи с «прагматическим поворотом» в 70-90-е гг. XX в. острее, чем прежде, встают вопросы о том, как эффективно использовать речевые ресурсы для увеличения объёма передаваемого содержания за единицу плана выражения. Зарубежные и отечественные специалисты всё больше внимания уделяют практическому применению языка в связи с целями взаимодействия в русле лингвистической прагматики,

которая, сочетая в себе достижения риторики, стилистики, социо- и психолингвистики, «изучает употребление языка с учётом возрастных, половых, общественно-статусных и профессиональных особенностей общающихся, а также конкретных условий и целей речевого акта» [9, с. 5]. В центре внимания — отношения между знаками и говорящим. Выбор слова (знака) для обозначения объекта зависит от отношения к нему говорящего, но не от самого объекта. Ср. нейтральное *журналист* и пренебрежительное *журналига*: *Наше время породило подлинных монстров сенсаций, опережающих всё и вся, меняющих мир в любую сторону. И называют их уже не журналистами (ибо слишком мелко для столь великих личностей), а журналигами* (Игорь Вайсман. <https://proza.ru/2015/05/18/1694>).

В лингвопрагматике закрепляется мнение о том, что «речевое сообщение не нейтрально к передаче фактического содержания», а речевое общение содержит формы как прямой, так и не прямой коммуникации [17, с. 19]. Основной научный вопрос, занимающий учёных, — с какой целью человек что-то обозначает и выражает именно таким образом? При изучении функциональных свойств единиц языка их прагматическая ценность устанавливается на основе речевых актов, или высказываний, взятых в процессуальном аспекте [12, 13]. Поскольку речевой акт рассматривается как вид действия, при его анализе используются характеристики, применимые к оценке любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность [<https://www.krugosvet.ru/>]. Понятие объединяет три составляющих — локутивный акт (говорение, построенное по правилам грамматики языка), иллокутивный акт (интенция говорящего, которая должна быть распознана адресатом), перлокутивный акт (произнесённое высказывание, приводящее к реакции со стороны адресата в виде конкретного действия).

В силу того, что дискурс изучается в тесной связи с прагматическими факторами, в представленной системе взглядов складывается своё понимание этой категории, а именно: последовательность речевых актов, дающая представление о событиях, условиях и успешности коммуникации, которая приводит или не приводит к изменению в окружающей действительности. Внимание учёных сосредоточено на употреблении языка, который рассматривается как инструмент деятельности, то есть с точки зрения результативности взаимодействия и регулирования поведения лю-

дей. В этом кругу исследований базисными являются понятия коммуникации, коммуникативной установки, интенции, речевой стратегии, тактики, жанра и др.

Миромоделирование. Истоки проблематики обнаруживаются в когнитивных науках, обращающихся к познавательным процессам (восприятие, мышление, память, внимание) и мыслительным операциям. Особое место среди них занимают литературоведение (когнитивная поэтика) и когнитивная лингвистика. В русле названных дисциплин воздействие рассматривается не в связи с прагматическими установками коммуникации, но «на пересечении когниции и коммуникации» (Е. С. Кубрякова).

Предметом когнитивной поэтики являются методы и приёмы исследования художественных текстов и когнитивные механизмы их воздействия на читателя. В трактовке Реувена Цура её основная задача — «показать связь между структурными характеристиками текста и его воздействием на читателя» [8, с. 10]. Воздействие в этом случае обсуждается с позиций координации ментальных структур с языковыми «в плане выявления и описания идиостиля писателя с учётом его восприятия интерпретирующим сознанием читателя» [18, с. 25].

В когнитивной лингвистике ментальные факторы также имеют первостепенную значимость. В центре внимания находится язык как «когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформировании информации» [5, с. 22]. В орбите интересов учёных оказываются ментальные основы производства и понимания речи. Когнитивные структуры рассматриваются с точки зрения их материального воплощения в знаковых формах. Язык воспринимается не как инструмент человеческой деятельности, но как репрезентационная система и транслятор знаний о мире. Когнитивный поворот меняет научный ракурс — важно установить не то, *для чего* что-то обозначается и выражается именно так, а не иначе, но то, *каким образом* язык организует знания и представления о мире, запускающая когнитивные и коммуникативные процессы.

По этой причине «ментальная репрезентация» оказывается в ряду важнейших когнитивных терминов. Он отличается двойственностью, поскольку относится и к процессу отображения или образного представления мира в сознании человека, и к единице этого представления, замещающей что-то в мыслительных процессах [http://www.infoplex.ru/elibrary_22633501.pdf]. Под таким углом

зрения язык репрезентирует, то есть кодирует в знаковой форме то, что выходит за его пределы и является фактом нелингвистическим. Так, слова активируют представления об объектах, заместителями которых они являются. Согласно мнению канадского психолога Аллана Пайвио, репрезентации могут разграничиваться на картиноподобные, или аналоговые (картинки, рисунки, схемы, образы лиц, предметов) и языкоподобные, или пропозициональные (репрезентации слов, морфем, предложений, текстов) [http://www.infolex.ru/elibrary_22633501.pdf].

В когнитивной перспективе воздействие текста связывается не с формами речевого воздействия, но с «эксплуатацией» когнитивных процессов в определённых целях. Вопрос об активации и целевом использовании ментальных структур в тексте и дискурсе получает развитие в исследованиях миромоделирования. Под влиянием когнитивных установок меняется трактовка дискурса. Он понимается не как инструмент деятельности, но как «поле битвы», на котором разные «видения мира» «сражаются за право утверждения своего мнения» [17, с. 141]. Метафора подчёркивает, что дискурс представляет способ отражения и конструирования «особого мира» с помощью языкового описания, который легитимизирует видение фрагментов действительности, оказывающее воздействие на адресата. Акцентирование ментально-языковых аспектов моделирования представлений о мире в социальных практиках приводит к обоснованию термина «репрезентационные структуры» — «объективируемые в дискурсе ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в коммуникативном контексте, накладывающем ограничения на процессы смыслопорождения» [7]. В рамках этого подхода ключевыми являются понятия языка, мышления, репрезентации, концептуализации, категоризации, картины мира, когнитивной базы, интерпретации.

Содержание понятий: области сближения и расхождения

В том случае если изучение прагматической ценности средств языка учитывает и включает когнитивные аспекты деятельности, понятия речевого воздействия и миромоделирования обнаруживают сближение. Это особенно заметно, если речевое воздействие осмысливается в психоллингвистическом ключе, то есть как диалог сознаний. Результатом взаимодействия ментальных

структур адресанта и адресата является смысл, выступающий «как составляющая сознания коммуникантов» и «как превращённая форма этой составляющей в виде высказывания, коммуникативного блока либо целого текста» [19, с. 6]. Исследование речевого воздействия на основе смысловых структур адресанта и адресата в психолого-герменевтическом ракурсе [20] преимущественно ограничивается пределами речевого акта, но обладает большим эвристическим потенциалом. Основным элементом локуции является текст, актуализирующий интенцию говорящего. Исследование миромоделирования привлекает к анализу дискурс, агрегирующий разножанровые текстовые совокупности, в которых объективируются ментальные репрезентации. При когнитивно-дискурсивном подходе важно установить, какие ментально-языковые структуры обеспечивают воздействие на адресата и в каких целях. В этой плоскости «сливаются» когнитивные и прагматические факторы. С когнитивных позиций миромоделирование обсуждается в терминах образной репрезентации объектов и явлений, в коммуникативно-прагматической перспективе — оно может «запускаться» всеми известными формами речевого воздействия, такими как информирование, аргументирование, персуазивность, суггестия, манипуляция.

Природа **речевой манипуляции** обусловлена фактором скрытого воздействия, то есть в психику адресата внедряются такие цели, желания, намерения, которые в момент коммуникации не совпадают с имеющимися у него [6]. В основе феномена лежат психологические механизмы, обеспечивающие некритичное восприятие поступающего сообщения. Манипулятор стремится скрыть истинные цели воздействия на адресата. При этом убеждение выстраивается ненарациональными доводами, в большей мере апеллирует к эмоциям и чувствам. Для иллюстрации «блистательной неопределённости», созданной речевыми средствами, приведём классический пример. Ср.:

— *Граждане!* — сказал Остап, открывая заседание. — *Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи. Мы должны протянуть руку помощи, и мы её протянем. Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят*

в своих постелях и укрываются тёплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные дети, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев», Глава XIV. «Союз меча и орала»).

В коммуникативно-прагматическом плане реальные намерения адресанта (отъём денег) эмоционально вуалируются призывом о помощи беспризорным детям. Конкретные факты не приводятся, ситуация представлена в отвлечённом виде на основе набора общих фраз, которые апеллируют к традиционным морально-нравственным нормам. Работает психологический механизм эмпатии, подразумевающий, что человек принимает переживания людей серьёзно, альтруистично, и это положительно оценивается социумом. В терминах когнитивно-дискурсивного миромоделирования референциальные средства ко-активируют два ментальных пространства (текстовых мира), задающих векторы смысловой интерпретации описываемого положения дел. Мир, в котором дети находятся без должного внимания (*маленькие дети, беспризорные дети, цветы улицы, цветы на асфальте*), вложен в реальный для персонажа-адресанта мир (*граждане, я, мы, одни из вас, другие, и те и другие, господа присяжные заседатели*). Связь между ними устанавливается за счёт субъектно-предикатных структур (пропозиций), модальности долженствования (*должны им помочь*) и временной референции к будущему (*мы им поможем*). Благодаря активации знаний, полученных в прежнем опыте, в результирующем ментальном пространстве генерируется значительно больше смыслов, чем эксплицируется в поверхностных структурах. Например, фразеологизм *протянуть руку помощи* активирует знания о помощи нуждающимся, содействии, поддержке, что выводит на первый план социальный концепт «милосердие» как важнейшую христианскую добродетель. Несмотря на то, что герои романа так и не понимают, о каких детях идёт речь в обращении Великого комбинатора, коммуникативный эффект превосходит все ожидания, и в кармане героя, как известно, оказывается «пятьсот честно заработанных рублей».

Обращаясь к вопросу концептуального расхождения двух понятий, подчеркнём, что миромоделирование может осуществляться как за счёт ре-

сурсов естественного языка, так и знаков иных семиотических систем, — мимики, поз, индексов, икон, графического оформления текста и пр. Обсудим это на примере цифрового дискурса социальной сети Telegram. В нём регулярно используются эмодзи, которые обозначают жесты и имеют закреплённое значение (например Unicode). В западных культурах и России 🖐️ (большой палец вверх) демонстрирует дружественный жест, который передаёт одобрение. Противоположный смысл представлен жестом 🖕 (большой палец вниз).

Миромоделирование не сводится и не подменяется речевым воздействием, но учитывает, что смыслогенерация в дискурсе имеет целенаправленный характер, выходит за пределы естественного языка в широкое семиотическое пространство, включающее разнообразные мультимодальные ресурсы. Они интегрируются в вербально-семиотическое произведение для конструирования миромodelей, служащих целям информирования и воздействия на адресата. В пределах мультимодального текста могут селективно комбинироваться три основных модуса (кода) — вербальный (сообщения на естественном языке), визуальный (изображение: фото, графика, видео, жесты), звуковой (музыка, звуки). Передаваемое содержание воспринимается гештальтно, в виде целостного образа, который кристаллизуется на фоне сосуществующих разнотипных знаковых элементов. С когнитивной точки зрения образ объекта, создаваемый невербальными знаками, получает интерпретацию на основе накопленных и хранящихся в сознании адресата культурных знаний. Так, жест 🖐️, который показывается указательным и средним пальцами руки, направленными вверх в форме латинской буквы «V», означает победу. Он ассоциируется с Уинстоном Черчиллем (рис. 1). Британский премьер-министр впервые сделал его 26 декабря 1941 г. как демонстрацию уверенности в своей победе.

Используемые в виртуальном пространстве языковые средства (знаки, символы, жесты, мимика), передают дополнительную информацию

Рис 1. Знак победы
Fig. 1. Victory sign

об объекте речи. Подчеркнём, что в дискурсивных практиках используются не все невербальные знаки. Нерелевантными являются собственно поведенческие реакции, такие как покраснение лица от волнения, потоотделение, побледнение, дрожь, зевота, потягивание и пр., а также те невербальные знаки, которые используются ненамеренно и обусловлены физиологией или привычками людей (потирание рук, почёсывание носа, уха, покусывание губ и пр.). В процессах миромоделирования невербальные знаки должны быть коммуникативными, то есть такими, которые подчинены цели предъявления дополнительной информации об объекте и специально используются отправителем речи, как правило, для «опредмечивания» чувственно-эмоциональной стороны взаимодействия. В цифровом дискурсе Telegram — это иллюстраторы, или описательно-изобразительные (выразительные) знаки, которые сопровождают словесный ряд и вне речевого контекста могут иметь множественные интерпретации. Например, стикеры, которые используются для выражения эмоций (рис. 2).

Представляется, что эскалация изображения в цифровых дискурсивных практиках способствует разработке понятия **мультимодального кода миромоделирования**. С учётом того, что в телеграм-сообщения активно внедряются несловесные знаки, его можно определить как **систему разнотипных семиотических (речевых и неречевых) средств, структурно-содержательное единство которых способствует созданию ментально-языковой (репрезентационной) структуры, реализующей прагматические цели**. В телеграм-дискурсе он объективирует чувственно-эмоциональную картину мира, которая в функциональном плане служит целям воздействия. Это происходит за счёт комбинации вербального, невербального и паравербального (звукового) кодов.

Вербальный код, представленный сообщениями на естественном языке, в большей мере соотносится с упомянутыми выше формами речевого воздействия. Маркеры невербального кода

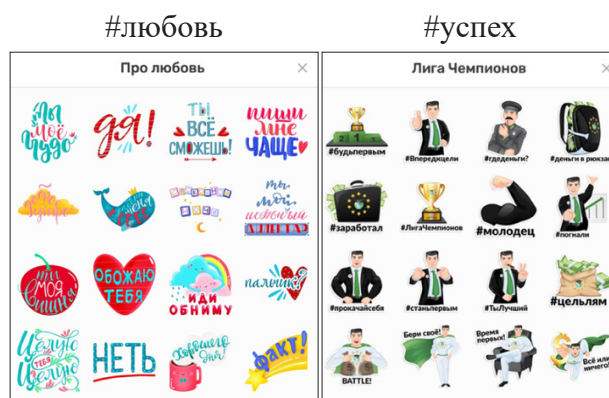

Рис. 2. Эмоции и знаки-иллюстраторы
Fig. 1. Emotions and signs-illustrators

составляют несловесную часть общения, дополняют и одновременно усложняют виртуальную коммуникацию. В лингвистике к ним причисляют такие средства невербальной семиотики, как кинемы, такемы, сенсемы, проксемы, хронемы [11]. В процессе миромоделирования в телеграм-дискурсе актуализируются картиноподобные репрезентации и воздействие на адресата осуществляется посредством конкретно-образного овнешнения чувств, ощущений, эмоций. При этом устанавливаются следующие модели организации воздействия:

1. Кинематическая модель. Понятие *кинемы*, ассоциируемое с движением органов произношения, было введено И. А. Бодуэном де Куртене, который использовал его для обозначения неразложимого произносительного элемента, представления работы губ, мягкого неба, средней части языка и т. д. Однако началом кинесики считают 1952 г., а её основателем — американского антрополога Рэя Бирдвистела [3, с. 64]. В современной лингвистике термин «кинема» обозначает маркеры невербального кода [10, с. 62], которые репрезентируют движения тела и его частей (жесты, позы, мимика, взгляд) (табл. 1). Они несут культурную информацию, дополняют речевые сообщения, способствуют пониманию психологического настроения и внутреннего состояния адресанта.

Таблица 1
Table 1

Примеры кинем в телеграм-дискурсе

№ 1 жесты	№ 2 позы	№ 3 телодвижения	№ 4 мимика	№ 5 взгляд
		ну вы даёте!!! 	БАРБАРА СТРЕЙЗАНД. ууу-ууу-уууууу 	

Обладая высокой степенью самостоятельности, некоторые стикеры-кинемы могут использоваться вне сообщений на естественном языке. Они являются *эмблемами* [3, с. 79], то есть выступают аналогами речевых высказываний, воплощая их в виде наглядных образов. В изолированном виде стикер с жестом «окей» (№ 1, табл. 1), образованный соединением большого и указательного пальцев, даёт возможность говорящему выражать общее согласие и одобрение, а также передавать идею «Я в порядке». В случае если стикер-кинему нельзя интерпретировать вне контекста, это *иллюстратор* [3, с. 79], выделяющий в коммуникации тот или иной фрагмент (№ 2, 3, 4, 5, табл. 1).

2. Гаптическую модель овнешняют *такемы* — знаки, которые относятся к науке о касаниях (гаптике), репрезентируют «тактильное взаимодействие» с телом человека [10, с. 117] и представляют разнообразные виды прикосновений: поцелуй, рукопожатие, щипок, поглаживание, похлопывание, потряхивание, удар, объятие, облизывание и др. [15]. Такемы различаются в зависимости от характера: профессиональ-

ные (осмотр врача), ритуальные (рукопожатие), дружеские (похлопывание по плечу), любовные. В телеграм-коммуникации они визуализируют представления о приемлемых отношениях между коммуникантами: а) степень близости: поцелуй, поглаживание, объятие (№ 1, 3, 5, табл. 2); б) статус отношений: приятельские, дружеские, деловые (№ 2, табл. 2); в) эмоции: гнев (№ 4, табл. 2).

3. Сенсемная модель выделяется в соответствии с пятью модальностями, или анализаторами ощущения (ухо, глаз, нос, кожа, язык) и реконструируется на основе *сенсем* — знаков, репрезентирующих информацию, полученную от пяти органов чувств: слуха (№ 1, табл. 3), зрения (№ 2, табл. 3), обоняния (№ 3, табл. 3), осязания (№ 4, табл. 3), вкуса (№ 5, табл. 3).

4. Проксемная модель восстанавливается на основе регулярного использования *проксем* — знаков, репрезентирующих локализацию, территорию, местоположение субъектов и объектов. Руководствуясь критериями американского антрополога Эдварда Холла [3, с. 467], можно разграничить объём личного пространства, как представлено в табл. 4.

Таблица 2
Table 2

Примеры такем в телеграм-дискурсе

№ 1 поцелуй	№ 2 рукопожатие	№ 3 поглаживание	№ 4 удар	№ 5 объятие
				

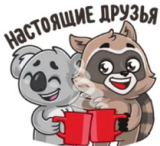

Таблица 3
Table 3

Примеры сенсем в телеграм-дискурсе

№ 1 слух	№ 2 зрение	№ 3 обоняние	№ 4 осязание	№ 5 вкус
				

Таблица 4
Table 4

Примеры проксем в телеграм-дискурсе

интимный 0,15–0,2 м	личный 0,45–0,75 м	социальный 2,2–3,7 м	публичный от 3,7 м
			

5. Темпоральная модель. Ядром являются знаки, формально репрезентирующие относительное и абсолютное время. В зависимости от специфики обозначения временного промежутка [11] в телеграм-дискурсе выделяются несколько видов *хронем*: а) точечные: указывают на конкретный период времени (№ 1, табл. 5); б) пролонгированные: отмечают длительный период времени (№ 2, табл. 5); в) предельные: имеют значение временного рубежа (№ 3, табл. 5); г) обобщающие: не имеют указания на временные рамки, но дают временной ориентир (№ 4, табл. 5). Они преимущественно используются в телеграм-дискурсе с целью регулирования поведения адресата (№ 1, 2, 3, табл. 5) и выражения эмоций, сопровождающих взаимодействие (№ 4, табл. 5).

6. Паравербальная модель предполагает использование паралингвизмов (по Г. Е. Крейдлину) — звуковых средств — дополнительно к вербальному коду (темп речи, высота тона, скорость, громкость, тембр голоса, паузы, ритм, интонация, покашливание и пр.). Применительно к цифровой коммуникации целесообразно рассматривать паралингвизмы в соотношении с невербальными средствами (изображение, фото, рисунок), поскольку они входят в состав семиотически сложных произведений, имеющих синкретичную природу (табл. 6). Звуки, сопровождающие изображение, передаются при помощи графем. С позиций лингвистики они являются междометиями. В стикерах паралингвистические элементы, как правило, сочетаются с кинемами,

то есть включают движения головы, мимику, позу (№ 1 *oops*); взгляд (№ 2 *ay*); движения тела, жесты (№ 3 *йоу*, № 4 *hmm*);

Миромоделирование предполагает структурирование информации о среде и человеке в дискурсе при помощи разнотипных семиотических знаков. Функционирование маркеров невербального кода усиливает эмоциональную составляющую телеграм-коммуникации. Характер воздействия на адресата определяется способностью семиотических средств экстерииоризировать фрагменты картины мира за счёт вербальной и невербальной концептуализации и опредмечивания чувств, ощущений, эмоций. Эмоционально-когнитивные структуры способствуют воплощению идей в образах, доступных внешнему наблюдению.

Заключение

В соотношении понятий речевого воздействия и миромоделирования общей является мысль о том, что для коммуникации обязательно наличие двух субъектов — того, кто производит сообщение на естественном языке (адресанта), и того, который его воспринимает (адресата), при этом первый стремится оказать влияние на второго. Различия определяются языковыми и неязыковыми факторами. Первостепенную важность имеет усложнение речевых практик в целом и в виртуальной среде в частности, развитие научных взглядов на природу языковых процессов, расхождение парадигмальных стимулов, которые обуславливают методы и приёмы лингвистического анализа в конце XX – начале XXI вв.

Таблица 5
Table 5

Примеры хронем в телеграм-дискурсе

№ 1 точечные	№ 2 пролонгированные	№ 3 предельные	№ 4 обобщающие

Таблица 6
Table 6

Примеры паравербальных знаков в телеграм-дискурсе

№ 1 <i>oops</i>	№ 2 <i>ay</i>	№ 3 <i>йоу</i>	№ 4 <i>hmm</i>

Понятие **речевого воздействия** прочно ассоциируется с лингвопрагматикой и коммуникативно-прагматической парадигмой развития языкознания. В её установки входит изучение прагматических свойств языка в ситуациях общения в целях координации сложной человеческой деятельности. Понятие **миромоделирования** имеет когнитивную природу и развивается на фоне достижений когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Они определяются признанием активного взаимодействия структур сознания и структур языка, подходом к языку как репрезентационной системе, актуализирующей богатство знаний о мире в дискурсе.

Речевое воздействие главным образом рассматривается в аспекте референции языковых единиц, являющихся относительно стабильными носителями конвенциональных значений. Понимание того, что механизм референции знаков естественного языка может запускаться наряду с невербальной референцией, которая носит конкретный характер, обуславливает расширение представлений о природе воздействия и способствует кристаллизации понятия миромоделирования.

При миромоделировании воздействие рассматривается сквозь призму того, какие речевые и неречевые знаки «запускают» ментальные репрезентации в сознании адресата в дискурсивных практиках. Речь идёт о ментально-языковом моделировании как процессе, нацеленном на изменение мировоззрения адресата и не ограниченном рамками речевого акта. Невербальные элементы могут анализироваться как элементы, вмонтированные в структуру вербально-семиотического произведения, а также как самостоятельный мультимодальный код, формирующий перспективу восприятия мира. В отличие от знаков естественного языка невербальные знаки отличаются большей вариативностью, выразительностью и изобразительностью. Обозначая свой денотат или целые ситуации, они не описывают положение дел, но указывают на объекты, предлагая «воплощение» реального мира в зримых манифестациях. Это способствует осмыслению явлений в виде образов, которые интериоризируются адресатом, становятся достоянием его сознания и определяют мировидение. Воздействие осуществляется за счёт эмоционально-когнитивных структур как фрагментов чувственно-эмоциональной картины мира.

Список источников

1. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978. 352 с.
2. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография. М. : Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
5. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
6. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта : Наука, 2003. 838 с.
7. Кушнерук С. Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. 2024. V. 28. № 2. С. 439-465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>.
8. Лозинская Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков : аналит. обзор. М. : ИНИОН РАН, 2007. 160 с.
9. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций. Минск, 2009. 183 с.
10. Огнева Е. А. Вербальные маркеры невербального кода в тексте оригинала и перевода // Альманах современной науки и образования. Ч. 2. 2010. № 2 (33). Тамбов: Грамота. С. 116-118.
11. Огнева Е. А., Даниленко И. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. Москва : «Эдитус», 2021. 208 с.
12. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
13. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт // Философия языка. М.: Эдиторная УРСС, 2010. С. 56–74.
14. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 161–166.

15. Трофимова Н. А. Маркеры невербального кода как гендерная составляющая публицистического дискурса (на материале статей «The New York Times»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 19 с.
16. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 279 с.
17. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2024. 176 с.
18. Шарандин А. Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник ТГУ. 2012. № 10 (114). С. 18–26.
19. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: ракурсы адресанта и адресата. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 152 с.
20. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Москва: ООО «ФЛИНТА», 2014. 343 с.

References

1. Aristotel'. Ritorika // Antichnye ritoriki. = Aristotle. Rhetoric // Ancient rhetoric. M., 1978. 352 p. (In Russ.).
2. Komarova ZI. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike. = Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics: textbook. Ekaterinburg: Izd-vo UrFU, 2012. 818 p. (In Russ.).
3. Kreydlin GE. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk. = Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p. (In Russ.).
4. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie. Kollektivnaya monografiya. = Creolized text: Semantic perception. Collective monograph. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2020. 206 p. (In Russ.).
5. Kubryakova ES. V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya. = In Search of the Essence of Language: Cognitive research. M.: Znak, 2012. 208 p. (In Russ.).
6. Kul'tura russkoy rech. = Culture of Russian speech: An encyclopedic dictionary-reference. M.: Flinta: Nauka, 2003. 838 p. (In Russ.).
7. Kushneruk SL. Napravleniya issledovaniya miromodelirovaniya v rossiyskoy lingvistike: paradigmal'nye ramki i ponyatiynyy apparat = Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus. *Russian Journal of Linguistics*. 2024;28(2):439-465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>. (In Russ.).
8. Lozinskaya EV. Literatura kak myshlenie: Kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov = Lozinskaya E. V. Literature as thinking: Cognitive literary studies at the turn of the XX–XXI centuries: an analyt. review. M.: INION RAN, 2007. 160 p. (In Russ.).
9. Norman BYu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov) = Linguistic pragmatics (based on the material of Russian and other Slavic languages): a course of lectures. Minsk, 2009. 183 p. (In Russ.).
10. Ogneva EA. Verbal'nye markery neverbal'nogo koda v tekste originala i perevoda. = Verbal markers of non-verbal code in the original and translated text. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Ch. 2*. 2010; (2(33)):116-118. Tambov: Gramota. P. (In Russ.).
11. Ogneva EA, Danilenko IA. Dual'nost' khudozhestvennogo kontsepta kak tekstovyy informativnyy kod. = The duality of an artistic concept as a textual informative code. Moscow: «Editus», 2021. 208 p. (In Russ.).
12. Ostin DzhL. Slovo kak deystvie. = The word as an action // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. Kh-VII. Teoriya rechevykh aktov*. M.: Progress, 1986. P. 22-129. (In Russ.).
13. Serl DzhR. Chto takoe rechevoy akt. = What is a speech act // *Philosophy of Language*. M.: Editornaya URSS, 2010. P. 56-74. (In Russ.).
14. Toporov VN. Model' mira (mifopoeticheskaya) // *Mify narodov mira* = The model of the world (mythopoeic) // *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 vols*. M.: Sov. entsiklopediya, 1980. V. 2. P. 161-166. (In Russ.).
15. Trofimova NA. Markery neverbal'nogo koda kak gendernaya sostavlyayushchaya publitsisticheskogo diskursa (na materiale stey «The New York Times»). = Markers of the nonverbal code as a gender component of journalistic discourse (based on articles by The New York Times). Abstract of thesis. Belgorod, 2023. 19 p. (In Russ.).

16. Tsiv'yan TV. Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy. = The world model and its linguistic foundations. M. : KomKniga, 2006. 279 p. (In Russ.).
17. Chernyavskaya VE, Molodychenko EN. Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse. = Speech impact in political, advertising and Internet discourse. M. : Lenand, 2024. 176 p. (In Russ.).
18. Sharandin AL. Kognitivnaya poetika v sistemnom opisaniі poeticheskogo yazyka. = Cognitive poetics in the systematic description of poetic language. *Bulletin of TGU*. 2012;(10(114):18-26. (In Russ.).
19. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdeystvie: rakursy adresanta i adresata. = Speech effects: the angles of the addressee and the addressee. Chelyabinsk : OOO «Entsiklopediya», 2008. 152 p. (In Russ.).
20. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya. = Speech effects: ontology and research methodology. Moscow : OOO «FLINTA», 2014. 343 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Л. Кушнерук — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

S. L. Kushneruk — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 821.131.1

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-66-74

ТВОРЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ А. БАРИККО

Мунира Маратовна Расулова

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан, munira.rasulova92@gmail.com, 0000-0002-3927-3511

Аннотация. В статье исследуется творческое сознание и языковая личность Алессандро Барикко, современного итальянского писателя, известного своей деятельностью в области музыки, кино и литературы. Понятия «творческое сознание» и «языковая личность» и методологии их исследования подробно обсуждаются в работах таких исследователей, как Л. О. Бутакова, М. Ю. Королев, Ж. Н. Маслова, Н. Л. Лейдерман. На основе этих исследований была проведена попытка анализа языковой личности А. Барикко. Биографические факторы, определяющие творческую индивидуальность писателя, включают его образование в музыкальной сфере, работу в телевизионной и кинопромышленности. Эти аспекты находят отражение в его творчестве, где используются такие элементы, как мизансцена, монтаж, сцены, напоминающие кадры фильма, а также музыкальный ритм. Нарративный стиль Барикко характеризуется чертами постмодернизма и магического реализма. Творчество Барикко отличается многообразием интерпретаций литературных произведений различных эпох, включая Гомера и Бетховена. Он создал собственную писательскую школу Holden, где обучает написанию статей и художественных текстов. В ходе исследования были рассмотрены произведения Барикко («Шелк», «Новеченто», «Море-океан»). Анализ показал, что в своем творчестве он активно применяет художественные методы, свойственные различным видам искусств, включая музыкальность, кинематографичность и сложные формы повествования.

Ключевые слова: авторское сознание, творческая личность, литература, музыка, кинематографизм, кинокадр, говорящие детали, мизансцена, интерпретация

Для цитирования: Расулова М. М. Творческое сознание А. Барикко // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 66–74. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-66-74.

Original article

A. BARICCO'S CREATIVE MIND

Munira M. Rasulova

Samarkand state institute of foreign languages, Samarkand, Uzbekistan, munira.rasulova92@gmail.com, 0000-0002-3927-3511

Abstract. This article is devoted to the problem of studying the creative consciousness of A. Baricco, who showed himself worthy and talented in music, cinema and literature. The concepts of 'creative consciousness' and 'linguistic personality' have been widely studied in the works of L. O. Butakova, M. Yu. Korolyov, J. N. Maslova, N. L. Leiderman. Based on their results, an attempt was made to analyse A. Baricco's linguistic personality. As is known, the main factor that conditions the creative individuality of a writer, his dissimilarity to others, is his biographical experience. The article analyses the facts of Baricco's biography: musical education at the conservatory, work experience in television and film industry, which determines his creative consciousness. His biographical experience is manifested in his works: it is felt in his use of mise-en-scenes, clip editing, scenes similar to film frames, musical rhythm. Baricco has a special kind of narrative, he writes in the style of postmodernism and magic realism. The multifaceted nature of his work, his ability to interpret literary works, both modern and ancient (Homer's 'Iliad'), as well as musical masterpieces (Beethoven) is noted. A. Baricco has created his own creative laboratory, the Holden Writers' School, where he teaches writing articles and literary works. This article analyses some works of the author ('Silk', 'Novecento', 'Sea-Ocean'). As a result of the analysis, it was found that in his works the author uses various techniques and concepts characteristic of all types of art. The main elements of his narrative are musicality, cinematography and complex narrative.

Keywords: author's mind, creative personality, literature, music, cinematography, film shot, telling details, mise en scène, interpretation

For citation: Rasulova MM. The Creative A. Baricco's Mind. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2025;(2(496):66-74. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-66-74.

Введение

Творчество итальянского писателя Алессандро Барикко представляет интерес для исследования в рамках лингвокультурологии, когнитивного литературоведения и психолингвистики. Авторское сознание характеризуется многовекторностью, что отражается в его произведениях. Понятие авторского сознания рассматривается в работах Л. О. Бутаковой, М. Ю. Королева, Н. М. Мирошниченко [1; 5; 8]. По определению Л. О. Бутаковой, это «совокупность внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу когнитивной, семиотической, коммуникативной и эмотивной систем, репрезентированных в тексте» [1, с. 14]. Творческое сознание изучено в трудах И. А. Герасимовой, Н. Л. Лейдермана, Ж. Н. Масловой [2; 6; 7]. Согласно Н. Л. Лейдерману, индивидуальность писателя обусловлена биографическим опытом, особенностями психического склада, мировоззрением и культурно-эстетическим фоном [6, с. 11–12]. Реализация этих факторов зависит от художественного дара и профессионального мастерства. Ж. Н. Маслова подчеркивает, что творческое сознание включает отражение объективной реальности, знание языковых структур и законов организации речи, а также механизмы обработки, хранения и представления эмоционально-эстетического опыта [7, с. 57]. Указанные положения применимы к творчеству А. Барикко.

Материалы и методы исследования

Материалом настоящего исследования послужили прозаические произведения Алессандро Барикко «Море-океан», «Новеченто», «Шелк», «Гомер. Илиада», «Мистер Гвин», характеризующиеся тематическим и жанровым разнообразием. Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных учёных в области когнитивного литературоведения, психолингвистического и лингвокультурологического направлений, а также материалы научных конференций по проблемам авторского сознания и художественного творчества. Данные вопросы рассматриваются в трудах Л. О. Бутаковой, И. А. Герасимовой, М. Ю. Королева, Н. Л. Лейдермана, Ж. Н. Масловой, Н. М. Мирошниченко.

В работе используются методы, позволяющие определить особенности творческого сознания А. Барикко, ориентированные на анализ прозаических текстов автора: метод описания творческой языковой личности и фактов, обуславливающих формирование творческого авторского сознания; метод концептуального анализа; лингво-

культурологический анализ; филологический метод интерпретации текста, который направлен на раскрытие авторских личностных смыслов и способов их вербального выражения в литературном произведении.

Результаты и обсуждение

Основным фактором, который обуславливает творческую индивидуальность писателя, его непохожесть на других, является его биографический опыт. Итальянский писатель Алессандро Барикко, по профессии музыкант, окончил консерваторию по специальности фортепиано, имеет ученую степень по философии. Им были созданы два эссе по музыкальной критике, посвященные Россини и Гегелю. Следовательно, он хорошо разбирается в музыке, что демонстрирует его когнитивные аналитические способности.

В формировании творческого сознания важным фактором является «когнитивная среда» (В. М. Широнин), в которой находится человек, — «это весь способ его взаимодействия с окружающим миром и его картина мира; это система знания и коммуникации, созданная неким социумом и так или иначе доступная данному человеку» [11, с. 8]. Согласимся, что когнитивная среда, в которой находится писатель, повлияла на его творческое сознание: А. Барикко писал критические статьи в журнале *La Repubblica*, вел колонку в *La Stampa*, был ведущим телевизионных интеллектуальных шоу, посвященных литературе, музыке, кино. Следовательно, он — разноплановая творческая личность, имеющая дар «публичного» интересного рассказа, который может «держат» аудиторию, владеть ею.

Считаем, что многогранная творческая личность, успешно проявившая себя в «устной» форме, успешно пробует себя в литературе. Сам А. Барикко отмечает, что для него литература, музыка и кино являются схожими явлениями, потому что, как и в музыке, в кино и литературе нужно придумывать [13, с. 110]. Критик И. Ланслотс подчеркивает музыкальность нарратива произведений А. Барикко: его повествование нелинейно, сложно, он соблюдает музыкальные принципы [15, с. 53].

Алессандро Барикко глубоко знаком с принципами кинематографии, что находит отражение в его прозе. Критики, такие как А. Скарселла и Ф. Амброзо, подчеркивают кинематографические черты его произведений. Например, А. Скарселла отмечает, что роман «Шелк» построен по принципу кинематографического сценария (*un copione cinematografico*) [16, с. 69], тогда

как Ф. Амброзо утверждает, что «Новеченто» является полностью кинематографическим произведением (*l'opera cinematografica*) [12, с. 36].

Некоторые произведения Барикко действительно напоминают сценарии фильмов. Автор детально описывает обстановку, декорации и демонстрирует жесты и движения персонажей.

Роман «Море-океан», опубликованный в 1993 г., состоит из трех частей, которые можно сравнить с эпизодами фильма. Первая часть делится на множество коротких глав, напоминающих отдельные сцены. Каждая глава фокусируется на одном из персонажей, связанных общим местом действия — таверной «Альмайер». Посредством последовательного описания сцен читатель постепенно узнает каждого персонажа и понимает развитие сюжета. Во второй части романа используется прием ретроспекции: автор рассказывает о событиях, произошедших до встречи героев в таверне, включая кораблекрушение. Третья часть разделена на главы, названные именами персонажей, и содержит развязку всех сюжетных линий.

Важно подчеркнуть, что в каждой главе (сцене) есть несколько ситуаций (кадров). А. Барикко мастерски создает рекомендации в «жестах и движениях», того, что должен делать персонаж: «*Бартльбум кладет перо, сгибает лист, втискивает его в конверт. Встает, вынимает из дорожного сундука шкатулку красного дерева, приподнимает ее крышку и опускает внутрь раскрытый безадресный конверт*».¹

Автор с точностью описывает интерьер, в котором происходит действие, как декорации: «*Nella stanza in fondo al corridoio (primo piano) c'erano un letto, un armadio, due sedie, una stufa, un piccolo scrittoio, un tappeto (blu), due quadri identici, un lavabo con specchio, una cassapanca...*».²

Культурно-эстетический фонд автора, служащий источниками вдохновения для его творчества, включает не только музыку и кино, но также науку, философию и историю. Так, идея создания романа «Море-океан» возникла у А. Барикко после прочтения в научной литературе истории о девочке, которую отец привез на лечение к морю. Этот случай стал отправной точкой для написания произведения. Интеллектуальные и аналитические способности А. Барикко проявляются не только в его писательской деятельности, но и в преподавательской

работе. Он организывает публичные чтения, критикует, пишет произведения и ведет педагогическую деятельность. Многоаспектная творческая личность Барикко привела к созданию писательской школы Holden в Турине. Здесь автор разрабатывает и проводит курсы по роману и рассказу. В 1998 г. в рамках этой школы был запущен театральный проект «Totem», который позже трансформировался в телевизионную программу, включающую фрагменты мировой литературы. Сегодня школа продолжает оставаться актуальной, предлагая разнообразные курсы, включая журналистику и создание сценариев для кино.

Вышесказанное можно проиллюстрировать словами Л. О. Бутаковой: «Вербализованность результатов отражения, рефлексивность процесса интерпретации, деятельная специфика речи позволяют нам описывать сущность *авторского сознания* как триаду *Субъекта* сознания (продюцента, автора) — *Объекта* сознания (окружающего мира) — *отношений* Субъекта и Объекта, зафиксированных текстом» [1, с. 10]. Согласимся, что авторское сознание А. Барикко можно рассматривать, используя принципы триады: *музыкант — писатель — кинематограф*.

Творческое сознание А. Барикко объемно, он легко использует приемы и понятия, характерные для других видов искусства — театр или сценарии для кинематографа.

Рассмотрим его произведение «*Novescento*» (1994), которое можно трактовать как театральный монолог, поэму в прозе или повесть-джаз. «*Новеченто*» также напоминает готовый сценарий фильма. Сам автор отмечает: «*No scritto questo testo per un attore, Eugenio Allegri, e un regista, Gabriele Vacis. Loro ne hanno fatto uno spettacolo che ha debuttato al festival di Asti nel luglio di quest'anno*».³ «Я написал этот текст для актера Евдженио Аллегри и режиссера Габриэля Вачеса. Они поставили по нему спектакль, дебютировавший в июле этого года на фестивале Асти».

В романе особое внимание уделено значимым деталям, жестам и крупному плану. В сцене дуэли между пианистами Новеченто и Джелли Роллом важной деталью становится «сигарета», выделенная автором крупным планом. Она выполняет несколько функций. Во-первых, через нее раскрывается мастерство игры Джелли Ролла: его исполнение настолько тонкое и деликатное, что пепел от зажженной сигареты, стоящей на краю пианино, не осыпается:

¹ Барикко А. Море-океан. М., 2001. С. 21.

² Baricco A. Oceano mare. Milano, 1994. P. 23.

³ Baricco A. Novescento. Milano, 2012. P. 7.

«*Jelly Roll si accese una sigaretta, l'appoggiò in bilico sul bordo del pianoforte, si sedette e iniziò a suonare. [...] La sigaretta era sempre là, sul bordo del pianoforte: mezza consumata, ma la cenere era ancora tutta là*».⁴

В этом контексте сигарета символизирует текущее время: горящий пепел обозначает временной интервал её горения. Другая важная функция сигареты заключается в демонстрации виртуозности игры Новеченто: его исполнение было таким стремительным и мощным, что струны фортепиано разогрелись настолько, что зажгли сигарету:

«*Poi appoggiò la mia sigaretta sul bordo del pianoforte. Spenta. E iniziò. [...]*

Novecento si alzò, prese la mia sigaretta. La ritirò fuori da lì, ed era accesa».⁵

Жесты играют ключевую роль в данном эпизоде. После завершения игры на фортепиано Новеченто берет горящую сигарету и передает её своему сопернику, при этом пепел падает на костюм и ботинки Джелли Ролла. Этот жест символизирует унижение проигравшего в дуэли персонажа.

Таким образом, деталь «сигарета» выполняет исключительно функциональную задачу, отражая особенности игры на фортепиано и торжество Новеченто.

Некоторые приёмы, используемые А. Барикко в прозе, напоминают технику клипа. По мнению А. С. Михалкова-Кончаловского, «монтаж объединяет драматургию с режиссурой, придавая ей законченную форму» [9, с. 208]. А. Скарселла также подчеркивает, что кинематография обучила литературу технике монтажа: *ciò che il cinema insegna alla letteratura è la tecnica del montaggio* [16, с. 17]. В произведениях А. Барикко применяется приём монтажа: чередование кадров, изменение ритмов, дальние и крупные планы, мизансцены.

В 1996 г. выходит «*Seta*» (Шелк) — фрагментарная проза в стихах (подчеркнем сходство со структурой японского «Исэ-моногатари»), короткие главы, которые напоминают сцены кинофильма. Заметим, что в этом произведении автор использует много приемов, значимых для кинематографии: крупный план, жесты, детали, мизансцены.

Глаголы «движения» помогают понять, что путешествие Эрве Жонкура из Франции до Японии было длительным, он ехал не прямо, часто пересаживался, пересекал реки, города, провинции,

ехал на поезде, затем на перекладных: «*Varcò il confine vicino a Metz, [...] raggiunse in treno Vienna e Budapest. Percorse a cavallo duemila chilometri di steppa russa, superò gli Urali. [...] Ridiscese il corso del fiume Amur*».⁶

Подчеркнем детали в 13-й главе: «перегородка из рисовой бумаги» отражает национальное пространство — Японию, «кимоно» — японскую ментальность, пустое пространство, минимализм предметов в комнате отражает эстетику Японии.

Мизансцены у А. Барикко часто напоминают кинематографические кадры. Автор выстраивает мизансцену таким образом, чтобы читатель мог интуитивно, без словесных объяснений, уловить подтекст сцены и взаимоотношения между персонажами. Так, возле Хара Кея, сидящего со скрещенными ногами, что характерно для японских традиций, неподвижно лежит девушка. Жест Хара Кея, проводящего рукой по её волосам, символизирует его власть и доминирование над девушкой, словно над покорившимся животным. Противоположно ему, на другом конце стола, сидит Эрве Жонкур. Его положение неудобное: он сидит на полу, за низким столиком.

Фокусировка на восприятии Эрве Жонкура позволяет читателю заметить то, что остается вне поля зрения Хара Кея: девушка открывает глаза и внимательно смотрит на Эрве Жонкура. Как отмечает А. С. Михалков-Кончаловский, при анализе важно учитывать точку зрения, с которой происходят события, и причины этого выбора [9, с. 149]. В данном случае события показаны глазами Эрве Жонкура.

Важную роль играет также говорящая деталь «чашка». Эрве Жонкур «*взял ее одной рукой, поднес к губам, отпил маленький глоток*».⁷

Обратим внимание на движения девушки. А. Барикко использует короткие предложения, чтоб показать знаковость движений:

«*Девушка чуть приподняла голову ... направила взгляд на чашку.*

Медленно повернула чашку, пока губы в точности не совпали с тем местом, где пил он.

Прищурил глаза, сделала глоток».⁸

Хара Кей не замечает этих движений, поскольку всё его внимание сосредоточено на Эрве Жонкуре; он лишь краем глаза видит руку. Читатель мысленно дорисовывает финальную сцену. Можно предположить, что благодаря выбранной ми-

⁴ Baricco A. Novecento. Milano, 2012. P. 39

⁵ Baricco A. Novecento. Milano, 2012. P. 42

⁶ Baricco A. Seta. Milano, 2008. P. 23

⁷ Барикко А. Шелк. СПб., 2010. С. 40

⁸ Барикко А. Шелк. СПб., 2010. С. 43

зансцене и точке зрения Эрве Жонкура деталь «чашка» приобретает символическое значение «поцелуя» между девушкой и французом, происходящего вне контроля Хара Кея.

Следует отметить, что многие действия разворачиваются в реальном времени, что также является одной из особенностей кинематографичности стиля А. Барикко.

В 1998 г. А. Барикко выступил сценаристом фильма *La leggenda del pianista sull'oceano* (Легенда о пианисте), снятым итальянским режиссером Джузеппе Торнаторе.

Важным фактором, обуславливающим творческую индивидуальность писателя, являются также исторические обстоятельства. Художественная деятельность А. Барикко развивается в эпоху постмодернизма. Об этом пишут и критики, исследующие его творчество. И. Ланслотс и А. Кастелли считают, что многие романы Барикко относятся к постмодернизму: Baricco's narrative is postmodern [15, с. 53], these novels lend themselves to a postmodern reading [14, с. 229].

Черты, которые считаются каноническими для художественной литературы эпохи постмодернизма, — это широкое использование интертекстуальности, влияние иностранных произведений, кино, комиксов и музыки, смешение жанров, короткая форма произведений, фрагментация, практика ремейков. Считаем, что все вышеперечисленные особенности постмодернизма широко отражаются в произведениях А. Барикко. В этот период наблюдается обновление жанров предшествующих эпох, а также зарождение новых жанров. Согласимся, что автор свободен в выборе нарратива, он разрушает условные и традиционные рамки жанра. По мнению М. В. Репьевской, «в рамках традиционной нарратологии предприняты попытки поднять методы лингвистики выше уровня главного объекта лингвистического анализа предложения, распространив на повествование методы анализа лингвистического высказывания» [10, с. 136].

А. Барикко формирует новый нарратив в рамках постмодернистских тенденций. В 1998 г. он представил спектакль-публичное чтение в передаче Totem на телеканале Rai 2, посвященное герою пьесы «Сирано де Бержерак», созданной Эдмоном Ростаном в 1897 г. Барикко объяснил аудитории урок, который несет в себе этот персонаж: человек способен вдохновлять любовь словом. Его выступление сопровождалось музыкальным оформлением. В процессе чтения Барикко цитировал строки из поэмы, дополняя их своими ком-

ментариями, такими как сравнение красивого персонажа с Брэдом Питтом. Такой подход можно рассматривать как успешный пример коммуникации оратора-рассказчика, обладающего артистическими способностями и умением устанавливать контакт с современной аудиторией.

Творческие когнитивные способности А. Барикко позволили ему реализовать уникальный проект «Omero. Iliade» (2004), идею которого он заимствовал из замысла организовать публичное чтение «Илиады». Это свидетельствует о глубоких знаниях автора не только в области музыки и кинематографии, но и в литературе. Художественный дар и профессионализм Барикко проявляются в его интерпретации античного произведения, которое он обогащает новыми смысловыми слоями, вводя дополнительные главы, такие как «Хрисеида», «Терсит», «Пандар», «Эней», «Нестор» и другие. Объективный эпос Гомера преобразуется в субъективные взгляды отдельных рассказчиков, каждый из которых представляет свое уникальное понимание войны и происходящих событий. В версии Барикко персонажи, такие как прекрасная пленница, ничтожный шут, молодой амбициозный воин и старый опытный солдат, получают равнозначное значение. Автор демонстрирует многогранность феномена войны и раскрывает характеры персонажей через их участие в военных конфликтах. Благодаря использованию первого лица, Барикко получает возможность создавать образы персонажей через их внутренние конфликты и взаимодействия с другими героями. Вставки служат инструментом для авторских комментариев и акцентации значимых характеристик персонажей («Агамемнон», «Нестор» и другие) [4, с. 15]. Таким образом, А. Барикко предлагает современную интерпретацию гомеровской «Илиады», переосмысливая текст в новом стиле и адаптируя его для современной аудитории.

Тексты А. Барикко очень разнообразны, они отражают его богатый культурный фонд. Можно согласиться с Л. О. Бутаковой, которая считает, что художественный текст связан с «эстетически мотивированной деятельностью» [1, с. 6], что в первую очередь относится к произведениям А. Барикко.

Будучи признанным писателем, в 2008 г. А. Барикко дебютировал как режиссёр с фильмом «Двадцать первая лекция». Центральное место в его кинопроизведении занимает история, связанная с последним этапом жизни Людвиг ван Бетховена, когда им была создана Девятая симфония. Сюжет фильма строится вокруг

английского профессора Мондриана Киллроя, утверждающего, что некоторые произведения искусства, такие как Девятая симфония Бетховена, чрезмерно переоцениваются последующими поколениями. Хотя общество относится к Киллрою с неприязнью, студенты помнят его оригинальные лекции, особенно знаменитую «лекцию № 21». В фильме Барикко использует приём нарратива «рассказ в рассказе».

«Лекция № 21» приобрела культовый статус в определённых кругах, поскольку ни один исследователь прежде не пытался пересмотреть значимость Бетховена и его Девятой симфонии. В этом проекте Барикко выступает не только как режиссёр и кинематографист, но и как интерпретатор музыкального произведения, насыщающий его философскими размышлениями, лирическими отступлениями и звуковым сопровождением, оживляющим монологи профессора. Когда начинается рассказ, на экране возникает заснеженная улица, по которой идёт замерзающий музыкант. Как отмечает О. В. Горбатова, «А. Барикко сознательно привлекает внимание к связанному с прогрессирующей глухотой факту из биографии Бетховена, ставшему причиной его добровольного уединения... Оказавшись в холодной пустыне одиночества, страх перед которой побуждает Бетховена искать спасения в идеалах человеческого братства, композитор осознанно обращается к слову, надеясь быть услышанным» [3, с. 181].

Поддерживаем мнение Ж. Н. Масловой, согласно которому категория творческого сознания позволяет исследовать влияние авторской субъективности на структуру художественного текста и литературного процесса [7, с. 63].

Все произведения А. Барикко отличаются оригинальностью и новизной подхода. После некоторого перерыва он создаёт диологию “Mr. Gwyn” (2011) и “Tre volte all’alba” (2012). Роман “Mr. Gwyn” выделяется своей формой среди остальных работ автора. Если в предыдущих произведениях Барикко сочетались слово и музыка, слово и кино, то здесь переплетаются слово и живопись. Это свидетельствует о богатом культурно-эстетическом фонде писателя, формирующем его творческую индивидуальность: автор владеет знаниями не только в области музыки, кино и литературы, но и в живописи.

Главный персонаж произведения, известный писатель мистер Гвин, принимает решение никогда больше не писать романы. Он намерен писать портреты словами, ведь каждый человек —

это не персонаж, а «особая история»⁹, и она заслуживает того, чтобы ее записали. А. Барикко описывает процесс писания портретов лишь через молчаливое позирование модели в абсолютно пустом пространстве. В этом виде искусства нет разговоров, художник пишет истории о людях, интерпретируя их движения, жесты, мимику, взгляд. Оставшись наедине с художником, человек начинает вести себя непринужденно, ощущать себя, чувствовать жизнь. Можно предположить, что это произведение автобиографично и Мистер Гвин — это alter ego писателя.

В 2017 году А. Барикко вернулся на телевидение с проектом на канале Rai 3, представив телевизионный спектакль «Steinbeck, Furore». В нем он читал роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева» в сопровождении музыкальной композиции Франческо Бьянкони, лидера группы Baustelle.

Продолжая развивать свои кинематографические эксперименты, Барикко интегрировал текст с музыкой. В 2020 г., в честь 250-летия со дня рождения Людвиг ван Бетховена, в муниципальном театре города Феррара был снят необычный фильм: «Людвиг ван Бетховен. Пять фактов, которые нужно знать о его музыке». Это урок-спектакль продолжительностью 95 минут, в котором А. Барикко выступил в роли лектора, а вместе с ним участвовали пианистка Глория Кампанер и тридцать молодых музыкантов оркестра Канова под управлением Э. К. Пагано.

На пустой сцене театра начинается рассказ Алессандро Барикко о Бетховене — это незапланированное путешествие, цель которого — раскрыть пять аспектов музыки великого композитора, которые редко упоминаются в музыкальных биографиях или энциклопедиях. «Вы заходите в театр, где нет зрителей (стоит отметить, что работа над фильмом проходила в период карантина, когда культурные учреждения были закрыты, и обучение велось дистанционно. — *Прим. авт.*), и вновь ощущаете радость живой музыки, ключ, открывающий двери души», — говорит А. Барикко со сцены.

Автор анализирует музыку Бетховена, погружаясь в мелодии. Он комментирует их, вступая в постоянный диалог с молодыми музыкантами на сцене. Первым произведением, исполненным пианисткой, стало «К Элизе» Бетховена. Затем следует сам рассказ А. Барикко:

“Adesso si tratterebbe di capire come mai una musica così piccola semplice ...è arrivata fino a noi e guardate che arriva da lontano e qui ci sono secoli più di due secoli tra noi e questa musica... Viene da

⁹ Барикко А. Мистер Гвин. СПб., 2012. С. 248

un uomo che si chiamava Ludwig van Beethoven e che oggi compirebbe 250 anni...è uno che ha cambiato un po' la nostra storia, storia della nostra musica". (Сейчас важно понять, почему такая простая, небольшая мелодия дошла до наших дней, заметьте, она пришла издалека, более двух столетий отделяет нас и эту музыку. Она пришла от человека, которого звали Людвиг ван Бетховен, которому сегодня исполнилось бы 250 лет... это человек, который немного изменил нашу историю, историю нашей музыки).

А. Барикко отмечает, что другие композиторы, например, Гендель, писали в основном для общества, которое имело веру в душе, это была религиозная музыка, сравниваемая с «элегантностью в саду Бога». Оркестр играет отрывок из Генделя.

Затем оркестр играет начало Симфонии № 5 Бетховена.

А. Барикко — интересный «рассказчик», он интерпретирует музыку, используя субъективные ассоциации: *“Questa è di Beethoven. Inviti degli amici a casa, fai una serata elegante, li fai sentire questa musica. Questi se ne vanno, questi pensano che sei impazzito... quello che avete sentito prima era quasi sempre come fosse una facciata di una casa...”* («Это — Бетховен. Вы приглашаете друзей к себе домой, устраиваете шикарную вечеринку, заставляете их слушать эту музыку. Они уходят, думая, что вы сошли с ума... То, что вы слышали раньше, было похоже лишь на фасад дома...»).

Звучит Патетическая соната Бетховена для фортепиано.

Во время игры А. Барикко комментирует каждый звук, каждое изменение мелодии, эмоционально передавая ее. Сначала музыка напряженная, «как будто что-то должно произойти, как будто что-то разрывается». Потом оркестр играет легкую живую мелодию, чувствуется расслабление, «как будто ты у себя дома». Вдруг мелодия меняется: «что-то не так», затем еще одно изменение мелодии и «восхищение» ею.

Можно утверждать, что уникальность творческого сознания А. Барикко выражается в создании нового вида нарратива — вербальной интерпретации живой музыки. Автор интерпретирует музыку Бетховена, его эмоциональное состояние в каждом музыкальном фрагменте произведения, демонстрируя наглядно-образное мышление. Такой подход способствует не только передаче субъективных ощущений от музыки, но и углублению понимания её содержания и контекста.

А. Барикко продолжает творить и сегодня. В 2023 г. был опубликован роман “Abel”, отличающийся уникальным стилем. Жанр произведе-

ния по определению самого автора — «метафизический» вестерн, который впервые встречается в творчестве автора.

Выводы

В результате проведенного лингвокультурологического исследования было установлено, что формирование творческого сознания автора обусловлено следующими факторами:

1. Биографический опыт, социальная среда, исторический контекст, когнитивная среда (В. М. Широнин). А. Барикко — писатель, музыкант, режиссер. Его творческая деятельность развивается в эпоху постмодернизма, что влияет на его стиль.

2. Культурно-эстетический фонд писателя. А. Барикко имеет богатый внутренний мир, интересуется разными отраслями искусства и науки (философия, история, живопись, музыка, кинематография). Синергетика творчества способствует тому, что автор в произведениях легко использует приемы и понятия, характерные для всех видов искусства. К примеру, во всех его произведениях проявляются существенные приемы кинематографической прозы: монтаж, дальние и крупные планы, мизансцены.

3. Художественный дар писателя, доминирование познавательной мотивации, что выражается в творческой активности автора. А. Барикко имеет ораторские способности, устраивает публичные чтения, интерпретирует художественную литературу и музыкальные произведения.

4. Оригинальность наглядно-образного мышления, что обуславливает выбор нарративных стратегий. А. Барикко известен своим уникальным языком, который сочетает в себе поэзию и прозу. Его проза отличается фрагментарностью, для придания образности часто используются метафоры, ассоциативные сравнения.

5. Автор узнаваем по его стилю, нарративу, что делает его художественным феноменом. А. Барикко не боится экспериментировать с формой и структурой своих произведений, использует нестандартные повествовательные техники, интертекстуальность. Можно проследить жанровое разнообразие его произведений, создание «нового нарратива» постмодернизма.

Таким образом, изучение творческого сознания позволяет установить основные принципы взаимодействия человека с миром в художественном творчестве, рассмотреть процесс влияния авторской субъективности на структуру художественного текста и литературный процесс, а также обогатить понимание самого творчества и его влияния на общество и культуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бутакова Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект. Омск: Омский государственный университет. 2001. 459 с.
2. Герасимова И. А. Творческое сознание как дисциплинированная спонтанность // *Философия науки*. Вып. 12: Феномен сознания. 2006. С. 92–109.
3. Горбатова О. В. Бетховен в пространстве кинотекста: «Лекция 21» А. Барикко // *Вестник АГУ*. 2016. №1. С. 178-183.
4. Каримов Р. Р. Проблемы интертекста в произведении А. Барикко «Гомер. Илиада». Самарканд: СамГИИЯ. 2013. 64 с.
5. Королёв М. Ю. Авторское сознание и художественное творчество // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2010. № 3. С. 93–98
6. Лейдерман Н. Л. Творческая индивидуальность писателя как объект изучения // *Филологический класс*. 2005. № 2 (14). С. 11–23.
7. Маслова Ж. Н. Творческое языковое сознание: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2015. 307 с.
8. Мирошниченко Н. М. Автор и авторское сознание как литературоведческие категории // *Вопросы русской литературы*. 2014. № 27 (84). С. 110–128.
9. Михалков-Кончаловский А. С. Парабола замысла. М.: «Искусство». 1977. 231 с.
10. Репьевская М. В. Подходы к изучению нарратива // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2012. № 25. С. 136–143
11. Широин В. М. Когнитивная среда и институциональное развитие: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2013. 264 с.
12. Ambroso F. Novecento, la musica dell'oceano. Dal monologo di Alessandro Baricco al film di Giuseppe Tornatore // *Parola. Una nozione unica per una ricerca multidisciplinare. Studi e ricerche*. Siena: Edizioni Università per Stranieri di Siena. 2019. P. 35–43
13. Audino D., G.Avellino. L'opera? È un “prodotto” moltiplicato per sei // *Script. Scrittori e scrittura per il cinema e lo spettacolo. Il cinema di qualità di qualità senza mercato è cieco. Il mercato senza cinema di qualità è vuoto*. 1995. № 7/8. P.103–110
14. Castelli A. Alessandro Baricco: The Diction of Imagism // *Orbis Litterarum*. 2021. P.229–242
15. Lanslots I. Alessandro Baricco's infinite tales // *Spunti e Ricerche: Rivista d'Italianistica*. 1999. № 14. P. 47–57
16. Scarsella A. Alessandro Baricco. Fiesole (Firenze): Cadmo. 2003. 138 p.

References

1. Butakova LO. Avtorskoe soznanie kak bazovaja kategorija teksta: kognitivnyj aspekt = Author's consciousness as a basic category of text: cognitive aspect. Omsk. 2001. 459 p. (in Russ.).
2. Gerasimova IA. Tvorcheskoe soznanie kak disciplinirovannaja spontannost' = Creative consciousness as a disciplined spontaneity. *Filosofija nauki = Philosophy of Science*. 2006;12:92-109. (in Russ.).
3. Gorbatova OV. Beethoven in film text space: “Lecture 21” of A. Baricco. *The Bulletin of the Adyge State University*. 2016;(1):178-183. (in Russ.).
4. Karimov RR. Problemy interteksta v proizvedenii A. Barikko “Gomer. Iliada” = Problems of intertext in the work of A. Baricco “Homer. The Iliad”. Samarkand. 2013. 64 p. (in Russ.).
5. Korol'ov MJu. Avtorskoe soznanie i hudozhestvennoe tvorcestvo = Author's consciousness and artistic creation. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov*. 2010;(3):93-98. (in Russ.).
6. Lejderman NL. Tvorcheskaja individual'nost' pisatelja kak ob#ekt izuchenija = The creative individuality of a writer as an object of study. *Philological Class*. 2005;(2(14):11-23. (in Russ.).
7. Maslova ZhN. Tvorcheskoe jazykovoe soznanie: monografija = Creative linguistic consciousness: a monograph. Tambov. 2015. 307 p. (in Russ.).
8. Miroshnichenko NM. Avtor i avtorskoe soznanie kak literaturovedcheskie kategorii = The author and the author's consciousness as literary categories. *Voprosy russkoj literatury = Questions of Russian literature*. 2014;(27(84):110-128. (in Russ.).
9. Mihalkov-Konchalovskij AS. Parabola zamysla = The parabola of concept. Moscow. 1977. 231 p. (in Russ.).

10. Rep'evskaja MV. Approaches to narrative investigation. *South Ural State University Bulletin. Linguistics*. 2012;(25):136-143. (in Russ.).
11. Shironin VM. Cognitive Space and Institutional Development. St. Petersburg. 2013. 264 p. (in Russ.).
12. Ambroso F. Novecento, la musica dell'oceano. Dal monologo di Alessandro Baricco al film di Giuseppe Tornatore = Novecento, the music of the ocean. From the monologue by Alessandro Baricco to the film by Giuseppe Tornatore. Parola. Una nozione unica per una ricerca multidisciplinare. Studi e ricerche = Word. A unique notion for multidisciplinary research. Studies and research. Siena. 2019. pp. 35-43. (in Italian).
13. Audino D, G Avellino. L'opera? È un "prodotto" moltiplicato per sei = The opera? It is a "product" multiplied by six. *Script. Scrittori e scrittura per il cinema e lo spettacolo = Script. Writers and writing for film and entertainment*. 1995;(7/8):103-110. (in Italian).
14. Castelli A. Alessandro Baricco: The Diction of Imagism. *Orbis Litterarum*. 2021. pp.229-242.
15. Lanslots I. Alessandro Baricco's infinite tales. *Spunti e Ricerche: Rivista d'Italianistica = Ideas and Research: Journal of Italian Studies*. 1999;(14):47-57
16. Scarsella A. Alessandro Baricco. Fiesole (Firenze). 2003. 138 p. (in Italian).

Информация об авторе

М. М. Расулова — докторант Самаркандского государственного института иностранных языков, преподаватель кафедры испанского и итальянского языков.

Information about the author

M. M. Rasulova — Doctoral Student of Samarkand State Institute of Foreign Languages, Lecturer at the Department of Spanish and Italian languages.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 19.06.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 19.06.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.23

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-75-83

ФЕНОМЕН АГРЕССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Геннадьевич Фомин^{1*}, Наталия Сергеевна Якимова²

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, andfomin67@mail.ru, 0000-0001-9050-3434

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, nataliyayakimova@mail.ru, 0000-0001-6241-6093

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена агрессии сквозь призму языкового сознания, срез которого представлен результатами свободного ассоциативного эксперимента с использованием слов-стимулов: «агрессия» и «конфликт». Эксперимент проводился в 2008–2009, а затем в 2020 и 2024 гг. при участии примерно одинакового количества респондентов. Анализ результатов трех экспериментов позволил выявить изменения в ассоциатах, их стереотипизации в аксиологическом компоненте. Так, в 2020 г. феномен агрессии получает более стереотипизованную (по сравнению с 2009 г.) оценку у российского студента. Анализ полученных в 2024 г. ассоциатов показывает, что степень стереотипизации реакций женщин оказывается гораздо выше, чем у мужчин, при сопоставимом количестве участников эксперимента, что подтверждает актуальность учета гендерного компонента при интерпретации результатов. Полученные в 2020 и 2024 гг. ассоциативные поля содержат большое количество единичных реакций, в частности — образов (визуальных, звуковых, интерактивных), что может быть объяснено имеющимся у современных российских студентов опытом просмотра многочисленных сцен агрессии и наблюдением за актуальной политической ситуацией в современных СМИ/телевидении, постоянный доступ к которым появился у современного общества с распространением и эволюцией сети Интернет. Однако большое количество полученных в 2020 и 2024 гг. ассоциатов может быть соотнесено с вербальной, а не физической формой манифестации агрессии, что подтверждает актуальность исследования феномена вербальной агрессии. В целом полученные реакции свидетельствуют о более важной роли человека, личности коммуниканта в ситуации агрессии/конфликта. При этом вполне допускаем, что с расширением количества и географии участников экспериментального исследования могут быть получены другие результаты.

Ключевые слова: агрессия, ассоциативный эксперимент, семантическое поле, языковое сознание, аксиологический компонент

Для цитирования: Фомин А. Г., Якимова Н. С. Феномен агрессии в языковом сознании российских студентов: опыт диахронического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 75–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-75-83.

Original Article

THE PHENOMENON OF AGGRESSION IN RUSSIAN STUDENTS' LINGUISTIC CONSCIOUSNESS: A DIACHRONIC RESEARCH

Andrey G. Fomin^{1*}, Nataliya S. Yakimova²

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, andfomin67@mail.ru, 0000-0001-9050-3434

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, nataliyayakimova@mail.ru, 0000-0001-6241-6093

Abstract. The article is devoted to the study of aggression and its linguistic manifestation. The work incorporates the data of the associative experiment using the words-stimuli: “aggression”, and “conflict”. The experiments were conducted in 2008-2009 and then in 2020 and 2024 with approximately the same number of respondents. Analysis of the results of the three experiments revealed changes in associates, their stereotyping, and axiological components. In 2020, the phenomenon of aggression received a more stereotyped assessment from Russian students, compared to 2009. The analysis of the associates obtained in 2024 shows that the degree of stereotyping of women’s reactions

was much higher than that of men's, with a comparable number of participants in the experiment, which confirms the relevance of taking into account the gender component in interpreting the results. The associations received in 2020 and 2024 comprise a large number of individual reactions, in particular, images (visual, audio, interactive), which can be explained by the modern Russian students' experience of watching numerous scenes of aggression and observing the current political situation in modern media/television, due to the spread and evolution of the Internet. However, a large number of associations received in 2020 and 2024 can be correlated with verbal, rather than physical form of manifestation of aggression, which confirms the relevance of studying the phenomenon of verbal aggression. In general, the reactions obtained indicate a more important role of the individual as a communicant in the situation of aggression/conflict. However, it is quite possible that with the expansion of the number and geography of participants in the experimental study, other results may be obtained.

Keywords: aggression, associative experiment, semantic field, mentality, axiological component

For citation: Fomin AG, Yakimova NS. The Phenomenon of Aggression in the Russian Students' Mentality: the Diachronic Research. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):75-83. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-75-83.

Введение

Феномен агрессии, по нашему мнению, привлекает внимание многих представителей фундаментальных и прикладных наук и на протяжении долгого времени является популярным объектом изучения с использованием разнообразного исследовательского инвентаря, направленного на рассмотрение многих аспектов этого явления. Исследования агрессии проводятся в различных парадигмах, сочетают множества подходов, включая междисциплинарные, что свидетельствует о многогранности феномена агрессии, который не является исключительно антропологической категорией — агрессия встречается и в животном мире. Однако человеческое проявление агрессии куда более сложное. С развитием технологий и по мере появления сложных социальных групп от городов и государств до стран и целых цивилизаций феномен агрессии даже на уровне личности также эволюционировал и изменялся. В целом агрессия может быть либо временной, спровоцированной какой-то ситуацией или действием, либо постоянной характеристикой личности или сопутствовать болезни (психическому расстройству, патологии).

Наибольшую сложность, но в то же время и интерес для исследователей представляет именно осознанная целенаправленная агрессия, которая проявляется в различных формах поведения личности, включая речевое и причины ее возникновения. Социологи видят причины агрессивного поведения индивида в окружающей его социальной среде, начиная с малых групп (семья, сверстники, школа и т. д.), заканчивая внешними факторами по мере взросления и прохождения этапов социализации (рабочий коллектив, обстановка в стране/мире, СМИ, Интернет и т. д.) [3. С. 93–125]. В психологии преобладают два основных подхода к определению агрессии: инстинктивист-

кий и бихевиористский. Этнопсихолог К. Лоренц считал агрессию природным инстинктом людей и животных, основой эволюционной борьбы за выживание [14. С. ix, 40]. В бихевиористской же теории агрессия — это форма поведения, определенного мотивом нанести иному лицу физический или психологический ущерб [2. С. 24].

Лингвистика обратила свой взор на феномен агрессии относительно недавно, однако многие научные области использовали письменную или устную речь для исследования причин агрессивного поведения. Поскольку любое явление действительности находит свое отражение в языке, становится возможным говорить о вербальной (языковой/речевой) агрессии. В современном мире при высоком развитии коммуникационных технологий, стирании физических границ и нескончаемом потоке разной информации языковая агрессия приобрела иные формы, вышла на новый уровень. Появились такие понятия, как агрессивный маркетинг, агрессивная риторика, агрессивный контент и т. д. [1, 15]. Языковая агрессия стала инструментом манипуляции в СМИ. Т. А. Воронцова определяет языковую агрессию как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое речевое поведение, в основе которого лежит одностороннее эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата» [4. С. 13].

Следует отметить, что современное общество на данном этапе своего развития представляет собой настолько сложную систему, что невозможно абсолютизировать понимание причин и природы агрессии как таковой и языковой агрессии как ее вербализированной формы.

Материалы и методы исследования

В 2008–2009 гг. нами была разработана программа комплексного экспериментального исследования вербальной агрессии. Эксперимент был

проведен с участием российских и американских студентов гуманитарных направлений подготовки в возрасте 18–25 лет; исследование проводилось на родном языке респондентов в письменной форме [13]. Возраст респондентов (18–25 лет) соответствует периоду вторичной социализации личности, без которой индивид «не совместим с системными требованиями социума, в котором существует» [6, С. 15]. Традиционно этап вторичной социализации связывают с получением образования, а также началом трудовой деятельности; при этом происходит отдаление человека от семьи и самостоятельное «встраивание» в систему общественных отношений.

Социализация, как первичная, так и вторичная, подразумевает усвоение определенной системы ценностей как формы фиксации критериев «социально признанного» (социальной группой или обществом в целом). Интерпретация индивидом явлений действительности (добро/зло, допустимое/запретное, истина/не-истина и др.) основана именно на системе ценностей¹. Система ценностей индивида также определяет его поведение в процессе взаимодействия с другими индивидами — коммуникации. Т. А. Воронцова выделяет три сферы коммуникативного пространства: речевую, когнитивную и аксиологическую, т. е. систему ценностей и оценок коммуникантов, относящихся к определенной коммуникативной ситуации [5].

Оценка феномена агрессии в аксиологической системе является неоднозначной. Например, в исследовании Р. Ратмайр утверждается, что в конкурентной борьбе на современном рынке агрессивные стратегии могут являться залогом успеха и «выживания» отдельных предприятий и их руководителей [9], что объясняется с позиций психологической теории инстинктивизма и позволяет нам говорить об инструментальном характере агрессии.

К числу важных акторов вторичной социализации традиционно относят сеть Интернет: прежде всего, как канал постоянного доступа к информационному пространству (СМИ) [6]. Однако в современном мире Интернет также является одним из важных коммуникативных пространств и в т. ч. платформой для онлайн-сервисов, содержащих агрессию в форме троллинга, флейминга и др. В отличие от реального общения, речевая агрессия и конфликтное общение в интернете часто является не инструментом для решения ком-

муникативно-прагматических задач, а стратегической целью [11]. Интернет-пространство породило новую грань в понимании речевой агрессии: ролики в жанре «трэш-ток» или «прожарки» — развлекательный контент, который основан на агрессивном речевом поведении (оскорбительные шутки и высказывания) в адрес соперника. Полагаем, что это изменило аксиологическую оценку феномена агрессии в современном обществе, прежде всего, среди молодежи как наиболее активных пользователей сети Интернет (гипотеза 1). Для подтверждения данной гипотезы в 2020 г. нами было проведено повторное экспериментальное исследование вербальной агрессии среди 118 российских студентов гуманитарных направлений.

В феврале 2022 г. началась специальная военная операция в ДНР и ЛНР, признанных российскими территориями. Данные военно-политические события отразились на всех аспектах жизни современного российского общества: новостной повестке, системе ценностей, взаимоотношениях и, безусловно, также нашли свое выражение в языке [12]. В 2024 г. был проведен еще один повторный эксперимент, в котором приняли участие 119 человек, с целью подтверждения гипотезы²: в ассоциативном поле слов-стимулов, связанных с семантическим полем *агрессия*, будут доминировать ассоциаты, мотивированные реалиями актуальной военно-политической обстановки.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной статье приводятся результаты анализа данных, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) с российскими студентами в 2009, 2020 и 2024 гг. В исследуемые ассоциативные поля (АП) вошли все ассоциаты, записанные участниками эксперимента в качестве реакции на предъявленные слова-стимулы. Ассоциаты на слова-стимулы **агрессия** и **конфликт** сравнивались по годам, а также с данными Русского ассоциативного словаря (РАС) (1994 г.) [8], с целью оценить динамику структуры АП «АГРЕССИЯ» в языковом сознании российских студентов-гуманитариев.

Количество участников экспериментов 2009, 2020 и 2024 гг. примерно сопоставимо. При количественной интерпретации полученных результатов (табл. 1) учитывалось общее количество реакций на слово-стимул n_t , количество единичных реакций n_{sg} и количество различных реакций n_{dif} . Отдельно рассчитывалась степень стереотипизации реакций $St = (1 - n_{dif}/n_t) * 100\%$: эта величина может отражать однозначность отношения к исследуемому понятию. Для оценки относительной

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765.

частотности отдельных ассоциатов *Fr* использовалась формула: $Fr = n_i/n_i * 100\%$, где n_i — количество употреблений анализируемой реакции.

Полученные в 2020 г. ассоциаты на слово-стимул **агрессия** (табл. 2) имеют гораздо более вы-

сокую степень стереотипизации, чем результаты исследования 2009 г. Наиболее частотной реакцией респондентов обеих групп является *злость* (17,9 % у мужчин, 26,5 % у женщин); в ядре АП также обнаруживаются и наименования других

Таблица 1
Table 1

Количественные характеристики АП слов-стимулов “агрессия” и “конфликт” по результатам САЭ (2009, 2020 и 2024 гг.)

год	АГРЕССИЯ						КОНФЛИКТ					
	2009		2020		2024		2009		2020		2024	
	М (n=33)	Ж (n=68)	М (n=39)	Ж (n=79)	М (n=44)	Ж (n=75)	М (n=33)	Ж (n=68)	М (n=39)	Ж (n=79)	М (n=44)	Ж (n=75)
n_i	56	117	72	128	72	170	44	80	52	109	66	138
n_{dif}	40	75	47	71	59	98	30	58	43	76	52	87
n_{sg}	32	62	36	61	48	81	26	50	37	64	43	65
$St, \%$	28,6	35,9	34,7	44,5	18,1	42,4	31,8	27,5	17,3	30,3	21,2	37,0

Таблица 2
Table 2

Реакции респондентов на слово-стимул АГРЕССИЯ

	2020 г.	2024 г.
ОТВЕТНЫЕ	злость (10); война; сила (4); доминирование; красный цвет (3); гнев; защита; злоба; конфликт; крик; несправедливость; алкоголь; атака; боль; враг; временно; высокомерие; глупость; драка; желание жести; захватническая; злой; зубы скрипят; игра; империализм; иррациональность; наказание; нападение; насилие; недопонимание; невероятный выплеск энергии на человека; ненависть; неприязнь; нервы; несостыковка; плохо; плохое поведение; подавление; политика; проблемы; реакция; солдаты; соседи по комнате; спор; срыв; страх; убийство	злость; красный (3); алкоголь; бить; боль; защитный механизм; крик; оскорбление; пассивная; раздражение; слабость (2); АУЕ культура; визг; вихрь; вооруженный; всплеск; вспыльчивость; вторжение; глупость; давление; девиантность; зубы; конфликт; кровь; Кхорн; ломание вещей; мои друзья; направленный на вред второй стороне; насилие; НАТО; нацизм; не русские; неадекватность; негативное восприятие; негативное отношение; недопустимо; неконтролируемое жестокое поведение; ненависть; не обоснованная; необходимость; неприятно; нет; неумение контролировать себя; неустойчивость; обида; обычно; ответная реакция; отчаяние; плохое настроение и состояние; признаки неустойчивого поведения; проблема; провокация; ругательства; рычание; сила; собака; страх; тюльпан; Украина и ее нация
ОТВЕТНЫЕ	злость (31); гнев; крик (5); злоба (4); красный цвет; сила; эмоции (3); драка; защитная реакция; зло; непонимание; обида; пассивная; собака; ссора; ярость (2); активная; арбуз; беззащитность; бесконтрольность; боль; бордовый; БРС; бультерьер; буря; война; волнение; всплеск эмоций; вспышка; выплеск негативных эмоций; грубость; группа; давление; желание лезть в драку; животное; защита; красно-зеленый; кровь; кулак; медлительность; молнии; навязываться на драку; нападки; насилие; неадекватность; невежливость; негативное выражение своих эмоций; негативные действия; несправедливость; неуправляемость; оскорбление; ответ на несправедливость; отец; отказ; папа; перец; повышение голоса; подавленная; преступник; признание; ругань; слабость; слово; со стороны родителей; спор; столкновение; страх; стресс; тревога; удар; университет	злость (28); красный (11); крик (7); гнев (5); драка; конфликт; собака; страх (4); насилие; ссора (3); война; животное; защита; нападение; ненависть; обида; опасность; ярость (2); активно выражается; беззащитность; бесконтрольное поведение; бессилие; бессмысленность; боль; борьба; взмахи руками; вопросы; враг; вражда; вспышки; выживание; высокомерие; газлайтинг; глупость; головная боль; громкий лай; громкий тон; грязь; детские травмы; жестокость; запугивание; заторможенность; защита своих интересов в жесткой форме; зло; импульсивность; инстинкт; колючий; красные глаза; лицемерие; лишние вопросы; мало хорошего в жизни; манипуляция; может навредить; напряжение; нарушение личных границ; нахмуренные брови; неадекватное поведение; невыраженная; негодование; недопонимание; недостаток внимания; недостаток любви; неконтролируемая; необдуманные поступки; не порядок; неприятие; нет порядка в голове, в жизни, в мыслях; неуважение; неясность; общественные места; оружие; открытая недоброежелательность; отрицание; паника; пассивная; плохая черта; плохо; плохо обращались; плохое настроение; поврежденная психика; потеря контроля; преступления; провокация; пьяный человек; разочарование; резкость телодвижений; ругань; ругательство; ругать; рукоприкладство; скандал; скрытая; слезы; токсично; угроза; чавканье; человек; эмоциональность

эмоций, которые могут катализировать агрессию: у мужчин — *гнев, злоба* (по 3,6 %), у женщин — *гнев* (4,3 %), *злоба* (3,4 %), *эмоции, обида, ярость*. Среди ответов респонденток 2020 г. второй по частотности является реакция *крик*, которую можно отнести к вербальной агрессии; с вербальной агрессией связаны и реакции женщин *ссора, грубость, отказ, повышение голоса* и др. Вторыми по частотности у опрошенных в 2020 г. студентов мужского пола являются ассоциаты *война* и *сила* (7,1 %). Реакцию *сила* можно связать с физической формой манифестации агрессии, к которой также можно отнести ассоциаты *защита, боль, нападение*. Сферу войны в АП опрошенных студентов дополняют единичные ассоциаты *атака, враг, захватническая, империализм, политика, солдаты*. В исследовании 2009 г. *война* была вторым по частотности ассоциатом у обеих групп респондентов [11], тогда как в исследовании 2020 г. в ответах женщин данная реакция не встречается.

В числе полученных в 2020 г. ассоциатов частотной является реакция *красный цвет*. В ответах студенток также имеются реакции *бордовый, красно-зеленый*; среди реакций женщин можно выделить и другие яркие визуальные образы: *вспышка, кулак, кровь, молнии*. Полагаем, что появление таких ассоциатов может объясняться наблюдением многочисленных актов агрессии в материалах телевидения и СМИ, к которым в современном российском обществе имеется практически неограниченный доступ. Среди ассоциатов у мужчин также имеется «анимированный» образ — *зубы скрипят*. Полученные реакции однозначно свидетельствуют о негативной оценке феномена агрессии в российской студенческой среде (*плохо, плохое поведение, зло, негативные действия*).

Результаты эксперимента 2024 г. показывают крайне низкую степень стереотипизации реакций опрошенных мужчин, что может свидетельствовать об отсутствии у них однозначного, консолидированного восприятия агрессии, при этом степень стереотипизации ассоциатов студенток достаточно высока. Необходимо также отметить существенно увеличившееся число предложенных ими ассоциатов, что говорит об актуальности исследуемого феномена для данной группы респондентов. Наиболее частотной реакцией по-прежнему является *злость*, хотя ее относительная частотность гораздо ниже, чем по данным эксперимента 2020 г.: 6,8 % у мужчин, 16,5 % у женщин. Среди полученных ответов также встречаются наименования других эмоций, которые могут вызывать агрессию: *раздражение, ненависть,*

обида у мужчин; *страх, гнев, ненависть, обида, ярость* у женщин. В отличие от предыдущих экспериментов, ассоциат *война* среди полученных в 2024 г. реакций отсутствует.

Примечательно, что ассоциат *красный* является вторым по частотности у женщин (6,5 %) и наиболее частотным у мужчин (6,8 %). К визуальным образам также могут быть отнесены единичные реакции *кровь, Кхорн, грязь, взмахи руками, резкость телодвижений*.

Одна из полученных реакций на слово-стимул **агрессия** — *Украина и ее нация*, находящиеся под управлением неонацистского режима. Среди реакций, свидетельствующих об отрицательном отношении к агрессии в современном обществе, наряду с встречающимися ранее единичными ассоциатами *плохо, беспорядок* и пр., можно встретить единичные *газлайтинг, токсично, манипуляция, детские травмы*, что может отражать доминирующие в языке современной молодежи англицизмы и популярные понятия. Заметим также, что кумулятивно гораздо чаще, чем в предыдущих экспериментах, встречаются ассоциаты, отсылающие к инстинктивной природе агрессии, отсутствию осознанной мотивации: *защитный механизм, ответная реакция, неконтролируемая, пассивная, непонимание, необдуманная*.

Реакции респондентов 2020 г. на слово-стимул **конфликт** (табл. 3) характеризуются гораздо меньшей степенью стереотипизации. Наиболее частотный ассоциат в обеих группах — *ссора* (7,7 % у мужчин, 7,3 % у женщин). Этот же ассоциат является наиболее частотным в реакциях опрошенных в 2024 г. студенток (8,2 %) и по данным РАС². К сфере межличностного конфликта можно также отнести, вторую по частотности в АП 2020 г. реакцию *драка*, а также, например, единичные реакции *недопонимание, противоречие, с коллективом, ссора двух плохих людей* — у мужчин, *друзья, соперничество, старшее поколение* — у женщин. Среди ассоциатов, предложенных участницами эксперимента 2024 г., частотными являются реакции *интересов, недопонимание, разногласие, диалог, молчание*, также отражающие сферу межличностного конфликта.

Примечательно, что второй по частотности в РАС ассоциат *война* практически не встречается в ответах респондентов в 2020 г. тогда как в эксперименте 2009 г. *война* была наиболее

² Русский ассоциативный словарь (электронная версия) / под ред. Ю. Н. Караулова. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 18.06.2022).

частотной реакцией у мужчин (22,7 %) и второй по частотности у женщин (5 %) [11]. Еще одно яркое отличие АП, полученных в 2020 и 2024 гг. — наличие ассоциаций, связанных с конструктивным решением конфликта: в 2020 г. у мужчин — *решение* (3,8 %), единичное — *компромисс*, у женщин — *решение проблемы* (2,8 %), *желание уладить конфликт, компромисс, конструктивный диалог, переживание* и др.); в 2024 г. у мужчин — *компромисс, решаемый* (по 4,5 %), *единичные диалог, двигатель взаимоотношений, примирение*; у женщин — *решение* (3,1 %), *обсуждение, компромисс, понимание*. При этом в 2009 г. среди «негативных»

реакций встретила лишь одна с нейтральной окраской (*лучше избегать*). В целом же конфликт получает однозначно негативную или более нейтральную оценку респондентов и воспринимается как ситуация, требующая изменения.

Для анализа степени общности АП разных групп респондентов А. А. Залевской был предложен метод сравнения наиболее частотных ассоциатов на каждый из исследуемых слов-стимулов [6]. Анализируя результаты САЭ, полученные в 2009, 2020 и 2024 гг. (табл. 4), можно увидеть, что реакции опрошенных в 2024 г. респондентов мужского пола оказываются наименее стереотипизированными, при даже несколько большим

Таблица 3
Table 3

Реакции респондентов на слово-стимул КОНФЛИКТ

	2020 г.	2024 г.
О Т В Е Т Ы М У Ж Ч И Н	ссора (4); драка (3); борьба интересов; мир; решение (2); беспокойство; битва; военные действия; война; жертвы; компромисс; личность; локальные войны между группами людей; насилие; не имеют смысла без действия; недопонимание; неприятность; неразделенные интересы; обман; обоюдный; острый; парадокс; природа современного мира; природа цивилизации; проблема; противоборство; противоречие; пустота; пустые слова; разногласие; ругань; с коллективом; спор; ссора двух плохих людей; стимул; столкновение; столкновение мнений; тревога; уступок; этнический; ярость	агрессия; война; интересов; компромисс; решаемый (3); военный; на Украине; неприятно; ссора (2); агрессивное обсуждение; Балканы; бесполезный; бытовой; в Ираке; вооруженный; вражда; двигатель взаимоотношений; движение; диалог; дипломатия; доводы; драма; житейский; истина; красный; крик; международный; мир; мнений; национальный интерес; недосказанность; неумение решать; ненависть; необходим; нерешительность; нет; неумение договариваться; оскорбление; осуждение; порядок вещей; правда; примирение; противоречие; различие взглядов; ракеты; ругань; с близкими; социальный; страх; удовлетворение собственного эго; усталость; Халхин-Гол
О Т В Е Т Ы Ж Е Н Щ И Н	ссора (8); драка; непонимание (4); агрессия; недопонимание; решение проблемы; спор; столкновение (3); война; выяснение отношений; крик; нерешенность проблемы; противоречие; противостояние; разногласия; ругань; страх; тревога (2); беспокойство; боль; внутренние противоречия; внутренний; волнение; высказывание мнений; грубость; грусть; дерево; друзья; желание уладить конфликт; желчь; запах корицы; заплаканные глаза; защита; злость; интерес; компромисс; конструктивный диалог; конфронтация; мир; молчание; на работе; напряжение; нежелание уступать друг другу; ненависть; непонятность; неприязнь; неприятность; несовпадение интересов; несоответствие принципов, суждений и т.п.; неуважение; неумение слушать; обида; обмен мнениями; общество; переживание; получение эмоций; попытка избежать; правда; предательство; разбирательства; разлад в отношениях; разное мнение; рассуждение; растерянность; расхождение; родители; рукоплескание; соперничество; старшее поколение; столкновение интересов; страны; стычка; ужас; эгоизм; этноконфессиональный; яблоко	ссора (13); интересов (6); агрессия; решение (5); недопонимание; спор (4); борьба; драка; крик; проблема; противостояние; разногласие; столкновение (3); грубость; грусть; диалог; молчание; обсуждение; соперничество; страх; угроза (2); активность; атаки; взгляды; внутренняя тишина; война; вопрос; выгорание; вырастает в проблему; головная боль; границы; два лагеря; долго; дом; жаркий спор; желание победить; злость; исход; Китай; компромисс; конкуренция; конфронтация; ложь; напряжение; не поделить; не слышат друг друга; невозможность договориться; нежелание меняться; непонимание; неприятность; несколько человек; нет взаимности; неумение сдержаться; низкие поступки; обида; обман; оскорбление; отсутствие компромиссов; отсутствие разговоров; повышенный голос; поиск; понимание; последствия; правда; предупреждение; пререкание; претензии; причина; противоречия; разговор; разность интересов; разные взгляды; разные мнения; разочарование; с самим собой; ситуация; скандал; спокойствие; срыв; США; телефон; уйти; урок; хочется избежать; эмоции; 2023

**Наиболее частотные ассоциаты на слова-стимулы “агрессия” и “конфликт”
по результатам САЭ (2009, 2020 и 2024 гг.)**

Слово-стимул	2009						2020						2024					
	м (n=33)			ж (n=68)			м (n=39)			ж (n=79)			м (n=44)			ж (n=75)		
		n	Fr, %		n	Fr, %		n	Fr, %		n	Fr, %		n	Fr, %		n	Fr, %
агрессия	злоба	8	14,3	злость	20	17,1	злость	10	13,9	злость	31	24,2	злость, красный	по 3	по 6,8	злость	28	16,5
конфликт	война	10	22,7	ссора	12	15,0	ссора	4	7,7	ссора	8	7,3	агрессия, война, интересов, компромисс, решаемый	по 3	по 4,5	ссора	13	9,4

числе участников эксперимента. **Агрессия** чаще всего ассоциируется с психологическим состоянием индивида (эмоция *злость*), а не с рациональным поведением. **Конфликт** у опрошенных в 2020 г. ассоциировался исключительно со сферой межличностных отношений (*ссора*), тогда как в ответах опрошенных в 2024 г. мужчин доминирует пять разных ассоциатов.

Заключение

Результаты проведенного в 2020 г. свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что феномен агрессии получает более стереотипизированную (по сравнению с 2009 г.) оценку у современного российского студенчества. Количественный анализ полученных в 2024 г. ассоциатов показывает, что степень стереотипизации реакций женщин оказывается гораздо выше, мужчин — гораздо ниже при сопоставимом количестве участников эксперимента, что подтверждает актуальность учета гендерного компонента при интерпретации результатов САЭ. Агрессия рассматривается преимущественно как элемент межличностных (а не межгосударственных) отношений и оценивается негативно. Ассоциативное поле слова-стимула *конфликт* гораздо менее стереотипизировано.

Полученные по результатам экспериментов 2020 и 2024 гг. ассоциативные поля содержат большое количество единичных реакций, в частности — образов (визуальных, звуковых, интерактивных), что может быть объяснено имеющимся у современных российских студентов опытом просмотра многочисленных сцен агрессии и наблюдением за актуальной политической ситуацией в современных СМИ/телевидении, постоянный доступ к которым появился у современного общества с распространением и эволюцией сети Интернет, что подтверждает исследовательскую гипотезу 1.

Однако заметим, большое количество полученных в 2020 и 2024 гг. ассоциатов может быть соотнесено с вербальной, а не физической формой манифестации агрессии, что подтверждает актуальность исследования феномена вербальной агрессии. В целом полученные реакции свидетельствуют о более важной роли человека, личности как коммуниканта в ситуации агрессии/конфликта. Таким образом, по результатам проведенного нами в 2024 г. эксперимента гипотеза 2 не нашла своего подтверждения. При этом вполне допустимо, что с расширением количества и географии участников экспериментального исследования могут быть получены другие результаты.

Список источников

1. Бакеева Д. А. Агрессия и ее медиавоздействие на аудиторию эфирного телевидения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 144–156.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2002. 512 с.
3. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2001. 352 с.
4. Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 1. С. 11–17.
5. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Челябинск, 2006. 40 с.

6. Залевская А. А. Межъязыковое сопоставление в психолингвистике. Калинин, 1979. 84 с.
7. Захаркин Р. А. Вторичная социализация и коммуникационные процессы в современном обществе. Владивосток, 2020. 100 с.
8. Григорьева Т. В., Зайцева М. В. Лексикографические данные ассоциативных словарей как отражение ценностных приоритетов носителей языка // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 265–267.
9. Ратмайр Р. «Пробивные» стратегии на деловых переговорах как пример завуалированной агрессивности // Агрессия в языке и речи. М., 2004. С. 53–66.
10. Фетисова Т. А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологии. 2018. № 4 (87). С. 185–197.
11. Фомин А. Г., Якимова Н. С. Репрезентация феноменов «агрессия» и «конфликт» в языковом сознании россиян и американцев // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 206–211.
12. Чудинов, А. П., Сегал Н. А., Мищенко А. Н. Графодеривация как основа моделирования актуального медиадискурса (на материале текстов февраля–марта 2022 г.) // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 95–100.
13. Якимова Н. С. Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: дис. ... канд. филол. н. Кемерово, 2012. 252 с.
14. Lorenz K. On Aggression. London, New York: Routledge, 2002. 306 p.
15. Wang Yupeng. The Impact of Violent Social Media Content on Human Behaviour. Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. 42(1):152–158.

References

1. Bakeeva DA. Aggression and media effects on air television audiences. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2018;4(30):144-156. (In Russ.).
2. Berkowitz L. Agressija: prichiny, posledstviya i kontrol' = Aggression: causes, consequences, and control. St. Petersburg; 2002. 512 p. (In Russ.).
3. Baron R, Richardson D. Agressija = Human aggression. St. Petersburg; 2001. 352 p. (In Russ.).
4. Vorontsova TA. Communicative space in the linguopragmatic paradigm. *Vestnik Udmutskogo universiteta*. 2009;(1):11-17. (In Russ.).
5. Vorontsova TA. Rechevaja agressija: kommunikativno-diskursivnyj podhod = Speech aggression: communicative and discursive approach. Abstract of PhD thesis (in Philology). Chelyabinsk; 2006. 40 p. (In Russ.).
6. Zalevskaja AA. Mezhhazykovoje sopostavlenie v psiholongvistike = Interlinguistic comparisons in psycholinguistics. Kalinin, 1979. 84 p. (In Russ.).
7. Zakharkin RA. Vtorichnaja sotsializatsija i kommunikativnye protsessy v sovremennom obshchestve = Secondary socialization and communication processes in modern society. Vladivostok; 2020. 100 p. (In Russ.).
8. Grigorieva TV, Zaitseva MV. Lexicographic data of associative dictionaries as a reflection of the value priorities of native speakers. In: Axiological aspects of modern philological research. Yekaterinburg. 2019; p. 265-267. (In Russ.).
9. Rathmayr R. «Punchy» strategies in business negotiations as an example of veiled aggressiveness. In: Aggression in language and speech. Moscow. 2004; p. 53-66. (In Russ.).
10. Fetisova TA. Aggressive behavior in Internet communication. Review. *Vestnik kulturologii*. 2018;(4):185-197. (In Russ.).
11. Fomin AG, Yakimova NS. Representation of the phenomena «aggression» and «conflict» in the linguistic consciousness of Russians and Americans. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012;(1):206-211. (In Russ.).
12. Chudinov AP, Segal NA, Mishchenko AN. Graphic Derivation as a Basis for Modeling the Current Media Discourse (Based on the Texts of February–March 2022). *Political Linguistics*. 2022;4(94):95-100. (In Russ.).
13. Yakimova NS. Sredstva vyrazheniya verbalnoj agressii v kontekste eksperimentalnogo issledovanija lingvokultur = Means of expressing verbal aggression in the context of experimental study of linguistic cultures. Abstract of PhD thesis (in Philology). Kemerovo; 2012. 252 p. (In Russ.).
14. Lorenz K. On Aggression. London, New York: Routledge, 2002. 306 p.
15. Wang Yupeng. The Impact of Violent Social Media Content on Human Behaviour. Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. 42(1):152-158.

Информация об авторах

А. Г. Фомин — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и лингвистики.

Н. С. Якимова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации.

Information about the authors

A. G. Fomin — Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Translation Studies and Linguistics.

N. S. Yakimova — Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages in Professional Communication.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 01.06.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-84-90

ОТРАЖЕНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА

Андрей Александрович Яковлев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
Санкт-Петербург, Россия. mr.koloboque@gmail.com, 0000-0003-1491-0577

Аннотация. Для многих исследований языкового сознания студента характерна общая психолингвистическая методология, позволяющая выявлять особенности ментального лексикона. Нет необходимости в таких исследованиях использовать какое-то другое понятие, кроме понятия «ментальный лексикон». Однако среди психолингвистических исследований языкового сознания студента имеются такие, в которых слова-стимулы подобраны с учётом того факта, что участники эксперимента — студенты. Полученный в этих исследованиях материал обрабатывается особыми методами, чтобы показать влияние на ментальный лексикон студента со стороны учебной деятельности. Именно в таких исследованиях понятие «языковое сознание» наиболее целесообразно. Исследования языкового сознания отличаются от исследований ментального лексикона тем, что в первых выявляется одновременное влияние на значения слов со стороны внешних (деятельность) и внутренних (личность) факторов. При этом ему нужно давать следующее определение: **языковое сознание** — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом речевой опыт некоторой социально-культурной группы изменяется под одновременным влиянием регулярно осуществляемой деятельности и её личностного переживания. На основе этих методологических принципов автором статьи был проведён ассоциативный эксперимент, в котором в качестве стимулов были использованы НАУКА, СЕССИЯ, УЧЁБА, УНИВЕРСИТЕТ, СТУДЕНТ, СТИПЕНДИЯ, ЛЕКЦИЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ЭКЗАМЕН. Полученный эмпирический материал подвергался кластерному анализу, который позволяет выявить эмоционально-личностное переживание называемых изученными словами явлений. Общий вывод исследования состоит в следующем. В языковом сознании студента отражаются не просто образы предметов и явлений учебной среды, но их образы, преломлённые через личностный опыт переживания учебной деятельности, в которую данные явления постоянно вовлечены.

Ключевые слова: языковое сознание, ментальный лексикон, языковое сознание студента, методология психолингвистики, терминология психолингвистики

Для цитирования: Яковлев А. А. Отражение учебной деятельности в языковом сознании студента // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 84–90. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-84-90.

Original article

STUDYING ACTIVITY IN THE STUDENT'S LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Andrey A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia,
mr.koloboque@gmail.com, 0000-0003-1491-0577

Abstract. Many studies of the student's language consciousness are characterized by a common psycholinguistic methodology that allows identifying the features of the mental lexicon. There is no need to use any other concept in such studies except the concept of «mental lexicon». However, among the psycholinguistic studies of student's language consciousness, there are those in which the stimuli are selected taking into account the fact that the participants in the experiment are students. The material obtained in these studies is processed using special methods to show the influence of educational activities on the student's mental lexicon. It is in such studies that the concept of «language consciousness» is most appropriate. Studies of the language consciousness differ from studies of mental lexicon in that the former reveal the simultaneous influence of external (activity) and internal (personality) factors

on the meanings of words. In this case, it is necessary to give the following definition: **language consciousness** is a psycholinguistic concept that shows how the speech experience of a certain socio-cultural group changes under the simultaneous influence of regularly performed activities and its personal experience. Based on these methodological principles, an associative experiment was conducted, in which SCIENCE, SESSION, STUDY, UNIVERSITY, STUDENT, SCHOLARSHIP, LECTURE, TEACHER, EXAM were used as stimuli. The obtained empirical material was subjected to cluster analysis, which allows us to identify the emotional and personal experience of the phenomena named by the studied words. The general conclusion of the study is as follows. The student's language consciousness reflects not just images of objects and phenomena of the educational environment, but their images refracted through the personal experience of experiencing educational activities in which these phenomena are constantly involved.

Keywords: language consciousness, mental lexicon, student's language consciousness, psycholinguistics methodology, psycholinguistics terminology

For citation: Yakovlev AA. Studying Activity in the Student's Language Consciousness. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):84-90. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-84-90.

Постановка вопроса

Если проанализировать ряд публикаций, посвящённых языковому сознанию студента, в глаза бросается единство их методологии. См., например: [1; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 14; 15]. Их основной метод — свободный ассоциативный эксперимент, который широко используется в разнообразных психолингвистических исследованиях. Однако используемые в названных работах слова-стимулы и методы обработки полученного материала делают бессмысленным проведение этих исследований именно среди студентов: вполне подошла бы и любая другая социально-культурная группа. А полученные выводы относятся к общим закономерностям функционирования ментального лексикона, никак не испытывающим на себе влияние учёбы в университете. В таких исследованиях понятие «языковое сознание» (далее — ЯС) нецелесообразно, поскольку вполне подходит традиционное понятие «ментальный лексикон» (далее — МЛ).

Однако среди подобных публикаций имеются и такие, которые описывают существенно отличающиеся по методологии исследования. См., например: [2; 4; 10; 16]. Слова-стимулы в этих исследованиях подобраны с учётом того факта, что участники эксперимента — студенты. Стимулы отражают те или иные явления, компоненты, предметы и т. п. учебной среды и учебной деятельности в университете. Кроме того, эти исследования базируются на характерной методологии: полученные реакции распределяются на семантические кластеры, которые отражают явления, компоненты, предметы и т. п. учебной среды и учебной деятельности в университете. Два этих обстоятельства существенно отличают такие исследования от исследований МЛ и делают целесообразным использование другого понятия в качестве ключевого — понятия ЯС.

Исследования второго типа показывают, что значения некоторых слов не напрямую обусловлены этносом и культурой, а опосредованы той деятельностью, включая профессиональную, которую регулярно выполняют и переживают как значимую для себя представители некоторой социальной группы (в частности, студенты). Понятие ЯС фиксирует особые свойства МЛ, особые связи в МЛ, а именно такие, которые обусловлены личностным переживанием регулярно осуществляемой деятельности.

Чтобы зафиксировать специфику МЛ некоторой социально-культурной группы, понятию ЯС необходимо дать следующее определение: **языковое сознание** — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом речевой опыт некоторой социально-культурной группы изменяется под одновременным влиянием регулярно осуществляемой деятельности и её личностного переживания. Именно такое содержание ЯС как теоретического понятия лежит в основе описываемого ниже исследования.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить особенности ЯС студента, т. е. такие особенности его МЛ, которые обусловлены его учебной деятельностью и её личностным переживанием.

Методология исследования языкового сознания студента

Выше было указано, что исследование ЯС должно отличаться от исследования МЛ по подбору инструментов исследования (ими в ассоциативном эксперименте являются слова-стимулы) и по методу анализа полученных эмпирических данных.

На основе этих методологических принципов нами был проведён ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 204 испытуемых — студентов разных курсов разных направлений, а в качестве стимулов были даны 18 слов, среди которых были представлены наименования

различных явлений учебного процесса: НАУКА, СЕССИЯ, УЧЁБА, УНИВЕРСИТЕТ, СТУДЕНТ, СТИПЕНДИЯ, ЛЕКЦИЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ЭКЗАМЕН.

Полученные ассоциативные поля анализировались не так, как это принято в традиционных ассоциативных экспериментах — от наиболее частотных реакций к наименее частотным. Все реакции вне зависимости от их частотности, распределялись по семантическим кластерам, и в дальнейшем сопоставлению подвергались уже кластеры, а не отдельные реакции.

Чтобы пояснить метод анализа полученного эмпирического материала, рассмотрим подробнее реакции на стимул СТУДЕНТ. Если анализировать полученное ассоциативное поле с позиций основных особенностей МЛ, в нём не выявляется чего-то экстраординарного. Так, наиболее частотными являются следующие реакции: — (17); я (16); ученик (13); бедный (7); человек (7); университет (5); сессия (5); умны (3); учёба (3); бакалавр (3); преподаватель (3); голодный (3); знания (3); отличник (3). Единичные реакции тоже весьма тривиальны: *медик; филолог; студентка; студенческий билет; заочник; кофе; остановка; учиться; в процессе; взрослеть; сон; практика; студень; гулянки; усталость* и др.

Однако если взглянуть на полученное ассоциативное поле в целом и выявить в нём реакции, связанные с элементами регулярной деятельности и их личностным переживанием, вне зависимости от частотности реакций, то картина существенно изменится. Реакции, явно связанные с местом и условиями осуществления деятельности таковы: *университет (5); сессия (5); учёба (3); институт*. Всего их 14. Реакции, связанные с инструментами, орудиями и способами деятельности: *зачётка (2); рюкзак (2); студенческий билет; студенческий; курсовая; учиться; учится; стипендия; диплом*. Всего 11. Реакции, связанные с эмоционально-личностной оценкой и переживанием регулярной деятельности и её компонентов: *бедный (7); умный (3); голодный (3); отличник (3); худой (2); лох (2); голод (2); отличный (2); раб (2); недосып (2); молодец (2); прогульщик; мясо; рас***дй; бедняжка; бич; плохой; дурак; даун; страдает; балбес; нищий; ответственный; вечно сонный; смелый; весёлый; олень; вертихвост; бедняга; зомби; живой; нищета*. Всего таких реакций 51, что сопоставимо с ядром ассоциативного поля. В этот кластер реакций можно с определёнными оговорками добавить реакции типа *лис, мертвец, умер, смерть, доширак*, кото-

рые, вполне вероятно, тоже выражают известную оценку студента. Такой взгляд на полученное ассоциативное поле приводит к выводу: в ЯС студента слово СТУДЕНТ связано со словами, выражающими эмоционально-личностную оценку студента как бедного, голодного и неуспешного.

Другой показательный пример, выявляющий те же тенденции, — стимул ЛЕКЦИЯ. При взгляде на его ассоциативное поле с позиций регулярной деятельности и эмоционально-личностного переживания выявляются иные особенности, нежели при взгляде с позиций общих свойств МЛ. Так, в ассоциативном поле выделяется явный кластер реакций (всего 17), связанных с субъектами учебной деятельности: *преподаватель (7); лектор (3); препод (2); Гергилёв; учёный* и т.д. Реакции, связанные с инструментами, орудиями и способами деятельности: *сон (11); слушать (8); тетрадь (7); сидеть; спать; доклад; учебник; быстро писать; кушать* и др. Всего таковых 39. Реакции, связанные с эмоционально-личностной оценкой и переживанием регулярной деятельности и её компонентов: *скучно (10); скука (10); интересно (5); скучная (4); нудно (4); интересная (3); люблю (2); ужас; тоска; усталость; можно выдохнуть; бесполезна; отдых; тягомотина; ослабление* и др. Всего таковых 49.

Следовательно, для студента лекция — это не часть учебного процесса, не форма организации учебной деятельности, не устное изложение учебного предмета, но набор некоторых действий, далеко не всегда связанных с учёбой и переживаемых далеко не положительно. В ЯС студента слово ЛЕКЦИЯ связано со словами, выражающими оценку этого явления учебной среды как скучного и не всегда полезного, но которое даёт возможность отдохнуть от учёбы. Именно такой опыт, судя по ассоциациям, связан со значением данного слова.

Если обобщить полученные в описываемом ассоциативном эксперименте данные, их можно представить в виде табл. 1.

Из таблицы видно, что полученные реакции неравномерно распределены по четырём выделенным в ассоциативных полях семантическим кластерам. При этом в ассоциативных полях слов СТИПЕНДИЯ и ЛЕКЦИЯ намного больше сходств в сравнении с ассоциативными полями слов УНИВЕРСИТЕТ и УЧЁБА. Анализ «качества» этих полей (в частности, того, какие именно эмоции и оценки в них выражены) усиливает это сходство. Можно сделать вывод, что в значениях всех данных слов по-разному проявляется

Таблица 1

Реакции на наименования явлений учебной среды

	Субъект	Место и условия	Эмоции и оценка	Инструменты, орудия, действия
Наука	23	9	16	30
Сессия	3	4	87	32
Учёба	4	23	32	35
Университет	7	15	10	20
Студент	–	14	51	11
Стипендия	3	9	46	7
Лекция	17	6	49	39
Преподаватель	–	4	47	9
Экзамен	1	1	71	21

одна и та же тенденция ЯС студента: эти слова переживаются студентами не в их связи с конкретными занятиями или действиями, но в связи с эмоциями, оценками, субъективными характеристиками и т. п. Следовательно, такой подход к эмпирии позволяет увидеть те сходства и различия значений разных слов, которые не видны при «традиционном» подходе в рамках изучения общих особенностей МЛ представителей той или иной лингвокультуры.

Во всех случаях видно, что существенное место в ассоциативных полях занимают реакции эмоционально-личностной оценки, которая почти никогда не бывает положительной. Например: НАУКА — *скука* (4); *сложно* (3); *круто* (2); *страдания*; *необъяснима*; *морока*; *интересно* и др., УЧЁБА — *боль* (9); *сложно* (2); *усталость*; *мучёба*; *достала*; *успех*; *тлен*; *интерес*; *безысходность* и др. СТИПЕНДИЯ — *ура!!!*; *радость*; *счастье*; *гроши*; *насмешка* и др.

Стоит отметить, что факт эмоциональной окрашенности многих реакций в ассоциативном эксперименте общеизвестен, однако для нашего исследования важно не просто наличие некоторой эмоции, а сходство выражаемых эмоций в полученных ассоциативных полях. Учёт таких эмоционально-личностных тенденций отличает исследование ЯС от исследования МЛ.

Несмотря на уникальность значения каждого слова, совокупности слов, объединённых по некоторому семантическому признаку, имеют схожие свойства, которые обусловлены регулярной деятельностью и её эмоционально-личностным переживанием. Следовательно, в ЯС отражаются не просто образы предметов и явлений окружающей действительности, но их образы, прелом-

лённые через личностный опыт переживания той деятельности, в которую данные явления постоянно вовлечены.

Выводы

Исследования ЯС отличаются от исследований МЛ тем, что в первых выявляется одновременное влияние на значения слов со стороны внешних (деятельность) и внутренних (личность) факторов. С точки зрения процедуры исследования и методологии анализа полученных результатов это означает следующее. Для выявления действия внешних факторов особым образом подбираются инструменты исследования (например, стимульный материал), которые соответствуют регулярной деятельности изучаемой группы людей. Для выявления действия внутренних факторов полученный с помощью данных инструментов эмпирический материал подвергается такому кластерному анализу, который позволяет выявить в нём эмоционально-личностное переживание (отсутствие такового в эмпирическом материале тоже является положительным результатом исследования).

Закономерное влияние регулярной деятельности и личности на разнообразные связи слов может проявляться в целом комплексе ассоциативных полей.

Выявление такого влияния (его качества и вообще наличия) — это и есть общая задача теории ЯС студента. Двойное влияние (со стороны деятельности и личности) на ментальный лексикон студента должно выражаться в виде явной и устойчивой тенденции, что подразумевает 1) выбор языковых знаков, связанных с регулярной деятельностью изучаемой социально-культурной группы; 2) особый метод обработки

эмпирии, объясняющий выявленные тенденции с позиций одновременного влияния регулярной деятельности и её личностного переживания (в случае ассоциативного эксперимента это объединение всех полученных реакций в семантико-тематические кластеры). При этих методологических прин-

ципах исследования ЯС студента будут отвечать на два вопроса: 1) испытывают ли изучаемые языковые знаки влияние со стороны учебной деятельности студента и его переживания этой деятельности и самого себя, 2) если такое влияние имеет место, то каков его характер и «интенсивность».

Список источников

1. Гришенина Ю. А. Проявление национальных особенностей языкового сознания российских, индийских и африканских студентов в психологических компонентах их речевых действий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 88. С. 71–77.
2. Кафтанов Р. А. Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 154–165.
3. Кацман Е. М. Норма и узус в языковом сознании студентов-нефилологов // Язык и культура. Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 146–150.
4. Костюшкина Г. М., Павленок Д. В. Когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5–2 (83). С. 342–346.
5. Никаева Т. М., Сизых А. А. Система ассоциаций «закон» и «преступление» в языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 234–237.
6. Палкин А. Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 71–83.
7. Полянская А. Г. Образ человека в языковом сознании крымских студентов // Новые горизонты русистики. 2020. № 9. С. 126–132.
8. Разумкова А. В. Образ «коми» в языковом сознании школьников и студентов республики Коми (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Общие и частные вопросы языкознания. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Чувашск. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева / отв. ред.: Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. 2016. С. 113–119.
9. Редькина О. В. Устаревшая лексика русского языка в языковом сознании студентов нефилологического профиля обучения // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку. Сборник материалов Межрегиональной конференции / отв. ред. О. А. Скрыбина. 2015. С. 187–189.
10. Селютин А. А., Селютин Е. А. Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Серия: Филологические науки. 2020. № 12. С. 125–130.
11. Сорокина Е. И. Языковое сознание студентов в условиях учебной поликультурной мультилингвальной среды // Язык и культура: Сборник статей XXV Международной научной конференции, посвящённой Году культуры в России / отв. ред. С. К. Гураль; Нац. исследов. Томск. гос. ун-т. 2015. С. 226–231.
12. Стебунова А. Н. Концепт «мир» в языковом сознании донецких студентов // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IV Международной научной конференции / под общ. ред. С. В. Беспаловой. 2019. С. 83–85.
13. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 84–97.
14. Тяньдэ Х. Экспериментальное исследование образа «他人的/чужой» в языковом сознании китайских студентов // Человек. 2016. № 3. С. 156–163.
15. Хохлова И. С., Павлова И. А. Патриотизм в языковом сознании французов и русских // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 682–684.
16. Шаманова М. В., Виноградова М. В. Особенности восприятия лексем семантической группы «внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы сердце) // Социальные и гуманитарные знания. 2020, (2 (22)). С. 186–195.

References

1. GrisheninaYuA. Manifestation of national features of the linguistic consciousness of Russian, Indian and African students in the psychological components of their speech acts = Projavlenie nacional'nyh osobennostej jazykovogo soznaniya rossijskih, indijskih i afrikanskih studentov v psihologicheskikh komponentah ih rechevyh dejstvij. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. AI Gercena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University. AI Herzen*. 2008;(88):71-77. (in Russ.).
2. Kaftanov RA. Vojna v russskom jazykovom soznanii studentov i kursantov (psiholingvisticheskiy aspekt) = War in the Russian linguistic consciousness of students and cadets (psycholinguistic aspect). *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija = Bulletin of NGU. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2020;(3):154-165. (in Russ.).
3. Katsman EM. Norma i uzus v jazykovom soznanii studentov-nefilologov = Norm and usage in the linguistic consciousness of non-philology students. *Jazyk i kul'tura. Sbornik materialov XXVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Language and culture. Collection of materials of the XXVIII International Scientific and Practical Conference*. 2017. Pp. 146-150. (in Russ.).
4. Kostyushkina GM, Pavlenok DV. Kognitivnyj mehanizm formirovaniya obraza prepodavatelja v nacional'nom soznanii studentov = Cognitive mechanism of forming the image of a teacher in the national consciousness of students. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018;(5-2(83)):342-346. (in Russ.).
5. Nikaeva TM, Sizykh AA. Sistema asociacij «zakon» i «prestuplenie» v jazykovom soznanii studentov = The system of associations “law” and “crime” in the linguistic consciousness of students. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2020;(6):234-237. (in Russ.).
6. Palkin AD. Obraz materi v jazykovoj kartine mira russkih i japoncev The image of mother in the linguistic picture of the world of Russians and Japanese. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija = Bulletin of NGU. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2020;(1):71-83. (in Russ.).
7. Polyanskaya AG. Obraz cheloveka v jazykovom soznanii krymskih studentov = The image of a person in the linguistic consciousness of Crimean students. *Novye gorizonty rusistiki = New horizons of Russian studies*. 2020;(9):126-132. (in Russ.).
8. Razumkova AV. Obraz «komi» v jazykovom soznanii shkol'nikov i studentov respubliki Komi (po materialam svobodnogo asociativnogo jeksperimenta) = The Image of «Komi» in the Linguistic Consciousness of Schoolchildren and Students of the Komi Republic (Based on the Materials of a Free Associative Experiment). *Obshhie i chastnye voprosy jazykoznanija. = General and particular questions of linguistics. Collection of scientific articles based on materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Chuvashsk. state ped. Univ. named after I Yakovlev. eds. NV Kormilina, NYu Shugaev*. 2016. Pp. 113-119. (in Russ.).
9. Redkina OV. Ustarevshaja leksika russkogo jazyka v jazykovom soznanii studentov nefilologicheskogo profilja obuchenija = Outdated Vocabulary of the Russian Language in the Linguistic Consciousness of Students of Non-Philological Profiles of Study. *Aktual'nye voprosy obuchenija russskomu (rodnomu) jazyku = Topical issues of teaching Russian (native) language. Collection of materials of the Interregional Conference/ed. OA. Scriabina*. 2015. Pp. 187-189. (in Russ.).
10. Selyutin AA, Selyutina EA. Osobennosti jazykovogo soznaniya studentov vuza = Features of the linguistic consciousness of university students. *Vestnik Cheljabinsk. gos. un-ta. Serija: Filologicheskie nauki = Bulletin of Chelyabinsk State University, Series: Philological Sciences*. 2020;(12):125-130. (in Russ.).
11. Sorokina EI. Jazykovoje soznanie studentov v uslovijah uchebnoj polikul'turnoj mul'tilingval'noj sredy = Linguistic consciousness of students in the context of an educational multicultural multilingual environment. *Jazyk i kul'tura = Language and culture. Collection of articles of the XXV International Scientific Conference dedicated to the Year of Culture in Russia / ed. S.K. Gural; Tomsk National Research State University*. 2015. Pp. 226-231. (in Russ.).
12. Stebunova AN. The Concept «peace» in the Linguistic Consciousness of Donetsk Students = Koncept «mir» v jazykovom soznanii doneckih studentov. *Doneckie chtenija 2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti = Donetsk readings 2019: education, science, innovations, culture and challenges of our time*. Ed. SV Bepalova. 2019. Pp. 83-85. (in Russ.).
13. Tylets VG, Krasnyanskaya TM. Psiholingvisticheskoe issledovanie konceptov «opasnost'» i «bezopasnost'» v jazykovom soznanii studentov = Psycholinguistic Study of the Concepts of «Danger» and «Safety»

in the Linguistic Consciousness of Students. *Voprosy psiholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2020;(1(43):84-97. (in Russ.).

14. Tjan'dje H. Jeksperimental'noe issledovanie obraza «他人的/chuzhoj» v jazykovom soznanii kitajskih studentov = Experimental Study of the Image of «他人的/Alien» in the Linguistic Consciousness of Chinese Students. *Chelovek = Human*. 2016;(3):156-163. (in Russ.).

15. Hohlova IS, Pavlova IA. Patriotizm v jazykovom soznanii francuzov i russkih = Patriotism in the linguistic consciousness of the French and Russians. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*. 2020;(6(85):682-684. (in Russ.).

16. Shamanova MV, Vinogradova MV. Osobennosti vosprijatija leksem semanticheskoy gruppy «vnutrennie organy cheloveka» obydnym i professional'nym jazykovym soznaniem (na materiale leksemy serdce) = Features of perception of lexemes of the semantic group “human internal organs” by everyday and professional linguistic consciousness (based on the lexeme heart). *Social'nye i gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2020;(2(22):186-195. (in Russ.).

Информация об авторе

А. А. Яковлев — кандидат филологических наук.

Information about the author

A. A. Yakovlev — Candidate of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 05.12.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛИНГВОПРАГМАТИКА, ТЕОРИЯ ТЕКСТА

LINGUOPRAGMATICS, TEXT THEORY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 91–100.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496)):91-100.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-91-100

ОПЕРАТОРЫ ВВОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Цяо Ван¹, Анастасия Викторовна Уржа^{2*}

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, qiaoqiao1990511@163.com, 0009-0002-1917-8063

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, English2@yandex.ru, 0000-0001-9506-977X, ScopusID: 57191107883

Аннотация. Лексические средства, вводящие прямую речь в текстах и сопряженные с формированием ключевых образов, поэтики произведения, идиостиля автора, продолжают привлекать внимание ученых. Однако в последнее время, с развитием когнитивных, функциональных и корпусных исследований, на первый план вышли новые аспекты изучения операторов ввода прямой речи, связанные с частотным и сопоставительным анализом. Актуальность темы обусловлена обращением к прагматическим эффектам использования лексем с различной семантикой при введении прямой речи в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» с учетом их сравнительной частотности. Цель статьи — представить результаты комплексного анализа глаголов и сочетаний, вводящих речь в романе «Преступление и наказание», дать их семантическую, стилистическую, частотную характеристику. Новизна работы состоит в применении актуализированных представлений о таксономии средств, вводящих прямую речь, в комбинировании лингвостилистического и количественного методов их изучения. Гипотеза предполагает выявление специфического репертуара лексем с эмотивной семантикой и разнообразной стилистической окраской, вводящих прямую речь в романе. Результатами исследования стали: выделение и описание семантических групп глаголов и сочетаний, вводящих речь, их стилистической характеристики и прагматики. Было установлено, что одними из самых распространенных в данной позиции являются слова *крикнуть/кричать*. Глаголы, обозначающие негативные эмоции, преобладают, активно вводят речь кинемы. Широко используются глаголы, демонстрирующие коммуникативные намерения говорящих, такие как *доказывать, упрашивать, настаивать*. Установлена частотность использования лексем для ввода прямой речи каждого из главных и второстепенных героев романа. Результаты работы позволят проводить дальнейший сопоставительный анализ произведения с текстами Ф. М. Достоевского и других авторов, а также с переводами романа «Преступление и наказание» на китайский язык.

Ключевые слова: прямая речь, глагол, эмотивность, семантика, стиль, прагматика, Достоевский

Финансирование. А. В. Уржа выполнила исследование за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

Для цитирования: Ван Цяо, Уржа А. В. Операторы ввода прямой речи в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: особенности семантики и прагматики // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 91–100. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-91-100.

Original article

DIRECT SPEECH INTRODUCERS IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL CRIME AND PUNISHMENT: SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES Qiao Wang¹, Anastasia V. Urzha^{2*}¹M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, qiaoqiao1990511@163.com, 0009-0002-1917-8063²M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, English2@yandex.ru, 0000-0001-9506-977X,

ScopusID: 57191107883

Abstract. Lexical means that introduce direct speech in texts and form the key images, the poetics of the work, and the author's style continue to attract the attention of scholars. However, recently, with the development of cognitive, functional and corpus studies, new aspects of the study of direct speech introducers related to frequency have come to the fore. The relevance of the research is connected to the pragmatic effects of using lexemes introducing direct speech in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment", taking into account their comparative frequency. The aim of the article is to present the results of a comprehensive analysis of verbs and combinations introducing speech in the aforementioned novel, to give their semantic, stylistic, and frequency characteristics. The novelty of the work lies in the application of actualized taxonomy of linguistic means introducing direct speech, in the combination of linguistic and quantitative methods of their study. Our hypothesis concerns a specific repertoire of lexemes with emotive semantics and a variety of stylistic coloring, introducing direct speech in the novel "Crime and Punishment". The results of the study were identification and description of semantic groups of verbs and combinations introducing speech in the novel, their pragmatics and style. It was found that one of the most common in this position are words with the seme 'scream'. Verbs denoting negative emotions are predominant, actively introducing speech kinemas. Verbs demonstrating communicative intentions of speakers, such as *prove*, *beg*, *insist*, are widely used. The frequency of lexemes introducing direct speech of the main and minor characters in the novel have been studied. The results of the study will allow further comparative analysis of texts by F. M. Dostoevsky and other authors, as well as translations of the novel "Crime and Punishment" into Chinese.

Keywords: direct speech, verb, emotive, pragmatics, semantics, style, Dostoevsky

Funding: AV Urzha conducted the research with the financial support by grant of Russian Science Foundation (RSF) <https://rscf.ru/en/project/23-18-00260/>.

For citation: Wang Qiao, Urzha AV. Direct Speech Introducers in Fyodor Dostoevsky's Novel Crime and Punishment: Semantic and Pragmatic Features. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):91-100. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-91-100.

Введение

Прямая речь, разнообразие проявлений которой в художественной литературе увеличилось за последние несколько десятилетий, наполняет произведения, представая не только в виде реплик или записок, но и в форме смс-сообщений, фрагментов блогов и чатов. Многочисленные лексические средства, вводящие прямую речь и участвующие в формировании образов персонажей, поэтики произведения, идиостиля автора, продолжают привлекать внимание ученых [1; 8; 10; 18]. Однако с развитием когнитивных, функциональных и корпусных исследований, на первый план вышли новые аспекты изучения операторов ввода прямой речи, связанные с частотным и сопоставительным анализом [5; 6; 14; 15; 16]. В фокус изучения в данной статье помещен **актуальный** вопрос о прагматических эффектах использования лексем с различной семантикой при введении прямой речи в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» с учетом их

сравнительной частотности. Разностороннее исследование этого вопроса поможет в будущем обратиться к особенностям трансляции операторов ввода прямой речи и воссоздания образов говорящих героев в переводах романа на китайский язык. Известно, что в русской повествовательной традиции варьирование глаголов речи широко распространено. Зачастую «указание на речевое действие заменяется на обозначение собственно эмоции героя, при этом дополнительные семы, характеризующие каждый из выбранных глаголов, взяты из контекста, обусловлены содержанием произнесенных и/или услышанных персонажем реплик» [15, с. 119].

Однако манеры писателей различаются, и существует возможность подкрепить их описание результатами количественного анализа. **Цель статьи** — представить семантические, стилистические, частотные характеристики глаголов и сочетаний, вводящих прямую речь в романе «Преступление и наказание»,

выявить их роль в создании образов героев произведения. **Новизна** научной работы состоит в актуализации прагматического подхода к исследованию операторов ввода прямой речи, а также в комбинировании лингвостилистического и количественного методов их изучения. **Гипотеза** предполагает выявление в романе Ф. М. Достоевского специфического набора лексем с эмотивной семантикой и разнообразной стилистической окраской, конструирующих обрамление реплик и внутренних монологов в романе «Преступление и наказание».

Прямая речь является наиболее распространенным способом передачи чужой речи, ее характеристиками можно считать «точность», «буквальность», «подлинность», она дает возможность услышать «живой голос» героя, почувствовать его характер, понять его личность [1, с. 363]. Г. М. Чумаков пишет о том, что в конструкции с прямой речью высказывание другого передается с соблюдением модального плана, актуального плана и плана структурного [17, с. 13]. Прямая речь в художественном тексте может передавать не только звучащую речь персонажей, но и их мысли. Такую прямую речь можно назвать внутренней прямой речью. Внутренняя речь используется в художественном произведении прежде всего для психологического анализа внутреннего мира персонажа [2, с. 179].

В грамматическом плане средства, вводящие прямую речь в русских текстах, представляют собой глаголы, глагольные сочетания с неизосемическими существительными (описательные предикаты) типа *произнес речь, издал возглас, пришел к выводу*, а также идиомы, например, *разливался соловьем*. Научная история вопроса о классификации таких средств сформирована двумя направлениями, а именно: трудами о таксономии глаголов речи, формирующих большинство подобных контекстов в литературе, а также работами о разнообразных других средствах, способных вводить прямую речь: о глаголах мысли, памяти и восприятия [8, с. 18; 2; 4], о средствах обозначения и выражения эмоциональных состояний [1; 10], о кинемах (номинациях эмоциональных жестов и мимических движений) [8; 15], об обозначениях иллокуций [1; 8; 16]. Особого внимания заслуживают специфические биграммы: комитативные синтаксемы с существительными (*с жаром, в гневе*), наречия и деепричастия, сопровождающие глаголы введения прямой речи и называющие дополнительные эмоции и их оттенки [5; 6; 14].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стал текст романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и данные словарей русского языка. В работе использованы методы количественного и лингвостилистического анализа лексем, вводящих прямую речь, с учетом ближайшего и расширенного контекста. Методика включает:

- сплошную выборку глаголов и глагольных сочетаний, вводящих прямую речь в романе, распределение примеров по использованным лексемам;
- анализ частотности всех глаголов и глагольных сочетаний, которые вводят фразы героев, составление диаграмм;
- лингвостилистический анализ данных средств, их семантики, прагматики и стилистической окраски, а также контекстов, в которых эти средства появляются;
- сравнительный анализ семантики использованных глаголов, объединение их в группы на основе смысловых и прагматических характеристик.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Частотность глаголов, вводящих прямую речь, особенности их грамматического оформления и прагматической нагрузки

Данные о репертуаре глаголов, вводящих прямую речь в литературном произведении, и о частотности их употребления, характеризуют поэтику текста в разных аспектах: мы узнаем о том, монотонна или вариативна диалогическая рамка, насыщена ли она эмоциями говорящих, усиливает ли она драматизацию сцен с репликами за счет передачи мимики, жестов, других проявлений настроения героев. Одним из важных параметров в этом случае становится соотношение нейтральных глаголов речи и их эмоционально окрашенных коррелятов.

Мы выявили все контексты с глаголами, вводящими прямую речь в романе «Преступление и наказание», и подсчитали количество употреблений каждого глагола, учитывая также соотношение видовых характеристик. Рассмотрим 25 самых частотных глаголов, вводящих прямую речь в этом произведении (рис.1).

Охарактеризуем семантические группы, к которым принадлежат выявленные языковые средства. То, что в списке лидируют глаголы с общим значением говорения (*сказать / говорить, спросить / спрашивать*) является ожидаемой характеристикой русскоязычного текста, включающего реплики. Однако уже третьим по частотности глаголом, вводящим речь в романе, становится *крикнуть / кричать*, который, согласно

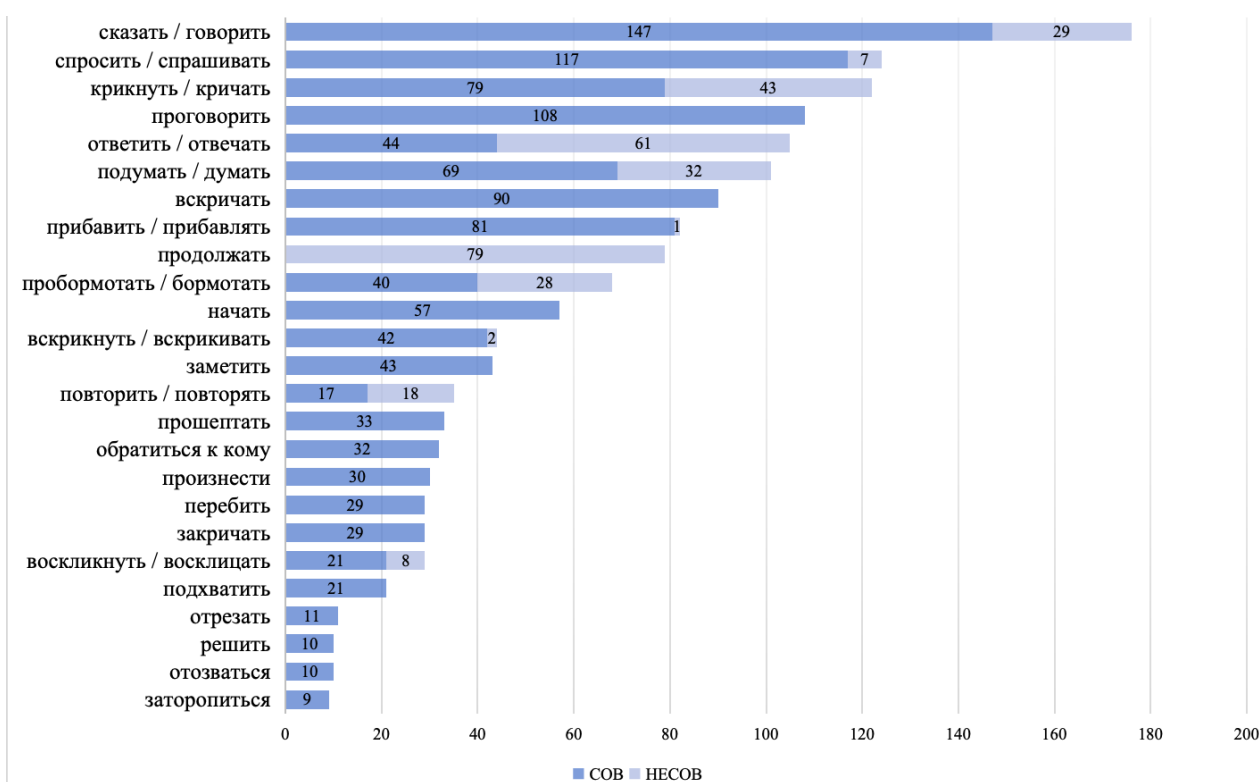

Рис. 1. Частотные глаголы, вводящие прямую речь в романе «Преступление и наказание»
Fig. 1. Frequency verbs introducing direct speech in the novel "Crime and Punishment"

классификации М. К. Милых, принадлежит к семантической группе: «глаголов, указывающих на эмоциональность высказывания» [10, с. 36]. Действительно, этот глагол у Достоевского обозначает не просто громкое, но взволнованное, эмоционально окрашенное произнесение фразы: *Не позволю-с!* — **крикнул** он вдруг, изо всей силы стукнув кулаком по столу. Или: *Эй вы, Свидригайлов! Вам чего тут надо?* — **крикнул** он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злости губами.

Обратим внимание на то, что в группу двадцати пяти самых частотных глаголов вошли также *вскричать*, *вскрикнуть / вскрикивать* и *воскликнуть / восклицать*. Глаголы со значениями 'произнести громко, внезапно, с чувством' играют при введении реплик в «Преступлении и наказании» значимую роль (Ср. [9; 21; 22]).

В представленном списке мы встречаем также лексемы *пробормотать* и *прошептать*, которые М. К. Милых относит к «глаголам, определяющим речь по звучанию или характеру произношения» [10, с. 45], при этом анализ контекстов показывает, что их употребление в романе также всегда сопряжено с указанием на эмоциональность высказывания, например: *Да что вы... что... кто убийца?* — **пробормотал** Раскольников едва слышно. Или: *Подлец!* — **прошептала** Дуня в негодовании.

Целый ряд обнаруженных нами глаголов традиционно относится к группе слов «со значением отношения между репликами» [8; 10] или речевого взаимодействия [1; 2]. Это лексемы *ответить / отвечать* и *отозваться*, а также *подхватить* и *перебить*, которые привлекают наше особое внимание вкупе с глаголом *заторопиться* (он не является собственно речевым). Частотность трех последних глаголов, на наш взгляд, показывает, что герои Достоевского спешат произнести свою речь, и это стремление обусловлено их эмоциональным состоянием: — *Сделайте одолжение, довольно!* — **перебил** опять с явным нетерпением Свидригайлов. — *Я лгу?* — **подхватил** Порфирий, по-видимому горячась. — *Ах да, есть!* — **заторопилась** она вдруг, как будто в этом был для нее весь исход <...> Составленные с участием глагола *поспешить* сложные сказуемые, вводящие прямую речь, также выражают значение беспокойства, тревоги и волнения: *поспешить вставить*, *поспешить перебить*, *поспешить заключить*, *поспешить пробормотать*.

Изучение средств, вводящих прямую речь в романе Ф. М. Достоевского, требует не только опоры на традиционные семантические классификации таких элементов, но и учета их прагматической нагрузки в рамках контекстов, а также особенностей грамматического оформления.

Грамматические характеристики глаголов, вводящих речь, свидетельствуют о предпочтении совершенного вида несовершенному (рис. 1), а также личных форм неличным (во всем тексте только дважды реплики вводятся деепричастиями). Преобладание совершенного вида объясняется тем, что произнесение реплик чаще представляет в романе Достоевского однократные, законченные, значимые события, чем фоновые процессы.

Важно отметить, что речевые события в романе предстают в контексте сложной повествовательной перспективы. Некоторые из них мы «видим» глазами нарратора, другие же воспринимаем с точки зрения персонажей. Так, приведенные выше примеры содержат эгоцентрические показатели *по-видимому* и *вдруг*, указывающие на ограничение точки зрения наблюдателя: реплики Порфирия Петровича и Сони даны опосредованно, через восприятие Раскольникова.

Стоит выделить в выявленном нами наборе глагол *подумать/думать*, относящийся к глаголам мысли [4; 10]. При этом персонажи нередко думают вслух, так что внутренняя и произнесенная речь в их исполнении смешиваются: «Эх, девочка!» — *подумал он с проклятием, уже растворяя дверь, но вернулся еще раз посмотреть на девочку, спит ли она и как она спит?*

Таким образом, наиболее частотные глаголы, вводящие прямую речь в романе Ф. М. Достоевского, обозначают значимые речевые события, сопровождаемые проявлением эмоций говорящих и воспринимаемые в рамках различных точек зрения в тексте. Однако помимо частотности необходимо учитывать и разнообразие использованных автором средств введения реплик. Рассмотрим подробнее репертуар привлеченных Ф. М. Достоевским глаголов различных семантических групп.

2. Семантические характеристики глаголов, вводящих реплики в романе. Смысловое взаимодействие глаголов с их лексическим окружением в рамке речи

Как пишет К. В. Мочульский, Ф. М. Достоевский был «гениальным изобретателем способов художественного изображения человека — его души, его стремлений, мечтаний и поступков. И едва ли не самое большое место в этом умении занимает прием сценарного воссоздания эмоций персонажа» [11, с. 426]. Сценарное воссоздание эмоций, как показывает исследование, опирается на прагматические возможности глаголов целого ряда семантических групп. При этом палитра лексем, вводящих прямую речь у Ф. М. Достоевского, чрезвычайно разнообразна. По пред-

варительным подсчетам, в романе использовано 183 различных глагола с этой функцией в 1776 употреблениях.

Как уже было отмечено выше, реплики персонажей регулярно вводятся с помощью **глаголов с речевой семантикой, указывающих на эмоциональность высказывания**. Помимо упомянутых отметим глаголы *выкрикивать*, *взвизгнуть*, *прокричать*, *зареветь*, *прореветь*, *вопить*, *завопить*, а также архаичный вариант *возопить*. Интересно, что глаголы *кричать/крикнуть* и *вскричать* чаще всего вводят реплики Разумихина (15 % и 8 % соответственно), тогда как для Раскольникова наиболее частотен глагол *думать/подумать* (12 %), *вскричать* составляет всего 5 %, а *крикнуть* 2 %. Глагол *зареветь* также обычно вводит гневные высказывания Разумихина, отражая вспыльчивый характер этого персонажа и низкий тон его голоса: — *Восхитительная? Ты сказал восхитительная! — заревел Разумихин и вдруг бросился на Зосимова и схватил его за горло.*

Глаголы *вопить*, *завопить* транслируют эмоции боли и отчаяния Катерины Ивановны перед смертью. «*Ваше превосходительство! — вдруг завопила она раздирающим воплем и залившись слезами.* Глагол *возопить*, показывающий, что человек кричит, призывая окружение (бога, небо, людей) к ответу на создавшуюся ситуацию, вводит высказывание Мармеладова: «— *Жалеть! зачем меня жалеть! — вдруг возопил Мармеладов, вставая с протянутой вперед рукой <...>.*»

Выразительна и разнообразна и палитра глаголов, обозначающих тихую, невнятную, неразборчивую речь в романе. Как уже было отмечено выше, эмоции, сопровождающие ее, оказываются не менее сильными.

Глагол *прошептать* употребляется со следующими наречиями и словосочетаниями: *нерешительно*, *горячо*, *отрывисто*, *наивно* и *робко*, *презрительно* и *с отвращением*, *с отчаянием*, *с трудом*, *с мучительным усилием*, *в бешенстве*, *в ужасе*, *в отчаянии* и др. Используются также *шепнуть* / *шептать*, *зашептать*, *пробормотать* / *бормотать*, *проямлить* и *замямлить*. Последние два глагола характеризуют речь Лужина и Зосимова. Встречаются лексемы *процедить* (о пренебрежительной фразе Зосимова) и *протянуть* (о жалобных репликах матери Раскольникова), а также *лепетать*: — *Да-с, хорошо-с... Бог вам за это-с... — лепетала Соня, пристально смотря на Петра Петровича.* Здесь Соня смущена присутствием Лужина, она говорит, обрывая себя, не заканчивает предложения, не зная, как выразить свои мысли.

Отдельно отметим глаголы, указывающие на неожиданно, порой невольно произнесенные реплики: это безличное употребление глаголов *вырваться* и *сорваться*, а также слова *прорваться* и *брякнуть*. *О господи! — вырвалось у Сони. — Лизавету-то тоже убили! — брякнула вдруг Настасья, обращаясь к Раскольникову*. Высказывания героев зачастую оказываются неожиданными для их слушателей, и даже для них самих, поэтому наречие *вдруг* постоянно сопровождает введение прямой речи.

Глаголы *проворчать*, *ругнуть*, *наброситься*, *причитать*, *сыпать* расцветивают напряженные, конфликтные ситуации, в которых персонажи обмениваются репликами.

Безусловно, внимания в ходе анализа заслуживают и глаголы с устойчивым нейтральным значением без эмоционального компонента. Это лексемы с общим значением говорения: *сказать / говорить, проговорить, заметить, обратиться, произнести* и мн. др.; глаголы, называющие вопрос, ответ, а также реакцию на мнение собеседника: *согласиться; возразить, подтвердить / подтвердить* и др.

Важно отметить, что не менее половины их употреблений сопровождается наречиями, деепричастиями или комитативными синтаксемами, называющими эмоцию героя или манеру его речи, косвенно свидетельствующую о психологическом состоянии:

«Двадцать копеек мои унес», — злобно проговорил Раскольников, оставшись один. «Никто хозяйку не бил», — проговорила она опять строгим и решительным голосом. «Ни-че-го!» — как-то особенно проговорила Илья Петрович.

Среди глаголов, характеризующих мысль, помимо лексем *подумать / думать, решить, решиться* и др., встречаются также *мелькнуть / мелькать, подуматься, промелькнуть, вздуматься, пронестись в голове*, которые подчеркивают быстроту и неконтролируемость мыслительных процессов, позволяют читателю приобщиться к потоку сознания персонажей. Глаголы выстраиваются в цепочки, представляя сменяющиеся друг друга эмоциональные состояния: *«Красное, ну а на красном кровь неприметнее», — рассудилось было ему, и вдруг он опомнился: «Господи! С ума, что ли, я схожу?» — подумал он в испуге.*

Из приведенных данных видно, что значительную роль в формировании поэтики романа и образов героев играет усложненность палитры глаголов, вводящих произнесенную и внутреннюю речь персонажей. Лексемы, указывающие на вы-

соту тона, силу звучания, четкость и темп речи, характер взаимодействия с собеседником — в прагматическом плане оказываются близки к глаголам, прямо называющим эмоциональное состояние говорящих. Нейтральные глаголы речи и мысли демонстрируют активный обмен репликами в контекстах, где с помощью зависимых синтаксических элементов также конструируется насыщенный эмоциональный фон нарратива.

Активное привлечение глаголов, обозначающих эмоциональные состояния и их проявления, для введения прямой речи в русском языке, неоднократно отмечалось исследователями в качестве колоритной черты национальной повествовательной традиции [3; 7; 9; 20]. Мы же, обращаясь к лексико-стилистическому наполнению разных семантических групп слов в данной функции, сфокусируемся на специфических чертах романа.

Следуя за традиционными классификациями глаголов, вводящих прямую речь, выделим среди обнаруженных лексем обозначения психологических состояний и чувств человека, а также их звуковых, мимических и жестовых проявлений [1; 8; 10].

В тексте «Преступления и наказания» нет ни одной реплики или мысли, введенной глаголом *радоваться / обрадоваться*. В этой функции выступают глаголы: *испугаться, перепугаться, раздражаться, обидеться, встревожиться, взволноваться, всполошиться, трепетать про себя*. Проявления таких эмоций обозначены с помощью следующих номинаций, вводящих речь персонажей: *засуетиться, горячиться, заторопиться, хлопотать, вздрогнуть, встрепенуться, вспыхнуть, законфузиться, заплакать, дрогнуть* (о голосе) и др. — и лишь одно употребление глагола *успокоиться*. Все вышеупомянутые лексемы обозначают в романе неконтролируемые состояния: обижается Лужин, тревожится, беспокоится и суетится Пульхерия Александровна, горячится Разумихин, вспыхивают Дуня и Лебезятников. Особенно показательными выглядят примеры с безличными формами, которые на грамматическом уровне выделяют неконтролируемость испытываемых персонажами состояний: — *В каком волнении? Вовсе ни в каком не в волнении, — передернуло Разумихина. — Так-с, так-с, — не сиделось Порфирию. — Ну, говори же, говори же, — как будто так и хотело выпрыгнуть из сердца Раскольникова.*

Особую группу средств, вводящих реплики персонажей, составляют **кинемы — эмоциональные жесты и мимические движения**. Одна из самых известных фраз в романе оформлена так:

Убивать? Убивать-то право имеет? — **всплеснула руками** Соня. Среди кинем: *всплеснуть руками, отмахиваться, хлопнуть себя по лбу, вскинуться, подскочить, броситься, метаться* и др. Все они передают резкие эмоциональные реакции, связанные с тревогой, беспокойством, эмоциональным напряжением (Ср. [13, 21; 23; 24; 26]).

Существует целый ряд исследований о специфике смеха в романах Ф. М. Достоевского [9; 12; 22; 24]. Действительно, глаголы, обозначающие смех, у этого автора почти всегда передают сложную комбинацию эмоций персонажей, важной составляющей в которой является в том числе и что-то негативное, выраженное с помощью дополнительных синтаксисом: — *Да вы не раздражайтесь, — засмеялся через силу Зосимов. — Хе-хе-хе! — продолжал злобно подсмеиваться Лужин.* За улыбками и смехом героев скрывается досада, насмешка, пренебрежение, отчаяние и т. д. Всего в тексте романа обнаружено 24 словоупотребления глаголов, обозначающих смех или улыбку и вводящих прямую речь, но ни один из контекстов не связан с проявлением чистой радости и хорошего настроения. В ряде случаев характер негативной эмоции можно определить только по смыслу произнесенной героем фразы.

Итак, результаты анализа показывают, что в романе речь героев, как правило, сопровождается активным проявлением эмоций, при этом преобладают состояния, связанные с отрицательной оценкой событий, либо комбинированные эмоции, где присутствует возбуждение, удивление, глубокое переживание чувства и его экспрессивное проявление. В сочетаниях с глаголами используются наречия, предложно-падежные обороты, деепричастия, называющие дополнительные эмоции и их оттенки.

3. Стилистические характеристики лексем, вводящих речь персонажей

Спектр стилистических оттенков глаголов и сочетаний, вводящих речь в романе «Преступление и наказание», также богат. Мы встречаем и такие архаичные номинации, как *возглаголать* и *возопить*, и книжный глагол *вскричать*, и разговорные *завопить*, *захихикать*, и просторечные слова *брякнуть*, *проямлить*. В романе мы видим немало глаголов со значением, возникающим на основе метафорического переноса: *отрезать*, *подхватить*, *вернуть*, *проснуться*, *передернуть* и т. д. (Ср. [25]).

При выборе лексемы, вводящей реплику персонажа, в тексте может транслироваться отношение субъекта речи или мысли к этому персонажу и его поступкам [11, с. 210]. Известно, что нар-

ратор у Достоевского редко напрямую выражает оценку героев, однако стилистические характеристики вводящих речь номинаций окрашивают образы говорящих персонажей [7; 19]. Порой эта окраска обусловлена тем, что мы видим произносящего реплику героя сквозь призму восприятия другого персонажа. Так, например, смех Порфирия Петровича описывается как неприятный (*закудахтал, захихикал*), поскольку мы слышим его вместе с Раскольниковым, для которого хитрый, опытный следователь представляет угрозу, является его противником в психологическом поединке: — *Господи! Да что вы это! Да об чем вас спрашивать, — закудахтал вдруг Порфирий Петрович, тотчас же изменяя и тон, и вид и мигмом перестав смеяться.*

Глаголы *возглаголать*, *возопить* позволяют автору достичь особого выразительного эффекта, помогая читателю за бытовой сценой увидеть философский подтекст или соотнести жизнь героев со словами Священного писания.

Заключение

Итак, в ходе исследования были выделены и описаны семантические группы глаголов и сочетаний, вводящих прямую речь в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», дана их стилистическая характеристика, определены прагматические эффекты, которые создает их использование. В романе речь героев, как правило, сопровождается активным проявлением эмоций. Было установлено, что глагол *кричать/крикнуть* является третьим по частотности среди всех глаголов, вводящих речь, уступая только парам *говорить/сказать* и *спросить/спрашивать*. В состав двадцати самых частотных глаголов, вводящих речь в романе, входят лексемы *вскричать*, *вскрикнуть/вскрикивать*, *воскликнуть/воскликать*, *закричать*.

Глаголы, обозначающие негативные эмоции (*горячиться*, *раздражаться*, *перепугаться*), в тексте романа преобладают. Герои нередко спешат высказать свою мысль (среди частотных средств введения речи – слова *заторопиться* и *перебить*). Также активно вводят речь кинемы (*подскочить*, *усмехнуться*, *всплеснуть руками* и др.). Широко используются глаголы, демонстрирующие коммуникативные намерения говорящих, такие как *доказывать*, *упрашивать*, *настаивать*. В сочетаниях с глаголами регулярно встречаются комитативные синтаксемы, называющие дополнительные эмоции и их оттенки (*в бешенстве*, *с натугой*, *злобно*). В итоге создается яркая, запоминающаяся картина поведения персонажей в процессе коммуникативного акта.

Изучение стилистических характеристик глаголов, вводящих речь в романе «Преступление и наказание», позволило сделать вывод об обширной палитре средств, используемой автором. В плане прагматики глаголы введения прямой речи являются не только важным компонентом речевой характеристики персонажей, но и своеобразными трансляторами авторского видения героев, формирующими поэтику полифонии и ключевые мотивы произведения.

В результате исследования установлена частотность использования всех лексем в качестве операторов ввода прямой речи, — как по роману в целом, так и по высказываниям основных персонажей. Они позволят проводить дальнейший сопоставительный анализ данного романа с текстами Ф. М. Достоевского и других авторов, а также с переводами романа «Преступление и наказание» на китайский язык.

Список источников

1. Андреева Е. Г. Сопоставительный анализ семантических классов глаголов, вводящих прямую речь (английский и русский языки) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 1. С. 362–373.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. Практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Дискурсивные слова в корпусном измерении: ‘одним словом’ у Достоевского и его современников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2019. Выпуск 18 (25). С. 41–52.
4. Васильев Л. М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для фак. повышения квалификации. М.: Высш. школа, 1981. 184 с.
5. Дюзенли М. В. «Промолвить» — это по-тургеневски? // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ. Вып. 6. Екатеринбург, 2021. С. 131–135.
6. Дюзенли М. В. Стандартные операторы ввода прямой речи как маркеры идиостиля писателя // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 199–210.
7. Захарова О. А. Глаголы, вводящие речь, как характеристика образа автора и образа ратора (На материале произведений Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 163 с.
8. Кодухов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л.: Учпедгиз, 1957. 87 с.
9. Корпусная модель идиостиля Достоевского / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: ЛЕКСРУС, 2021. 360 с.
10. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов: Кн. изд., 1958. 240 с.
11. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.
12. Ружицкий И. В. ‘Страх’ и ‘смех’ Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483–494.
13. Ружицкий И. В., Ма Ц. Семантическое поле ‘страх’ в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 48–58.
14. Уржа А. В. Варьирование средств, вводящих речь, в текстах русских писателей: к постановке проблемы перевода // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит: тр. и матер. / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой. Казань: Издательство Казанского университета: 2023. С. 189–191.
15. Уржа А. В. Стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь, в современных русских переводах художественной прозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 117–128.
16. Филатова Г. А. Стилистическая интерпретация глаголов речевого действия при переводе фантастического текста // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 58–69.
17. Чумаков Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1977. 47 с.
18. Duong My Tham, Tran Phuong Nhi. A Corpus-Based Study on Reporting Verbs Used in TESOL Research Articles by Native and Non-native Writers. VNU Journal of Foreign Studies. 2021, Vol. 37, № 3. Pp. 135–148.

19. Dyne T. H. ‘That’s the horrible part: I understand everything!’: The Narrative Ethics of Misreading the Other in Dostoevsky’s Poor Folk and “The Meek One”. *The Slavic and East European Journal*, 2020, Vol. 64, № 3. Pp. 455–474.
20. Even-Zohar I. Depletion and Shift // *Polysystem Studies. Poetics Today*. 1990, № 11 (1). Pp. 195–206.
21. Gafurova U. A., Akbarov O. A. Speech portrait of Rodion Raskolnikov on the example of Dostoevsky’s work “Crime and punishment” // *ORIENSS*. 2022, №11. Pp. 889–897.
22. Katsma H. Loudness in the Novel. Stanford Literary Lab, 2014. Pamphlet 7, 27 p. URL: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet7.pdf> (accessed: 02.03.2024).
23. Martinsen D. A. Shame and guilt in Dostoevsky’s “Crime and punishment” // *ДМКФ*. 2018, №4, Pp. 40–64.
24. Ruzhitsky I. V. Some notions of the concepts of ‘fear’ and ‘laughter’ in selected works of Dostoevsky: Challenges and evocations... // *Slavonica*. 2023. Pp. 1–14.
25. Ruziyeva N. Metaphoric nominations in the semantic field of speech verbs // *International Journal of Applied Research* 2019, Special Issue 7. Pp. 11-14.
26. Shairar G. G. Emotive verbs in the novel of F. M. Dostoyevsky “demons” // *International Research Journal*. 2019. № 5 (83). URL: <https://research-journal.org/archive/5-83-2019-may/emotivnye-glagoly-v-romane-f-m-dostoevskogo-besy> (accessed: 28.03.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2019.83.5.047

References

1. Andreeva EG. Comparative analysis of semantic classes of verbs introducing direct speech (English and Russian languages). *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2015; 16(1):362-373. (In Russ.).
2. Babenko LG, Kazarin YuV. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika = Linguistic analysis of literary text. Theory and practice: Textbook. Workshop*. Moscow: Flinta: Nauka; 2005. 496 p. (In Russ.).
3. Baranov AN, Dobrovol’skiy DO. Discursive words in the corpus dimension: ‘in one word’ from Dostoevsky and his contemporaries. In: *Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii = Computer linguistics and intellectual technologies*. 2019;18(25):41-52. (In Russ.).
4. Vasiliev LM. *Semantika russkogo glagola = Semantics of the Russian verb: Textbook for the faculty of advanced training*. Moscow: Vysshaya shkola; 1981. 184 p. (In Russ.).
5. Dyuzenli MV. May the word “promolvit” be one of the markers of Turgenev’s manner? In: *Dinamika yazykovykh i kul’turnykh protsessov v sovremennoy Rossii = Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*. Vol. 6. Materials of the VII Congress of ROPRYAL. Ekaterinburg; 2021. 131–135. (In Russ.).
6. Dyuzenli MV. Basic reporting verbs as markers of the author’s idiosyncrasy. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta = Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities*. 2023;25(2):199-210. (In Russ.).
7. Zaharova OA. *Glagoly, vvodyashchie rech’, kak kharakteristika obraza avtora i obraza ritora (Na materiale proizvedeniy F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie”, “Brat’ya Karamazovy”)* = Verbs introducing speech as a characteristic of the image of the author and the image of the rhetorician (Based on the material of the works of FM. Dostoevsky “Crime and Punishment”, “The Brothers Karamazov”). Thesis. Moscow; 2006. 163 p. (In Russ.).
8. Kodukhov VI. *Pryamaya i kosvennaya rech’ v sovremennom russkom yazyke = Direct and indirect speech in modern Russian*. Leningrad: Uchpedgiz; 1957. 87 p. (In Russ.).
9. *Korpusnaya model’ idiosincrasii Dostoevskogo = Corpus model of Dostoevsky’s idiosyncrasy*. Ed. by AN Baranov, DO. Dobrovolskiy. Moscow: LEKSUS; 2021. 360 p. (In Russ.).
10. Milykh MK. *Pryamaya rech’ v khudozhestvennoy proze = Direct speech in literary prose*. Rostov: Kn. izd.; 1958. 240 p. (In Russ.).
11. Mochulsky KV. *Gogol’. Solov’ev. Dostoevskiy = Gogol. Soloviev. Dostoevsky*. Moscow: Republic; 1995. 606 p. (In Russ.).
12. Ruzhickij IV. “Fear” and “laughter” by FM. Dostoevsky. *Neofilologiya = Neophilology*. 2021;7(27):483-494. (In Russ.).
13. Ruzhickij IV, Ma C. Semantic field ‘fear’ in the novel “Crime and Punishment” by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2021;(3):48-58. (In Russ.).
14. Urzha AV. Variation of means of introducing speech in the texts of Russian writers: towards the formulation of the problem of translation. In: *Sovremennaya lingvistika: ot teorii k praktike: III Kazanskiy mezhdunarodnyy lingvisticheskiy sammit = Modern linguistics: from theory to practice: III Kazan International Linguistic Summit*. Ed. by IE. Yarmakeev, FH. Tarasova. Kazan: Kazan University Publishing House; 2023. Pp. 189-191. (In Russ.).

15. Urzha AV. Strategies for reporting verbs interpretation in modern Russian translations of fiction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2018;17 (4):117-128. (In Russ.).
16. Filatova GA. Stylistic interpretation of verbs of speech action in the translation of a fantastic narration. *Novyy filologicheskyy vestnik = New Philological Bulletin*. 2023;(4(67):58-69. (In Russ.).
17. Chumakov GM. Chuzhaya rech' kak lingvisticheskaya kategoriya i problemy grammatiki, leksikologii, stilistiki = Other's speech as a linguistic category and problems of grammar, lexicology, stylistics. Abstract of thesis. Dnepropetrovsk; 1977. 47 p. (In Russ.).
18. Duong My Tham, Tran Phuong Nhi. A Corpus-Based Study on Reporting Verbs Used in TESOL Research Articles by Native and Non-native Writers. *VNU Journal of Foreign Studies*. 2021;37(3):135-148.
19. Dyne THJ. "That's the horrible part: I understand everything!": The Narrative Ethics of Misreading the Other in Dostoevsky's Poor Folk and "The Meek One". *The Slavic and East European Journal*. 2020;64 (3):455-474.
20. Even-Zohar I. Depletion and Shift. *Polysystem Studies. Poetics Today*. 1990;11(1):195-206.
21. Gafurova UA, Akbarov OA. Speech portrait of Rodion Raskolnikov on the example of Dostoevsky's work "Crime and punishment". *ORIENSS*. 2022;(11):889-897.
22. Katsma H. Loudness in the Novel. Stanford Literary Lab, 2014. Pamphlet 7, 27 p. Available at: <https://litlab.stanford.edu/LiteraryLabPamphlet7.pdf> (accessed: 02.03.2024).
23. Martinsen DA. Shame and guilt in Dostoevsky's "Crime and punishment". *DMKF*. 2018;(4):40-64.
24. Ruzhitsky I. Some notions of the concepts of 'fear' and 'laughter' in selected works of Dostoevsky: Challenges and evocations... *Slavonica*. 2023: 1-14.
25. Ruziyeva N. Metaphoric nominations in the semantic field of speech verbs. *International Journal of Applied Research*. 2019(7):11-14.
26. Shairar GG. Emotive verbs in the novel of FM. Dostoyevsky "demons". *International Research Journal*. 2019;5(83). Available at: <https://research-journal.org/archive/5-83-2019-may/emotivnye-glagoly-v-romane-f-m-dostoyevskogo-besy> (accessed: 28.03.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2019.83.5.047.

Информация об авторах

Цяо Ван — аспирант кафедры русского языка.

А. В. Уржа — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Information about authors

Qiao Wang — Postgraduate Student of the Russian Language Department.

A. V. Urzha — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Department.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

**ЛИНВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТОЛОГИЯ,
СТИЛИСТИКА, ПАРЕМИОЛОГИЯ
LINVOCULTUROLOGY, CONCEPTOLOGY,
STYLISTICS, PAREMIOLOGY**

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 101–109.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496)):101-109.*

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-101-109

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СЕМИОТИКИ «ДВУГЛАВОГО ОРЛА»

Асгар Годрати¹, Сара Хазаи-Кухпар²

¹ Университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, asghar_ghodrati@atu.ac.ir, 0000-0002-6803-8211

² Университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, sarakhazaeekohpar@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена происхождению символа *орла* и *двуглавого орла* в культурах древнего мира. Помимо этимологического экскурса, мы рассматриваем ход эволюции двуглавого орла как международного символа. Исследование носит описательный характер и основано на научных материалах о цивилизации Джирофт в г. Кермане (Иран), опубликованных с 2003 г. Новаторство данного исследования заключается в выявлении фактов об этимологии и начале использования символического изображения *орла* в культуре Древнего мира. Немногочисленность источников о языке и культуре цивилизации Джирофта, в том числе, отсутствие переводов новых материалов о ней на русском языке стала главной мотивацией данной статьи. Наша цель заключается в исправлении предыдущих сведений и выводов археологических знаний на основе новых материалов относительно символа двуглавого орла. Важность проведения данного исследования заключается в выяснении истоков данного международного символа и конкретизации его мифологических концепций в истории человечества.

Ключевые слова: культура и цивилизация Джирофт, международный символ, культ митраизм, птица Солнца, геральдика Российской империи

Для цитирования: Годрати А., Хазаи-Кухпар С. К вопросу изучения семиотики «двуглавого орла» // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 101–109. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-101-109.

Original article

ON THE QUESTION OF STUDYING THE SEMIOTICS OF THE DOUBLE-HEADED EAGLE

Asghar Ghodrati¹, Sara Khazae Koohpar²

¹ Allameh Tabatabaei University, Tehran, Iran, asghar_ghodrati@atu.ac.ir, 0000-0002-6803-8211

² Allameh Tabatabaei University, Tehran, Iran, sarakhazaeekohpar@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the origin of the *eagle* and *double-headed eagle* symbols in the cultures of the ancient world. In addition to the etymological digression, we consider the course of evolution of the double-headed eagle as an international symbol. The study is descriptive and is based on scientific materials on the Jiroft civilization in Kerman (Iran), published since 2003. The innovation of this study lies in the identification of new facts about the beginning of the use of the symbolic image of the *eagle* in the culture of the Ancient World. The scarcity of sources on the language and culture of the Jiroft civilization, including the lack of translations of new materials about it in Russian, became the main motivation for this article. Our goal is to correct previous information and conclusions of archaeological knowledge based on new materials regarding the double-headed eagle symbol and its

appearance as an image on the flag. The importance of this study is to clarify the source of this international symbol and specify its mythological concepts in the history of mankind.

Keywords: Jiroft culture and civilization, international symbol, Mithraism cult, Sun bird, heraldry of the Russian Empire

For citation: Ghodrati A., Khazaei Koohpar S. On the Question of Studying the Semiotics of the Double-Headed Eagle. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):101-109. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-101-109.

Введение

Статья исследует происхождение символа орла и двуглавого орла в культурах древнего мира. Мы изучаем, как этот символ развивался и становился международным. Работа носит описательно-библиотечный характер и основывается на научных данных о цивилизации Джирофт в Кермане (Иран), которые были опубликованы после 2003 г. Особенностью нашего исследования является изучение этимологии и начала использования образа орла в культуре древних времен. Нехватка материалов и их переводов на русский язык послужила стимулом для написания этой статьи. Цель работы — скорректировать ранее известные сведения и выводы археологов, используя новые данные о двуглавом орле. Важно провести это исследование, чтобы понять истоки этого международного символа и уточнить его роль в мифологии и истории человечества.

Предыстория: открытие цивилизации Джирофта (г. Керман, Иран)

Открытие цивилизации Джирофта (г. Керман, Иран), считающейся одной из древнейших на Востоке, сопровождалось крупнейшим в истории археологии случаем разграбления древних артефактов, что стало темой множества статей и интервью как в самом Иране, так и за рубежом. Цивилизация Джирофта была обнаружена в результате масштабных нелегальных раскопок, проведенных в 2000–2002 гг. в окрестностях Кермана. Впоследствии Иосиф Маджидзаде из Тегеранского государственного университета официально приступил к исследованию археологического памятника бронзового века Конар-Сандак в районе реки Хелильруд и опубликовал результаты своих исследований в монографии под названием «Джирофт — древнейшая цивилизация Востока» (1382, مجیدزاده). 2003 г. считается официальным годом объявления об открытии цивилизации Джирофта.

На шестой стадии исследования цивилизации Джирофта ученые обнаружили крепость на вершине холма с остатками жилых и промышленных кварталов города. С помощью метода радиоуглеродного анализа найденные артефакты были датированы бронзовым веком (примерно 2200–2800 гг. до н. э.). Также на терри-

тории площадки был обнаружен фрагмент кирпича с надписью в проходе крепостных ворот и три обожженных глиняных таблички, которые ученые датируют временем до возникновения шумерской письменности, причем форма знаков напоминает письменность эламитов (город Сузы) (97: 1388, مجیدزاده). Основываясь на этом открытии, ученые предположили, что истоки мировой письменности следует искать не в Шумере, а в Джирофте.

Джирофт расположен на расстоянии более 1500 км от Тегерана и примерно в 1000 км к югу от Месопотамии (современный Ирак). Культурно-историческая область «Джирофт» ограничена с востока провинцией Систан и Белуджистан, с запада — городами Бафт и Сирджан, с севера и северо-востока — горным массивом Джабалбарз, Сардурем и городом Бам, а с юга — провинцией Хормозган. Река Хелильруд — одна из крупных и значимых рек региона, берет свое начало на высотах города Бафт и направляется к озеру Джазмурян, преодолевая маршрут длиной более 400 км через южную часть провинции Керман. Эта река является одним из основных факторов формирования цивилизации Джирофта (112-113: 1398, یوسف-کند و همکاران).

В клинописных надписях, найденных на юге Месопотамии, неоднократно упоминается топоним «Мархаши». До открытия цивилизации Джирофта ученые не могли однозначно определить точное местоположение этого древнего государства. Различные исследователи выдвигали свои теории. Основываясь на географическом описании месопотамских текстов, включая историю «Энмеркар и правитель Аратты», а также учитывая тот факт, что Мархаши находился к востоку от Аншана, Питер Стейнкеллер предположил, что Мархаши располагался в области Кермана, а его столицей мог быть Шахдад (Steinkeller, 1982). Карло Ламберг-Карловски придерживался аналогичного мнения (Lamberg-Karlovsky and Potts, 2001: 279). Франсуа Валла полагал, что Мархаши соответствует региону Белуджистана (Vallat, 1993: CXII). Генри Франкфорт и Ксавье Трамблэ отождествляли Мархаши с культурой Амударьи в Центральной Азии

(Francfort and Tremblay, 2010). После открытия Джирофта большинство исследователей стали склоняться к мнению, что Мархаши действительно находился в регионе Кермана. Согласно хронологии шумерских текстов, в эпоху царствования правителей Аккада и Третьей династии Ура (Новый Шумер) существовали тесные торговые связи между этим культурным регионом Ирана и южной Месопотамией (период 2350–1750 гг. до н. э., охватывающий правление аккадской династии, Ура III и Исин-Ларсу) (اسكندرى و همكاران، 1399: 13–11). Распространение каменной посуды из талькохлорита по всему Ближнему Востоку, от реки Евфрата до Индийской цивилизации, может рассматриваться как свидетельство взаимодействия этой культуры с другими цивилизациями в первой половине третьего тысячелетия до н. э. (46: 1386، رفيع فر).

Начало публикаций о Джирофте

В течение трех лет Иосиф Маджидзаде — доцент кафедры археологии и искусства Тегеранского государственного университета, преподаватель факультета социальных наук того же университета — занимался археологическими раскопками на археологическом памятнике бронзового века Конар-Сандал, расположенном примерно в 25 км к югу от Джирофта. По окончании первого сезона своих исследований он опубликовал статью во французском журнале *Dossiers d'Archéologie* (№ 287, октябрь 2003 г.) о культуре и цивилизации Джирофта. Одновременно он дал интервью прессе в Париже, где присутствовали более 50 репортеров различных газет и журналов. Результаты этого интервью были опубликованы во многих французских газетах и журналах, а также в европейских изданиях. Второй сезон исследований прошел в январе и феврале 2004 г. В мае 2004 г. он опубликовал подготовленную журналистами журналов *Smithsonian* и *Science* статью в журнале *Smithsonian*, а в марте 2004 г. его археологические достижения были освещены в итальянском журнале *Archeo* и японском журнале *Newton* (№ 4, 2004 г.). Последняя статья доктора Маджидзаде о втором сезоне раскопок Джирофта была опубликована в исследовательском журнале Организации культурного наследия Ирана, а в июле 2004 г. — во французском журнале *Archéologia*. Третий сезон археологических раскопок на Конар-Сандале, завершившийся в марте 2013 г., стал, пожалуй, самым успешным, поскольку в ходе него было обнаружено более 200 цилиндрических печатей и кирпичей с надписями. В честь этого нового археологиче-

ского открытия была организована международная конференция с участием ученых из Франции, Германии, Италии и Америки (с 31 января по 3 февраля 2005 г.) (Рафи Фар, 1382: 198–197). Как известно авторам касательно России, к сожалению, исследования, проведенные за последние 20 лет относительно цивилизаций Джирофта и Халильруда, не были переведены на русский язык, и никаких независимых исследований по этой теме российскими учеными не проводилось.

Этимология лексем рус. «орел», перс. قاب ('uqāb)

Слово «орел» имеет глубокие индоевропейские корни и является общим для многих европейских языков. Древнейший индоевропейский архетип слова «орел», реконструированный как *er-/*og-, несет в себе семантику подъема, силы, высоты и стремительного движения. Этот архетип также связан с понятиями рождения, роста и возвышения, что отражено в ряде родственных слов в разных индоевропейских языках. Например, греческое слово 'ὄρνις («птица») и латинское *origi* («подниматься») указывают на первоначальное значение, связанное с движением вверх, возвышением. Праславянский корень *огьль*¹ связан с рядом слов в различных языках, таких как лит. *erėlis*, латыш. *ērglis*, древнепрусское *arelie*, кимрский *eug*, готское *aga* и другие. В славянских языках слово «орел» представлено в различных формах, включая болг. *орѣл*, сербохорв. *òrao*, чеш. *orel*, русск. *орел* и другие. Существуют две основные гипотезы относительно происхождения праславянской формы слова «орел». Одна из них предполагает, что форма *огьль* возникла через процесс диссимилиации из более раннего *er-/*og-, что подтверждается наличием аналогичных форм в других индоевропейских языках. Другая гипотеза утверждает, что изначально слово содержало суффикс *-ьль*, который впоследствии мог измениться под влиянием фонетических процессов.

Этимология слова *عقاب* ('uqāb) в персидском языке указывает на связь с идеей достижения вершины, а также обнаруживает общий корень со словом *karala* в санскрите. Древнее авестийское название птицы Варган соответствует современным обозначениям сокола ('uqāb) или ястреба (*šāhin*). Современное персидское слово *عقاب* ('uqāb) восходит к древнему индоиранскому корню *veritrahan*, который в среднеперсидском языке трансформировался в *varhrām* или *بهرام* (*bahrām*) — имя бога войны.

¹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 32 (*obzъль - *orzbotati). Ред. Трубочев О. Н., Журавлев А. Ф. Москва: РАН, 2005.

Р. Якобсон предполагает заимствование имени русского мифологического бога Сварога из иранской мифологии, где он соответствует богу Веретрагну, разрушителю преград. Лингвист отмечает совпадение корней этих имён, а также наличие суффикса *огъ*, ассоциируемого с воином, связанным с огнём и кузнечным ремеслом, представленным образом «орла Вархагана».

В целом, семантика древних архетипов орла включает несколько ключевых символических элементов: 1) сила, власть, могущество, связанные со статусом орла как одной из самых крупных и мощных хищных птиц; 2) связь с божественными или сверхъестественными силами, обусловленная высотой полета и небесным пространством обитания; 3) воинственность и решительность, обусловленные стремительностью и скоростью полета, хищными повадками. Эти значения нашли свое отражение в мифах, фольклоре и культурных традициях многих народов, где орел выступает как символ царственности, воинской доблести и связи между землей и небесами.

Двуглавый орел

В III тысячелетии до н. э. двуглавый орел интерпретировался как символ и «царский знак отличия». Он ассоциировался с Лагашем, вавилонским богом плодородия, бури и войны. Эмблему *двуглавого орла* встречаем и у Хаттов (514 :1386 (وارنز)). До 2003 г. археологи полагали, что начало формирования символа двуглавого орла принадлежит хеттской цивилизации (XIII в. до н. э.), который позже вновь появился у турков-сельджуков (королевской династии после принятия ислама в Иране, с 1037 по 1194 гг.) в средние века, и европейцы позаимствовали его у сельджуков во время кре-

Рис. 1. На печати Ахеменидов изображена Анахита (покровительница вод), стоящая на спине льва с солнцем над головой.

Fig. 1. The Achaemenid seal depicts Anahita (the patroness of waters) standing on the back of a lion with the sun above her head.

Рис. 2. Тали-Бакун.

Fig. 2. Tali-Bakun.

стовых походов (об этом см., например: [Борисов, 2009: 12]). Вопреки мнению И. В. Борисова, авторы данной статьи подчеркивают, что символы *орел* и *двуглавый орел* составляли основной культурный элемент митраизма в иранской цивилизации, наряду с символом *Лев* и *Солнце* (перс. خورشید شير و — *Шир-о хоршид*), которые продолжали свое существование в разные исторические периоды — до и после ислама.

В древних цивилизациях, таких как Иран и Месопотамия, существовал символ *орла с двумя головами*, наклонявшимися вправо и влево, и с раскрытыми крыльями. В месопотамской цивилизации данный символ, как правило, изображался с открытыми и гневными ртами (27 :1403 (متولى و همكاران)). Использование данного символа продолжалось в Иране и Анатолии до исламского периода и сделало его национальной эмблемой в период Сельджуков (рис. 9). Эмблема показывает доминирование над Западом и Востоком и подразумевает идею *власти*.

Существующие источники, которые относят этот символ к хеттской цивилизации второго тысячелетия до н. э., утверждают, что он находился под влиянием месопотамской культуры, тогда как на основе последних исследований в Иране *орел* имеет гораздо более древнюю историю. Символ орла впервые был замечен в IV тысячелетии до н. э. в Иране в керамике Тали-Бакуна (г. Парс, Шираз) (рис. 2) — за 1000 лет до месопотамского искусства (18 :1403 (متولى و همكاران)).

В керамике из холма Тали-Бакун *двуглавый орел* изображен с раскрытыми крыльями и плечообразной формой; этот символ характерен и для изображения из холма Сиалк (г. Кашан, Исфаган). На основании сделанных исследований Мохаммад Мотевали, Хашаяр Гази-заде и Мортеза Афшари считают данное изображение древнейшим изображением двуглавого орла во всем мире (19-20 :1403 (متولى و همكاران)).

В артефактах Джирофта мы наблюдаем два изображения орлов: одноглавого и двуглавого. То общее, что в них можно заметить, это то, что орлы держат две змеи в когтях (рис. 3 и 4).

Орел живет в небе и строит гнездо на самой высокой вершине гор, поэтому он считается воплощением бога неба и небесной силы (خسروی، 1391: 71). В древности считали, что борьба между птицей, летающей в воздухе, и рептилией, заползающей в подземные норы, олицетворяет войну противоборствующих сил мира (وارنر، 1386: 514). Символическое значение данной роли можно рассматривать как конфликт между добром и злом, небом и землей. В верованиях многих древних культур птицы и змеи соотнесены друг с другом и указывают на разделение неба и земли и образуют два противоположные полюса всего мира.

Двуглавый орел в иранском искусстве вызывает ассоциации с тканями, сотканными Дилмианом в исламскую эпоху. Эти ткани известны под названием «Монир Рази» и использовались в качестве саванов. Данная традиция сохранялась вплоть до эпохи Сельджукидов, которые переняли ее и распространили в Испании (рис. 8) (همکاران، 1402: 6 عبداللهی فرد و).

Анималистическими образами солнца в культе митраизма являются лев, орел, лошадь, рыба; а к его растительным изображениям можно отнести лотосы, восьмилепестковые, двенадцатилепестковые цветы, гранаты, трехцветковые или трехлистные кусты.

Орел — благородная, умная, стремительная и высоко парящая птица, превосходящая остальных пернатых своей величием и способностями, и его место — рядом с царями.

Рис. 3. Цивилизация Джирофт, одноглавый орел посуда из талькохлорита

Fig. 3. Civilization Jiroft, single-headed eagle soapstone dishes

Рис. 4. Цивилизация Джирофт, двуглавый орел посуда из талькохлорита

Fig. 4. Civilization Jiroft, double-headed eagle soapstone dishes

Изображения орла на лурестанской бронзе символизируют небесную мощь. В митраизме орел выступает как символ птицы Солнца, связанный с планетой Марс (لر، رسولی، 1389: 118 موسوی). Иранцы называли эту могущественную птицу «Шахин» — от слова «шах», означающего «королевский», что само по себе говорит о ее связи с королевской властью.

Рис. 5. Плитка с орнаментом орла (период Ахеменидов)

Fig. 5. Tiles with eagle design (Achaemenid period)

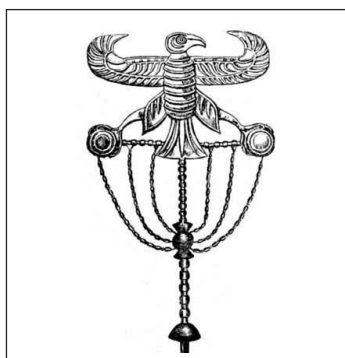

Рис. 6. Флаг Ахеменидов, Двуглавый орел. Источник: Esfandiari, (Karami: 2014)

Fig. 6. Achaemenid flag, Double-headed eagle. Source: Esfandiari, (Karami: 2014)

Рис. 7. Серебряная тарелка с символом двуглавого орла (период Сасанидов)

Fig. 7. Silver plate with double-headed eagle symbol (Sassanid period)

Важной характеристикой изображения орла являются широкие крылья, способные поднять любое существо в небо и доставить его в святое и божественное место. Отсюда, символ *орел* приобретает аспект *защиты*. Крыло — это главный атрибут, придающий каждому существу *сверхъестественный* и *божественный аспект*. Именно поэтому орел с распростертыми крыльями олицетворяет *божественность* (صادقی و همکاران، 272 :1400).

В легендах о сотворении мира *орел* играет роль посланника *Солнца*, который сотрудничает с Мехром (Митрой) в убийстве «первого быка» (509-510 :1396، یاحقی). В рельефах и печатях Месопотамии он присутствует в церемониях, связанных с вручением королевского знака.

Самый старый в мире флаг, возраст которого составляет 4500 лет, был обнаружен в Шахдаде. На нем изображен орел с распахнутыми крыльями. Наличие этого флага указывает на важное значение орла для жителей Центрального плато Ирана, цивилизации холмов Яхья, Джирофта и Шахдада (рис. 12) (22: 1397، طاهری).

Факторы, повлиявшие на изображение двуглавого орла в иранской культуре доисламского периода, можно обнаружить в мифологии, религии, народных верованиях и литературе. В иранской мифологии двуглавый орел символизирует таких легендарных птиц, как Хума (рис. 10) и Симург (мифологическая птица, обозначающая тридцать птиц, рис. 11), а также является символом Митры (Мехра). Варгана — священная птица в Авесте, играет важную роль в похоронных ритуалах, тем самым представляя идеи загробного мира, бессмертия и спасения. Она

Рис. 8. Ткань с двуглавым орлом, хранящаяся в Национальном музее Ирана

Fig. 8. Fabric with a double-headed eagle kept in the National Museum of Iran

служит защитником и покровителем царя и народа, носящих знак двуглавого орла. Кроме того, этот символ ассоциируется с королевской властью (و همکاران، 27: 1403 متولی).

Помимо льва, в Древней Персии почитался еще один бог солнца — Веретрагна (авест. Vərəθraϋna) / Бахрам, который мог принимать различные формы: а) человек с украшенным золотым мечом, напоминающим кинжал Мехра (Митры) в руке; б) белый конь с золотыми ушами и мечом в руках. Бог Солнца Бахрам всегда считался союзником и спутником бога Мехра (Митры) (114: 1389، موسوی لر، رسولی).

В Древней Персии орел являлся символом Бахрама, бога войны и мужества; в Греции он был символом верховного бога Зевса, а в Египте — бога Гора. Исследователи полагают, что использование образа орла на артефактах этих цивилизаций отражает взаимное влияние Ирана,

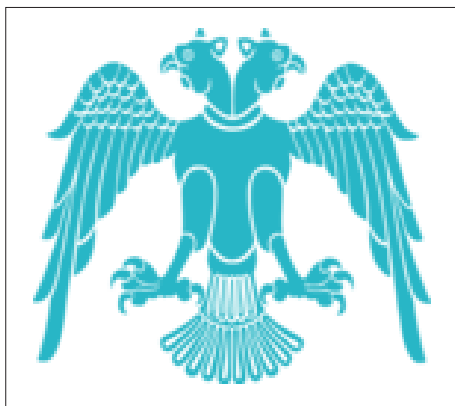

Рис. 9. Официальный герб Сельджукидов

Fig. 9. Official Seljuk coat of arms

Рис. 10. Изображение Хумы

Fig. 10. Image of Huma

Рис. 11. Изображение Симурга. Художник: Фархад Рафи

Fig. 11. Image of Simurgh. Artist: Farhad Rafii

Рис. 12. Первый железный флаг мира – Флаг Шахдад (Музей древности Ирана)

Fig. 12. The first iron flag of the world – Shahdad Flag (Museum of Iranian Antiquities)

Греции и Египта. Основная роль орла в каждой из этих цивилизаций связана с символикой и мифологией.

Веретрагна (авест. Vərəθraϋna) Победоносный — это бог войны и победы. Варган (сокращенная форма) — это имя птицы или животного, которое являлось символом Бахрама (بهرام Bahrām). Бахрам стал идеалом мужественности для иранцев благодаря своим многочисленным силам во всех аспектах. Он также имеет схожие черты с Vrtrahan ведийского Индры. Индийцы прославляют его как великого воина, любящего выпить. Первоначально этот индийский бог обладал более спокойным характером. Иранцы полюбили Индру за пристрастие к напитку хаомы (saoma). В ведийских текстах он упоминается как защитник от нашествий и атак, а также является богом войны у иранцев (34: 1391, روشنی نژاد). Поскольку он является богом войны и обладает отвагой и боевыми навыками, его изображение часто встречается на флагах.

Заключение

Этимологический анализ рус. «орел» и перс. عقاب ('uqāb) раскрывает многослойные культурные и лингвистические связи их архетипов. Семантика архетипов орла включает подъем, вознесение, стремительность, а также имеет символические ассоциации: 1) сила, власть, могущество; 2) связь с божественными или сверхъестественными силами; 3) воинственность и решительность.

Эти значения нашли свое отражение в мифах, фольклоре и культурных традициях многих народов, где орел выступает как символ царственности, воинской доблести и связи между землей и небесами.

Начало формирования международного символа орла с расправленными крыльями, который сегодня присутствует на флагах многих стран мира, а на некоторых изображениях имеет две головы, обращенные влево и вправо, уходит корнями в глубокое прошлое. Ранее считалось, что этот символ связан с месопотамской цивилизацией, однако после открытия древнего центра Джирофта в городе Керман выяснилось, что его происхождение уходит вглубь веков — около 3000 лет до н. э. Во-первых, в этом районе на изделиях из талькохлорита было обнаружено изображение двуглавого орла, а во-вторых, на вершине флагштока, найденного в Шахдаде (Джирофт), видна статуя орла с раскинутыми крыльями.

Символ орла в древнеиранской культуре непосредственно связан с представлением о птице солнца и культом митраизма. Раскрытые крылья и две головы, смотрящие в противоположные стороны, символизируют господство над Востоком и Западом, власть и силу. По нашему мнению, эмблема Льва с Солнцем, которая использовалась в иранской культуре после установления ислама (на флаге, стенах дворцов, монетах и т. п.), также является продолжением этой традиции и роли орла — птицы солнца.

Список источников

1. Potts D. T. "Total Presentation in Marhashi-Ur Relations", *Iranica Antiqua*, 2002. Vol. XXXVII, pp. 343–357.
2. Борисов И. В. Российская геральдика. Происхождение. История. Современность. М.: Эксмо, ОЛИСС, 2009. 208 с.
3. اسکندری، نصیر. ویداله، ماسیمو. مسگر، عبدالله. شفیع، مزگان. شہسواری، میثم. دوسہ. فرانسوا. عابدی، اکبر. انجم روز، سلمان. شہدادی، علی. تمدن جیروفت (بر اساس متون میخی بین النہرینی و کشفیات باستان شناختی در محوطہ های باستانی ورامین و کنار صندل جیروفت). فصلنامہ علمی تاریخ اسلام و ایران دانشگاه الزہرا. سال سی ام. دورہ جدی. شمارہ 47. پیاپی 137. پاییز 1399. صص 11-20.
4. رفیع فر. جلال الدین. فن آوری ساخت اشیاء در جیروفت. آینه خیال. فرهنگستان هنر. 1386. شماه 2. صص 46-47.
5. روشنی نژاد، محمدعلی. تثبیت جایگاه ایزد بہرام اسطوره جنگ پیش زرتشتی ایرانیان باستان در معارف زرتشتی. فصلنامہ علمی پژوهشی زبان و ادب فارسی «ادب و عرفان». بہار 1391، شمارہ 10. صص 34-50.
6. طاہری، صدرالدین. نشانہ شناسی پرندگان اساطیری در هنر و ادبیات ایران. زبان و گویش های ایرانی، آذر 1397. شمارہ 9. صص 19-36.
7. صادقی، سارا. جوانمردزادہ، اردشیر. خسروی، زینب. آیکونوگرافی و خوانش نگارہ عقاب در دوران ہخامنشی. مجلہ علمی اثر. 1400. 42 (3)، صص 260-280.
8. عبداللہی فرد، ابو الفضل. نامور مطلق، بہمن. خزایی، محمد، شمس، الہام. بررسی رابطہ بیش متنی نقش عقاب دوسر در دوران آل بویہ و ساسانی. دو فصلنامہ علمی نگارینہ هنر اسلامی. دورہ دہم، سال بیست و پنجم. بہار و تابستان 1402. صص 5-19.
9. متولی، محمد. قاضی زادہ، خشایار. افشاری، مرتضی. بازیابی بن مایہ و سیر تحول نقش عقاب دو سر در هنر ایران از دورہ باستان تا سلجوقی. مجلہ هنر و تمدن شرق. سال دوازدهم. بہار 1403. شمارہ 43. صص 18-29.
10. مجیدزادہ، یوسف. الواح جیروفت و خاستگاہ؛ نظام خط ایلامی. مجلہ انسان شناسی (نامہ انسان شناسی)، 1388: 2(10)، 97-126.
11. مجیدزادہ، یوسف. جیروفت. کهن ترین تمدن شرق. نامہ انسان شناسی. پاییز و زمستان 1382. دورہ اول، شمارہ چہارم. صص 197-208.
12. موسوی لر، اشرف السادات. رسولی، اعظم. بررسی نمودہای اساطیری خورشید و مهر در فرش دستباف ایران. گلجام. فصلنامہ علمی – پژوهشی انجمن علمی فرش ایران. تابستان 1389. شمارہ 16. صص 111-132.
13. وارنر، راکس. دانش نامہ اساطیر جہان. اسماعیل پور، ابوالقاسم. اسطوره. تہران: 1386
14. یاحقی، محمدجعفر. فرهنگ اساطیر و داستان وارہ ہا در ادبیات فارسی. تہران: فرهنگ معاصر. 1396

References

1. Potts, DT. "Total Presentation in Marhashi-Ur Relations", *Iranica Antiqua*, 2002. Vol. XXXVII, pp. 343-357.
2. Borisov IV. Russiskaia Geraldika. Proiskhozhdenieh. Istoria. Sovremennost=Russian Heraldry. Origin. History. Modernity]. M.: Eksmo. OLICC, 2009. 208 p. M.: Эксмо, ОЛИСС, 2009. 208 с. (In Russ.).
3. Eskandari Nasir. Vidale, Massimo. Mesgar, Ali Akbar. Shafiee, Mojgan. Shahsavari, Meysam. Desset, François. Abedi, Akbar. Anjamrouz, Salman. Shahdad, Ali. Tamadon-e Jiroft: bar asas-e mootoon-e mikh bei-nonahreini va kashfiat-e bastan-shenakhti dar mahvateh-haie bastani Varamin va Konad-Sandal = Jiroft Civilization: Based on the Cuneiform Texts and Archaeological Evidences from Varamin and Konar Sanda. *Quarterly Journal of History of Islam and Iran, Alzahra University*. 2020;30(47):11-20. (In Pers.).
4. Rafie-far Jalaleddin. Fan-avarie sakht-e ashia dar Jiroft = The technology of making objects in Jiroft. mirror of imagination Academy of Art. Aieneh Khial. Farhangestan-e Honar. 2007. Shomareh 2. Pp. 46-47. (In Pers.).
5. Roshani-nezhad Mohammad-Ali. Tasbit-e jaigah-e Izad Bahram – Ostooreh jang pish zartoshti Iranian Bastan dar maaref-e zartoshti = Consolidation of the position of the god Bahram, the pre-Zoroastrian war myth of ancient Iranians in Zoroastrian teachings. *Fasl-nameh Elmi-pazhooheshi zaban-va adab-e farsi Adab va erfān*. 2012;(10):34-50. (In Pers.).
6. Taheri, Sadreddin. Neshaneh-shenasi parandegan asatiri dar honar va adabiat Iran = Semiotics of mythological birds in Iranian art and literature. *Iranian language and dialects*, 2017. Number 9, pp. 19-36.
7. Sadeghi, Sara. Javanmardzadeh Ardeshr. Khosravi Zeinab. = Iconography and Reading of Eagle Painting during the Akhaemenid Period. *Journal of Athar*. 2021;42(3):260-280. (In Pers.).

8. Abdollahifard, Abolfazl. Namvar Motlagh, Bahman. Khazaie, Mohammad. Shams, Elham = An Analysis of Hypertextuality on Double –Headed Eagle in the Buwayhid and the Sassanid era. *Negarineh Islamic Art . Bi-annual Scientific Journal*. Volume 10. No 25. Spring and Summer 2023-2024. Pp. 5-19. (In Pers.).

9. Motevali, Mohammad. Afshari, Ghazi-zadeh. Khashaiar. Afshari, Morteza. Baziabi-e bon-maieh va seir-e tahavvol-e oghab-e do-sar dar honar Iran az doreh bastan ta saljooghi = Retrieving the motif and evolution of the double –headed eagle in Iranian art from ancient to Seljuk period. *Majaleh Honar va Tamadon-e shargh*. 2024;(43):18-29. (In Pers.).

10. Majid-zadeh, Usef. Alvah-e Jiroft va khastgah-e ; Nezam-e khat-e Elami. *Majaleh Ensan-shenasi*. (Nameh Ensan Shenasi) = Jiroft and origin tablets. *Elamite calligraphy system*. 2009;2(10):97-126. (In Pers.).

11. Majid-zadeh, Usef. Jiroft. Kohan-tarin tamadon-e shargh. *Nameh ensan-shenasi*. 2004. Doreh avval. No 4. Pp. 197-208. (In Pers.).

12. Moosavi-Lar, Ashraf-osadat. Rasooli, Azam. Barresi-e nemood-haie asatirie khorshid va mehr dar farsh-e dastbaf-e Iran = Investigating the mythological representations of the sun and seal in Iranian handwoven carpets. *Goljam. Fasl-nameh Elmi-Pazhooeshi Anjoman-e elmi-e Farsh-e Iran*. 2010. No 16. Pp. 111-132. (In Pers.).

13. Warner, Rez. *Danesh-nameh-ie Asatir-e Jahan = Encyclopedia of the world history*. Esmail-poor, Abolghasem. Tehran: Ostooreh. 2007. (In Pers.).

14. Yahaghi, Mohammad-Jafar . *Farhang-e Asatir va dastan-vareh-ha dar adabiat-e farsi = Culture of myths and stories in Persian literature*. Tehran: Farhang-e Moaser. 2017. (In Pers.).

Информация об авторах

А. Годрати — кандидат филологических наук, старший преподаватель русского языка.

С. Хазан-Кухпар — студент.

Information about the authors

A. Godrati — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Russian Language.

S. Khazaee Koohpar — student.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-110-118

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Анастасия Викторовна Кандыбина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, av.kandybina@mail.ru,
0000-0002-1073-2243

Аннотация. В настоящей работе представлена характеристика структурно-семантических и стилистических особенностей трансформированных паремий. В качестве объекта исследования выбраны антипословицы тематического поля «экономическая деятельность человека», извлеченные методом сплошной выборки из материалов сайтов юмористической направленности, детских порталов, образовательных сайтов. При интерпретации материала наряду с описательным методом используются метод структурно-семантического моделирования (реконструкция базовой композиции паремии), элементы метода контекстного анализа. В процессе исследования выявлены основные виды трансформации традиционных пословиц и поговорок: замена одного структурного компонента; замена двух структурных компонентов; замена тематически парных структурных компонентов; добавление структурного компонента. Рассмотрены активно функционирующие при образовании новых паремий структурные формулы: Каков [...], таков [...]; Мал [...], да [...]; Нет больше [...], чем [...]; Нет [...] — считай [...]; Без [чего-то] [что-то] не затевай; Любишь [...] — люби и [...]; Не тот [...], кто [...], а тот, кто [...]. Установлено наличие семантических модификаций, изменяющих смысловое наполнение антипословиц при помощи использования таких ключевых лексем, как «рубль», «доллары», «тысячи», «деньги», «бизнес», «заказчик», «реклама» и др. Описаны особенности механизма отражения мировоззрения современного носителя языка в преобразованных пословично-поговорочных выражениях. Выделены наиболее значимые сферы экономической жизни современного общества, среди которых особое место занимает бизнес, маркетинг и менеджмент. Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью изучения паремий-трансформ как маркеров национально-культурного кода русского этноса. Специфика употребления, выполняемые роли и функции данных единиц позволяют говорить о продолжении традиций народного творчества в контексте современной информационной среды. В данном аспекте медийный дискурс служит основным проводником и транслятором новых паремичных выражений.

Ключевые слова: паремия, антипословица, когнитивная лингвистика, паремиология, медийный дискурс

Для цитирования: Кандыбина А. В. Функционально-семантические возможности трансформированных паремий русского языка: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 110–118. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-110-118.

Original article

FUNCTIONAL AND SEMANTIC POSSIBILITIES OF RUSSIAN ANTI-PROVERBS: COGNITIVE AND DISCURSIVE ASPECT

Anastasia V. Kandybina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, av.kandybina@mail.ru, 0000-0002-1073-2243

Abstract. This paper presents a description of the structural, semantic and stylistic features of transformed proverbs. As an object of research, the anti-proverbs of the thematic field “human economic activity” were selected, extracted by a continuous sampling method from the materials of humorous sites, children’s portals, and educational sites. In interpreting the material, along with the descriptive method, the method of structural and semantic modeling (reconstruction of the basic composition of the proverb), elements of the contextual analysis method are used.

In the course of the research, the main types of transformation of traditional proverbs and sayings are revealed: replacement of one structural component; replacement of two structural components; replacement of thematically paired structural components; addition of a structural component. Structural formulas that are actively functioning in the formation of new paroemias are considered: As [...], so is [...]; Small [...], but [...]; There is no more [...] than [...]; No [...] — consider [...]; Without [something] [something], don't start; If you love [...], love [...]; Not the [...] who [...], but the one who [...]. The presence of semantic modifications that change the semantic content of anti-proverbs by using such key lexemes as «rubles», «dollars», «thousands», «money», «business», «customer», «advertising» has been established. The features of the mechanism of reflecting the worldview of a modern native speaker in anti-proverbs are described. The most significant spheres of economic life of modern society, among which business, marketing and management occupy a special place, are highlighted. The relevance of the undertaken research is due to the need to study paroemic transformations as markers of the national cultural code of the Russian ethnos. The specifics of use, the roles and functions of these units allow us to talk about the continuation of the traditions of folk art in the context of the modern information environment. In this aspect, media discourse serves as the main translator of new paroemic expressions.

Keywords: paroemia, anti-proverbs, cognitive linguistics, paroemiology, media discourse

For citation: Kandybina AV. Functional and Semantic Possibilities of Russian Anti-Proverbs: Cognitive and Discursive Aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496)):110-118. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-110-118.

Введение

Специфика формирования идиоматических выражений обуславливает интерес ученых к исследованию данных единиц в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы филологического знания. Стремление носителя языка создать емкий и точный образ объясняется особенностями мыслительной деятельности человека, его сознанием. Именно элементы паремиологического фонда наиболее ярко отражают результат когнитивных процессов, базирующихся на обобщенности знаний и фактов окружающего мира. По утверждению А. А. Константиновой, «паремия обладает информативностью, что относит ее к разряду когнитивных образований, т. к. она связана с познавательной и интерпретационной деятельностью человека и с фиксацией определенных структур знания» [11. С. 309]. Любые значимые события и явления, базовые чувства и эмоции, характерные взаимосвязи и отношения находят отражения в пословицах, поговорках, приметах, фразеологизмах и др.

Разнообразные и всеобъемлющие ситуации внеречевой действительности свертываются в лаконичные когнитивные «сгустки» и закрепляются в сознании человека как готовые к речевому употреблению клише. Носитель языка имеет четкое представление о том, в каких конкретно условиях применить ту или иную паремию, что позволяет говорить о прецедентном потенциале паремичных единиц. Н. Н. Семенович подчеркивает, что «внутренняя форма пословиц является не просто образом, основанным на представлении о ряде типовых денотатов в их связях и взаимовлиянии, а отражением прототипичес-

кой ситуации, которая обычно представляется с помощью произвольно выбранных прагматически значимых реалий, получивших в языке прямое или метафорическое выражение» [21. С. 20]. Такие прототипические ситуации дают представление о существенных «осколках» реальности, которые отражают проблемные поля жизни типичного представителя того или иного этноса.

Паремии аккумулируют и передают последующим поколениям этнический опыт, извлекаемый из окружающего мира носителями языка в ходе постоянных наблюдений. Такие традиционные единицы обладают неоспоримым авторитетом в народной среде и не требуют подтверждения. Отдельные авторы используют «термин *культурный трюизм*, имея в виду пословицу, которой говорящий стремится подкрепить своё мнение, эксплуатируя авторитет традиционности» [20. С. 28]. Устойчивость и стабильность в данном отношении служат залогом узнаваемости и общепризнанности паремий. Однако невозможно игнорировать тот факт, что паремичные единицы могут подвергаться изменениям, особенно в современных условиях.

Ряд ученых активно занимается решением проблем варьирования и трансформации различных видов идиоматических выражений: фразеологизмов [1], пословиц и поговорок [3; 9], примет [22], загадок [16] и др. Актуальность подобного рода исследований подтверждается необходимостью трактовки и систематизации новых языковых единиц, появившихся под воздействием экстралингвистических факторов. Социально-исторические процессы, происходившие на рубеже XX–XXI вв., оказали влияние на привычный образ жизни

русского человека, внесли новые реалии в общественную жизнь, изменили мировоззрение типичного представителя социума. Языковая система как быстро реагирующий на внешние изменения механизм допустила возможность преобразования устойчивых, казалось бы, неизменяемых народных формул. В результате появилось явление, получившее название «трансформированная паремия» (в других терминологиях «антипословица», «паремия-трансформ», «новая паремия» и пр.) [4; 5]. Вслед за В. М. Мокиенко и Х. Вальтером принято считать, что антипословица представляет собой трансформированную версию традиционной паремии, что может выражаться в структурно-семантическом варьировании [18. С. 87].

Создание паремий-трансформ оправдано стремлением носителя языка отразить «живые», свежие мысли и идеи, «закрепить» в памяти значимые моменты современной жизни. Поскольку человек общества информационной культуры значительную часть времени проводит в интернет-пространстве, благоприятной площадкой для формирования и распространения новых паремий становится медийный дискурс. Как замечают В. С. Джабраилова и М. П. Фомичева, «по сравнению с другими типами дискурса в социуме чаще всего проявляет себя медиадискурс, в настоящее время представленный, главным образом, сетью Интернет, и это не случайно» [8. С. 2]. Именно интернет-коммуникация поддерживает тенденцию к демократизации языка, которая дает возможность при помощи игрового элемента, иронии, сарказма, метафоризации сконструировать особые воздействующие на других пользователей коммуникативные единицы. Неслучайно внимание современных ученых-лингвистов привлекает нестандартный материал, извлекаемые из информационной среды: блоги [14], группы и сообщества [12], электронные письма [23], статусы в социальных сетях [17], чаты в мессенджерах [6] и т. д. Особую популярность сегодня приобретает исследование интернет-мемов, причиной чего «является быстрое распространение данного феномена в рамках сетевого взаимодействия» [13]. Кроме того, виртуальное общение дает большую степень свободы участникам коммуникации, что часто приводит к выражению субъективного мнения при помощи индивидуальных языковых новообразований.

Благодаря тому, что «интернет-коммуникация — это постоянно развивающийся процесс с непредсказуемыми последствиями и огромным количеством вариантов для преобразования», ге-

нерация современных паремий осуществляется быстрыми темпами [2. С. 423]. Обычно паремические трансформы концентрируются на сайтах с юмористической направленностью¹, поскольку представляют собой материал, отражающий основные животрепещущие темы современности, которые, в свою очередь, служат поводом для создания шуточных высказываний. Однако не менее активно функционируют на детских порталах², а также образовательных сайтах³. Несмотря на ироничный оттенок и значительные изменения в составе, новые паремии «возвращают» читателя к исходному варианту пословиц и поговорок. Ведущей целью нашего исследования является описание основных разновидностей трансформации традиционных паремичных единиц и изучение их структурно-семантических особенностей.

Репрезентация экономической сферы деятельности человека в новых паремиях

Жизнь современного человека неразрывно связана с хозяйственно-экономическим пространством: деньгами, продажами, бизнесом, рекламой и т. д. В связи с этим тематическое поле паремий, посвященных данной проблематике, является обширным. В целом, вопрос богатства и материального достатка на любом этапе развития общества волновал умы людей, так как «в рамках общепринятых представлений уровнем достатка оценивается успешность и степень реализации заложенных в каждом индивиде природных и социально приобретенных возможностей» [10. С. 27]. В 90-е гг. XX в. переход к рыночной экономике послужил опорной точкой развития предпринимательства в нашем государстве, что повлекло за собой возникновение новых для российской действительности понятий. В сознании русского человека стали закрепляться представления об основных элементах бизнеса, о денежных операциях, о способах быстрого (но иногда незаконного) накопления материальных средств и т. д. Произошло так называемое «разрушение обыденной экономической культуры нации, подмена её «чужеродной» экономической культурой» [7. С. 29]. В результате общеизвестные пословицы и поговорки о богатстве и бедности постепенно начали уступать место новым паремиям, значение которых

¹ Citatyok. URL: <https://citatyok.ru/poslovitci/new.html> (дата обращения 09.02.2023).

² Хобобо. URL: <https://www.hobobo.ru/poslovitsy-i-pogovorki/sovremennye-poslovitsy/> (дата обращения 09.02.2023).

³ Тайны языка. URL: <http://tayny-yazyka.ru/index.php?id=1411> (дата обращения 09.02.2023).

сформировалось вокруг слов, обозначающих реалии экономической жизни общества.

Понятие «деньги» является универсальным в системе материальных ценностей как каждого отдельного индивида, так и всего социума в целом. Неслучайно оно лежит в основе лексико-семантического поля «деньги», которое «в русском языке состоит из двух подполей: 1. «деньги как денежные знаки»; 2. «деньги как денежные средства, финансы» [19. С. 121]. Ключевые лексемы, отражающие первое подполе, представлены следующими вариантами: *рубли, доллары, тысячи*. Антипоговорка *Бог не нищий, любит тыщу* представляет собой травестирование паремии *Бог не дурак, любит пятак*. В данном случае трансформация произошла путем **замены двух структурных компонентов**, что повлияло на изменение оттенка смысла, но не затронуло устойчивую структурную организацию исходной единицы. Подобные примеры нередко можно обнаружить среди преобразованных паремий. Например, к общеизвестной поговорке *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* дает отсылку новая паремичная единица *Не имей сто рублей, а имей сто долларов*, которая репрезентирует представление русского человека о большей ценности иностранной валюты по сравнению с российским рублем. В данном случае происходит **замена одного структурного компонента**, при этом для создания мелодичной рифмы специально используется ошибочная с грамматической точки зрения форма *долларей* вместо правильной *долларов*. Аналогичная ситуация наблюдается и в первой приведенной нами антипоговорке, где единица *тыща* отображает особенности просторечного произношения, что выгодно используется для рифмовки со словом *нищий*. Такие наблюдения позволяют подтвердить тезис о том, что традиционные и новые паремии имеют единую среду формирования, поскольку разговорно-просторечные конструкции отражают живую речь.

Второе подполе представлено лексемами *деньги* и *бюджет*, которые обозначают определенную степень дохода и уровень благосостояния: *Не в деньгах счастье, а в их количестве*. Традиционная паремия *Не в деньгах счастье* **приобретает дополнительный структурный компонент**, что полностью меняет смысловую структуру поговорки: трансформированная паремия становится антиномичной по отношению к исходной единице. Таким способом проявляются актуальные в современном мире представления о главенствующей роли материальных благ в жизни людей.

Деньги как движущий фактор определяют успешность бизнеса: *Каков бюджет — таков сюжет; Бодливому заказчику Бог бюджета не дал; Мал бюджет, да дорог*. В представленных паремиях слово бюджет употреблено в значении *финансирование*. Наличие определенного количества денежных средств для реализации того или иного проекта детерминирует ход работы, поэтому *бюджет* как ключевое слово фиксируется в семантике современных поговорок и поговорок. Интересно, что оно гармонично встраивается в такие характерные для русского паремиологического фонда структурные композиции, как *Каков [...], таков [...]* (*Каков отец, таков сын*); *Мал [...], да [...]* (*Мал клоп, да вонюч*). Кроме того, рассматриваемая лексема может вытеснять другие единицы из состава устойчивых выражений. Например, *Бодливому заказчику Бог бюджета не дал* вместо *Бодливой корове Бог рог не дал*. В данном примере происходит **замена тематически парных структурных компонентов**, то есть группа *корова — рог* уступает место группе *бюджет — заказчик*. Хотя сочетание *бодливая корова* употребляется в прямом значении, *бодливый заказчик* приобретает переносный смысл, который носитель языка ясно осознает при сопоставлении антипоговорки с традиционной паремией.

В категорию антипоговорок, включающих в свой состав лексемы, выходящие за пределы литературного языка, следует отнести такие единицы, как *Нет больше сраму, чем жмотиться на рекламу, Невернул кредита — считай рожа бита*. В обоих случаях нет прямого прототипа среди традиционных единиц паремиологического фонда русского языка. Тем не менее, прослеживается узнаваемая формальная композиция. Устойчивые формулы *Нет больше [...], чем [...]* (*Нет больше позора, чем не выполнить уговора*) и *Нет [...]* — *считай [...]* (*Нет ума — считай калека*) наполняются актуальным для современной эпохи содержанием. Последняя формула приобретает вариативность, поскольку первая часть преобразуется, а вторая остается неизменной. В первом случае происходит контаминация разговорных (*срам*) и просторечных (*жмотиться*) элементов, наравне с которыми используется нейтральная лексическая единица *реклама*, означающая одно из явлений экономической сферы деятельности: «широкое оповещение о потребительских свойствах товаров и различных видах услуг с целью создания спроса на них»⁴. Аналогичный процесс

⁴ Реклама. Словарь русского языка, гл. ред. А. П. Евгеньев. Т. 3: П–Р. М.: Рус. яз., 1987. С. 702

представлен и во второй паремии, где различные по стилистической окраске единицы *кредит* и *рожа* находятся в отношениях совместного функционирования.

Особый интерес представляют новые паремии, которые репрезентируют противоположные представления и взгляды. Например, в русской лингвокультуре вопрос об успешности бизнеса обычно объясняется либо аналитическими способностями предпринимателя, либо наличием покровительства. Первая ситуация отражается в пословице *Без аналитики бизнеса не затевай*, где снова представлен структурный прототип *Без [чего-то] [что-то] не затевай*; вторая — в пословице *Крыша есть, ума не надо (Сила есть, ума не надо)*. В данном случае показательное ключевое слово *крыша* («прикрытие от рэкета, мафии»⁵), которое с высокой точностью транслирует саркастически-негативное отношение типичного русского человека 90-х гг. XX в. к новому на тот момент явлению.

Сегодня значительный пласт лексики, участвующей в формировании смысла новых паремий, заимствован из маркетинговой сферы, поскольку в обществе потребления продвижение разнообразных товаров становится одним из центральных векторов экономической деятельности. В этом плане показательна антипословица *Кому маркетинговая война, а кому мать родна*, построенная по принципу **добавления структурного компонента** в паремию *Кому война, а кому мать родна*. Этот пример показателен с точки зрения семантического трансформирования: суть осталась прежней («любое неприятное событие может быть кому-то выгодно»), но появился уточняющий элемент. Конкретное явление направило смысл данной паремии на определенный круг людей, потому что маркетинговая война как «вербально-визуальное соперничество одного или нескольких брендов в рекламном пространстве с целью утверждения своего превосходства» приносит реальный доход специалистам в сфере рекламы и маркетинговых коммуникаций [15. С. 106].

Отдельного комментария требуют те антипословицы, которые обладают узнаваемой устойчивой формой, но «впускают» в свою семантическую структуру специальные профессиональные слова и словосочетания, отражающие современные понятия. Это придает в определенной мере ироничный оттенок готовым пословицам и пого-

воркам. Например, новая паремия *Каждый сверчок — знай свое позиционирование в своем общепринятом варианте* *Каждый сверчок — знай свой шесток* опирается на логичный факт природного мира, который метафорически переосмысливается и переносится на реальные ситуации жизни человека. В трансформированном виде *шесток* заменяется *позиционированием*, что приводит к функционированию в рамках одной паремичной единицы двух трудносовместимых лексических элементов. Происходит нарушение лексической сочетаемости, поскольку термин, обозначающий инструмент брендинга, в данном случае относится к насекомому. Однако первая часть паремии *Каждый сверчок* в традиционной пословице обозначает отношение к определенному человеку или группе людей, которые упоминаются в процессе коммуникации. Этот смысл сохраняется и в антипословице, поэтому изменение второй части воспринимается носителем языка как вполне закономерное. В связи с этим преобразованная паремия обладает не такими широкими возможностями речевого употребления, как её общеизвестный аналог, и ограничивается коммуникацией в экономической сфере.

Обособленную группу антипословиц составляют новые паремии, связанные с профессиональной деятельностью контент-менеджеров, графических дизайнеров, аккаунт-менеджеров. Среди структурных особенностей следует отметить интерес к формуле *Любишь [...] — люби и [...]*: *Любишь играть шрифтами — люби и дизайнера кормить*; *Любишь медок — люби и коэффициент за срочность*. В данных примерах отражается целая ситуация, репрезентирующая типичные отношения между заказчиком и исполнителем: любая просьба выполняется за установленную плату. Снова подтверждается мысль о том, что новые пословицы соединяют в своем составе стилистически неравноправные элементы (к лексеме *медок*, имеющей разговорный оттенок, прикрепляется экономический термин *коэффициент за срочность*).

В антипословице *Комментируй своих, чтобы чужие боялись (Бей своих, чтобы чужие боялись)* происходит **замена одного структурного компонента**, который несет основную смысловую нагрузку. Важно отметить, что данная паремия зафиксирована с пометой «пословица аккаунт-менеджеров», что характеризует среду формирования и функционирования этой единицы. Свободное совмещение лексем *комментируй* и *боялись* указывает, что в медиадискурсе комментарий

⁵ Крыша. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов, гл. ред. Т.Г. Никитина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 290.

приравняется по силе влияния к физическому воздействию и дает возможность манипулировать пользователями интернет-пространства. Данный пример демонстрирует, как одно слово современной эпохи способно адаптировать традиционную паремию к условиям активной речевой практики сегодняшнего дня. Подобная трансформация проявляется и в антипословице *Ласковый слоган и кошке приятен* (*Ласковое слово и кошке приятно*), где слово *слоган* активизирует в памяти представления о рекламных текстах, которые должны оказывать положительное влияние на всех потенциальных потребителей. Семантический компонент всеобщности не теряется, не сужается в новом контексте, а, наоборот, выдвигается на первый план.

Общие закономерности предпринимательской деятельности отражают такие паремии-трансформы, как *Не тот богат, кто цены накручивает, а тот, кто сделки прокручивает; Ни в сказке сказать, ни в налоговой объяснить*. В первой антипословице реализуется базовая формула *Не тот [...], кто [...], а тот, кто [...]* (*Не тот друг, кто на празднике гуляет, а тот, кто в беде помогает*). Семантическая структура строится вокруг терминов *цены* и *сделки*, входящих в состав разговорных словосочетаний *накручивать цены* и *прокручивать сделки*. Вторая антипословица образована по аналогии общеизвестной паремии *Ни в сказке сказать, ни пером описать*, которая употребляется в ситуациях необходимости прокомментировать какое-то необычное, сверхъестественное событие. Однако в трансформированном виде происходит изменение смысла, поскольку, например, по вполне понятным причинам владелец бизнеса намеренно скрывает большие доходы и пытается имитировать искреннее непонимание происходящего. В данном случае ирония становится средством речевого воздействия и нейтрализует, «смягчает» неприятный эффект от негативной оценки.

Результаты

Анализ представленного материала показал, что трансформированные паремии могут образовываться по традиционной модели. Среди обнаруженных нами структурных формул распространены следующие: *Каков [...], таков [...]; Мал [...], да [...]; Нет больше [...], чем [...]; Нет [...] — считай [...]; Без [чего-то] [что-то] не затевай; Любишь [...] — люби и [...]; Не тот [...], кто [...], а тот, кто [...]*. Привычная композиционная организация выполняет роль своеобразного культурного маркера, который позволяет идентифициро-

вать типичное для паремиологического фонда русского языка идиоматическое выражение. Однако лексические единицы как элементы, формирующие смысловое наполнение паремии, в рассматриваемых примерах отражают реалии современного мира. Сегодня терминологическая база экономической сферы настолько проникла в обыденную жизнь, что в речи любого носителя русского языка можно обнаружить такие слова, как *кредит, бюджет, позиционирование, слоган, цена, сделка* и т. д. Такая интеграция традиционной структуры и новой лексики репрезентирует народное творчество в постоянном развитии. Это служит неиссякаемым источником пополнения паремиологического фонда русского языка; демонстрирует, что общеизвестные пословицы и поговорки не теряют актуальность, а служат фундаментом для создания новых устойчивых единиц.

Помимо описанного выше существуют и иные способы трансформации антипословиц. Нами были выделены такие варианты преобразования, как:

замена одного структурного компонента: *Не имей сто рублей, а имей сто долларов* (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*);

замена двух структурных компонентов: *Бог не нищий, любит тыщу* (*Бог не дурак, любит пятак*);

замена тематически парных структурных компонентов: *Бодливому заказчику Бог бюджета не дал* (*Бодливой корове Бог рог не дал*);

добавление структурного компонента: *Кому маркетингова война, а кому мать родна* (*Кому война, а кому мать родна*).

В результате указанных способов трансформации происходят семантические изменения смысла паремий. Несмотря на то, что обычно новая лексическая единица вносит уточнение и указывает на определенную сферу жизни человека, антипословица может сохранить преобладающий элемент значения. Например, в случае с варьированием пословицы *Ласковый слоган и кошке приятен* (*Ласковое слово и кошке приятно*) обнаруживается семантический компонент тотальности, как и в традиционном аналоге. Однако выявлены примеры преобразований, при которых смысл полностью меняется и даже становится противоположным: *Не в деньгах счастье, а в их количестве* (*Не в деньгах счастье*). Кроме того, удалось выявить примеры сужения значения, когда употребление паремии ограничивается какой-либо сферой: *Каждый сверчок — знай свое позиционирование*. В исходном варианте *Каждый сверчок — знай свой шесток* нет отнесенности к конкретному роду деятельности.

Стилистической особенностью паремий-трансформ является совмещение неравноправных по своей коннотативной окраске языковых единиц. Лексемы, имеющие нейтральный статус, вступают в сочетание с разговорно-просторечными лексемами: *Нет больше сраму, чем жмотиться на рекламу, Не вернул кредита — считай рожу бита*. Грубая, вульгарная лексика выступает в качестве показателя живой бытовой речи народа, что указывает на активное формирование и использование пословично-поговорочных выражений в различных видах дискурса. В интернет-коммуникации обращение к подобным высказываниям часто объясняется анонимностью пользователей, которая дает возможность свободно высказать собственное мнение. Однако прямой смысл в антипословицах может быть завуалирован при помощи таких средств, как ирония и сарказм: *Ни в сказке сказать, ни в налоговой объяснить; Крыша есть, ума не надо*. Это дает возможность воздействовать на аудиторию, заинтересовать пользователей. В этом аспекте паремии-трансформы сближаются с типичными представителями паремиологического фонда, «преследуя ту же цель, что и пословицы — убедить читателей, зрителей или собесед-

ников в правильности любого суждения с минимальными языковыми затратами» [24. С. 181].

Заключение

Создание лаконичных, но наполненных смыслами паремичных единиц базируется на обобщении фактов окружающего мира. Мировоззрение современного человека отражается в трансформированных паремиях, механизм производства которых объясняется когнитивными процессами. Несмотря на изменения социальных, экономических и политических условий жизни, в русской лингвокультуре сохраняется интерес к народному творчеству.

Антипословицы образуются на базе традиционных устойчивых структур, но наполняются актуальным содержанием. В связи с этим шуточный компонент значения постепенно исчезает и новые паремии приобретают уже дидактическую функцию, что позволяет говорить о них как о неких правилах поведения в условиях современного социума. Не исключено, что в будущем паремии-трансформы заменят привычные общеизвестные пословицы и поговорки. Особую реалистичность такое предположение получает в рамках интернет-пространства, где уже сегодня можно найти своеобразные «хранилища» антипословиц.

Список источников

1. Аймагамбетова М. М. К вопросу о классификациях трансформации фразеологизмов // Архивариус. 2016. № 2 (6). С. 64–68.
2. Беловская А. С. Интернет-коммуникация как феномен современной культуры. Национальные культуры в межкультурной коммуникации: V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 31 марта 2020 г.) Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 421–429.
3. Бондаренко Н. Г. Видоизмененные пословицы и поговорки в заголовках на страницах современных газет. Современная филология: I Междунар. науч. конф. (Уфа, апрель 2011 г.) Уфа: Лето, 2011. С. 236–239.
4. Васильева К. Н. Здоровье человека в русских современных паремиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 4. С. 137–141.
5. Васильева К. Н. Русские антипословицы о COVID-19 в виртуальном пространстве: приемы структурных окказиональных преобразований // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 4. С. 123–126.
6. Голошубина О. К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник ОмГУ. 2015. № 1 (75). С. 208–212.
7. Горшков А. В. Русские пословицы и поговорки как выражение национальной экономической культуры // Вестник ЧелГУ. 2011. № 36. С. 28–30.
8. Джабраилова В. С., Фомичева М. П. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 46–3. С. 56–61.
9. Ефимова С. В. Типы индивидуально-авторских трансформаций пословиц и поговорок // Русистика. 2009. № 3. С. 88–92.
10. Кандыбина А. В. Структурно-семантические характеристики русских и чешских паремий в рамках универсальной антиномии «богатство-бедность» // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 74–4. С. 26–30.
11. Константинова А. А. Паремии в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 307–314.

12. Крылова М. Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 128–137.
13. Милованова М. В., Терентьева Е. В. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 4. С. 58–66.
14. Милованова М. В., Терентьева Е. В. Русскоязычные политические блоги как актуальная практика протестной коммуникации: системно-коммуникативные измерения // Научный диалог. 2020. № 6. С. 101–116.
15. Мирошниченко Г. А. Рекламные войны: специфика дискурса // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 4. С. 106–111.
16. Насыбулина А. В. Современные трансформации русских загадок // Вестник КГУ. 2008. № 1. С. 156–160.
17. Непомнящих Е. А. Тексты-статусы в социальных сетях России и Кореи как субжанр веб-сети // Вестник КемГУ. 2018. № 1 (73). С. 213–220.
18. Никитина Т. Г. Новый «статус» русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 87–89.
19. Оленева П., Литовкина А. Деньги в русских антипословицах // Studia Slavica Hung. 2021. № 6. С. 115–133.
20. Паремология без границ, ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М.: РУДН, 2020. 244 с.
21. Семененко Н. Н. Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. № 2 (10). С. 17–23.
22. Симашко Т. В. Приметы в современном дискурсе: воспроизводимое и производимое // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2012. № 4–2. С. 470–475.
23. Смирнова В. Н., Горбунова В. С., Гулами З. Н. Лексические и синтаксические особенности англоязычного делового e-mail // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5 (6). С. 273–277.
24. Тимирязева К. Р. Система ценностей «Деньги» в антипословицах русского и английского языков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 10. С. 180–182.

References

1. Ajmagambetova MM. On the classification of transformation of phraseological units. *Arhivarius = Archivist*. 2016;(2):64-68. (In Russ.).
2. Belovskaja AS. Internet communication as a phenomenon of modern culture. *Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii = National Cultures in Intercultural Communication: V International Scientific and Practical Conference*. 31 March 2020, Minsk, Republic of Belarus. Minsk: Belarusian State University; 2020. P. 421-429. (In Russ.).
3. Bondarenko NG. Modified proverbs and sayings in the headlines on the pages of modern newspapers. *Sovremennaja filologija = Modern Philology: I International Scientific Conference*. 20-23 April 2011, Ufa, Russia. Ufa: Leto; 2011. Pp. 236-239. (In Russ.).
4. Vasil'eva KN. Russian anti-proverb about covid-19 in the virtual space: techniques for occasional structural transformations. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki = Modern Science: topical problems of theory and practice*. 2021;(4):137-141. (In Russ.).
5. Vasil'eva KN. Human health in modern proverbs. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki = Modern Science: topical problems of theory and practice*. 2022;(4):123-126. (In Russ.).
6. Goloshubina OK. The speech genre “conversation in the messenger” as a specific genre of internet communication. *Vestnik OmGU = Herald of Omsk University Vestnik OmSU*. 2015;(1):208-212. (In Russ.).
7. Gorshkov AV. Russian proverbs and sayings as an expression of national economic culture. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011; (36):28-30. (In Russ.).
8. Dzhabrailova VS, Fomicheva MP. Media discourse as an object of linguistic research. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija = Trends in the development of science and education*. 2019;46(3):56-61. (In Russ.).
9. Efimova SV. Author's proverb transformation types. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2009;(3):88-92. (In Russ.).
10. Kandybina AV. Structural and semantic characteristics of Russian and Czech paroemias within the framework of the universal antinomy “wealth-poverty”. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija = Trends in the development of science and education*. 2021;74(4):26-30. (In Russ.).
11. Konstantinova AA. Paroemias in the light of cognitive-discursive paradigm in linguistics. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University*. 2014; (3):307-314. (In Russ.).

12. Krylova MN. Language of modern internet communication (on the material of the intellectual content of the social network “vkontakte”). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;(1):128-137. (In Russ.).
13. Milovanova MV, Terent'eva EV. Internet memes as a relevant phenomenon of political internet communication in Russia. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Science*. 2022;(4):58-66. (In Russ.).
14. Milovanova MV, Terent'eva EV. Russian political blogs as relevant practice of protest communication: systemic-communicative dimensions. *Nauchnyj dialog = Russian Education and Society*. 2020;(6):101-116. (In Russ.).
15. Miroshnichenko GA. Advertising war: the specifics of discourse. *Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2013;(4):106-111. (In Russ.).
16. Nasybulina AV. Modern transformations of Russian riddles. *Vestnik KGU = Bulletin of KSU*. 2008;(1):156-160. (In Russ.).
17. Nepomnjashhih EA. Status texts in Russian and Korean social networks as a subgenre of internet communication. *Vestnik KemGU = Bulletin of Kemerovo State University*. 2018; (1):213-220. (In Russ.).
18. Nikitina TG. The new “status” of the Russian antiproverbs. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of NSU*. 2014;(77):87-89. (In Russ.).
19. Oleneva P, Litovkina A. Money in Russian Anti-Proverbs. *Studia Slavica Hung*. 2021;(6):115-133. (In Russ.).
20. Bredis MA, Lomakina OV. (eds) Paremiologija bez granic = Paremiology without limits. Moscow: RUDN; 2020. 244 p. (In Russ.).
21. Semenenko NN. Precedent potencial of paremies as an issue of semantic research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. Science Journal of VolSU*. 2009;(10):17-23. (In Russ.).
22. Simashko TV. Omens in the modern discourse: the reproductive and the creative. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University*. 2012;(4-2):470-475. (In Russ.).
23. Smirnova VN, Gorbunova VS, Gulami ZN. Lexical and syntectic characteristics of the English bussines e-mail. *Bjulleten' nauki i praktiki = Bulletin of science and practice*. 2016;(5):273-277. (In Russ.).
24. Timirjashheva KR. The value “money” in the Russian and English languages. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki = Modern Science: topical problems of theory and practice*. 2022;(10):180-182. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Кандыбина — аспирант 1 года обучения направления подготовки 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Information about the author

A. V. Kandybina — 1st year postgraduate student in the direction of training 5.9.8. “Theoretical, applied and comparative linguistics”.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42:124.5:2-423.7=161.1=112.2

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-119-127

ПОНЯТИЕ «ДОБРО»/«ДОБРЫЙ» КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЯДРА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «МОРАЛЬ» В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Людмила Алексеевна Пасечная¹, Галина Сергеевна Стрнадюк^{2*}

¹Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, lyudmila-pasechnaya@yandex.ru

²Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, light63@mail.ru, 0000-0002-2522-3791

Аннотация. В данной статье раскрывается структура и компоненты содержания русскоязычного и немецкоязычного лингвокультурного концепта «Мораль». Мораль как нравственная категория на современном этапе развития общества нуждается в анализе и характеристике в сопоставлении немецкого и русского языков в качестве целостных концептуальных моделей языкового сознания представителей русской и немецкой лингвокультур, что определяет актуальность исследования. Теоретико-методологической базой данного исследования являются достижения теории межкультурной коммуникации; лингвоконцептологии, лингвокультурологии, сравнительной лингвистики. Целью исследования является характеристика ядерных элементов «добро, добрый» и «Güte, gutherzig» лингвокультурных русскоязычного и немецкоязычного концептов «Мораль» на основе анализа семантического значения; этимологического значения; ассоциативного значения; контекстного лингвокультурного значения; ценностно-маркированных высказываний. Научной проблемой исследования является сопоставление лингвокультурных концептов в русской и немецкой картинах мира в качестве целостных концептуальных моделей языкового сознания представителей русской и немецкой лингвокультур. Материалом исследования послужили двуязычные, синонимические, толковые, этимологические словари, тексты художественных произведений русской и немецкой литературы; философские и религиозные произведения русских и немецких учёных. Авторами анализируются содержательное наполнение структур русскоязычного и немецкоязычного лингвокультурных концептов «Мораль», в частности ядра концепта. В результате анализа ядерных элементов «добро, добрый» и «Güte, gutherzig» лингвокультурных русскоязычного и немецкоязычного концептов «Мораль» выявлено следующее: ядерные компоненты русскоязычного концепта «Мораль» представлены лексическими единицами, которые в процессе анализа семантического значения; этимологического значения; ассоциативного значения; контекстного лингвокультурного значения; ценностно-маркированных высказываний раскрываются как высшая божественная ценность в человеческой жизни; добро соответствует таким понятиям как счастье, любовь и свобода. Соответственно, ядерные компоненты немецкоязычного концепта «Moral» имеют предметное, прагматическое наполнение в виде материальных ценностей представителей немецкой лингвокультуры.

Ключевые слова: картина мира, лингвокультурный концепт, моральные качества, ядро концепта, добро, добрый

Для цитирования: Пасечная Л. А., Стрнадюк Г. С. Понятие «добро/добрый» как составная часть ядра лингвокультурного концепта «Мораль» в русской и немецкой картинах мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 119–127. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-119-127.

Original article

THE CONCEPT OF “GOOD, KIND” AS AN INTEGRAL PART OF THE CORE OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “MORALITY” IN THE RUSSIAN AND GERMAN PICTURES OF THE WORLD

Lyudmila A. Pasechnaya¹, Galina S. Strenadyuk^{2*}

¹Orenburg State University, Orenburg, Russia, lyudmila-pasechnaya@yandex.ru

²Orenburg State University, Orenburg, Russia, light63@mail.ru, 0000-0002-2522-3791

Abstract. This article reveals the structure and components of the content of the Russian-language and German-language linguacultural concept of “Morality”. Morality as a moral category at the present stage of development of society requires analysis and characterization in comparison of the German and Russian languages as holistic conceptual models of linguistic consciousness of representatives of Russian and German linguacultures, which determines the relevance of the study. The theoretical and methodological basis of this study are the achievements of the theory of intercultural communication; linguaconceptology, linguaculturology, comparative linguistics. The aim of the study is to characterize the core elements “good, kind” and “Güte, gutherzig” of the linguacultural Russian-language and German-language concepts of “Morality” based on the analysis of the semantic meaning; etymological meaning; associative meaning; contextual linguacultural meaning; value-marked statements. The scientific problem of the research is the comparison of linguacultural concepts in the Russian and German pictures of the world as integral conceptual models of linguistic consciousness of representatives of Russian and German linguacultures. The material of the research is bilingual, synonymous, explanatory, etymological dictionaries, texts of works of fiction of Russian and German literature; philosophical and religious works of Russian and German scientists. The authors analyze the substantive content of the structures of the Russian-language and German-language linguacultural concepts of “Morality”, in particular the core of the concept. As a result of the analysis of the core elements “good, kind” and “Güte, gutherzig” of the linguacultural Russian-language and German-language concepts of “Morality”, the following was revealed: the core components of the Russian-language concept of “Morality” are represented by lexical units, which in the process of analyzing the semantic meaning; etymological meaning; associative meaning; contextual linguacultural meaning; value-marked statements are revealed as the highest divine value in human life; good corresponds to such concepts as happiness, love and freedom. Accordingly, the core components of the German-language concept “Moral” have an objective, pragmatic content in the form of material values of representatives of the German linguistic culture.

Keywords: picture of the world, linguocultural concept, moral qualities, core of the concept, good, kind

For citation: Pasechnaya LA., Strenadyuk GS. The Concept of “Good, Kind” as an Integral Part of the Core of the Linguocultural Concept “Morality” in the Russian and German Picture of the World. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496):119-127. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-119-127.

Введение

Современное состояние мирового сообщества нуждается в глубоком осмыслении нравственных норм поведения, отношений с людьми, то есть, оценки и анализа морали, интерпретируемой как «индивидуально-ответственное поведение, рассмотренное в его зависимости от смысложизненных целей деятельности человека» [8]. Современная духовная ситуация в мире, по словам А. А. Гусейнова, характеризуется нарастанием духовно-разделяющих линий между народами, обществами, цивилизациями. Общезначимое понятие «Мораль» подвергается риску перестать быть значимой нравственной категорией в обществе [8].

Вопросами морали занимались на протяжении длительного исторического периода греческий философ Аристотель, английские философы Фрэнсис Бэкон и Томас Гоббс, французский философ Рене Декарт и др.

В своём сочинении «Никомахова этика» Аристотель рассуждает о нравственных и мыслительных добродетелях, являющихся не врождёнными, а приобретёнными благодаря воспитанию¹.

¹ Никомахова этика // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. Совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. SBN 978-5-244-01115-9.

Фрэнсис Бэкон соотносил мораль с воспитанием души, поскольку, по его мнению, мы в состоянии воздействовать на душу с помощью привычек, упражнений, навыков, воспитания, похвалы, уговоров, постоянного общения. Книжки, занятия, дружба также способствуют воспитанию души [5. С. 409].

Критикуя греческих философов и их размышления о морали, Томас Гоббс называет аристотелевское представление о морали как описание собственных страстей, не дающее никакой пользы. Он считает, что цель моральной философии «учить всех людей их обязанностям по отношению к обществу и друг к другу» [7. С. 618].

Родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант считал, мораль должна быть принципиальной в различии между добром и злом, испытывал отвращение к такой морали, в которой все можно оправдать. Сформулированный им категорический императив отрицает использование человека как средства достижения своих даже самых благих целей [19].

По мнению Ницше, проблема морали заключается в том, что ни одна система ценностей не отвечает действительным потребностям человека [9].

Шопенгауэр считал, что только воля составляет суть человека, что ведет к утверждению о свободе как уделе немногих. Соответственно, возни-

кает, по мнению философа, парадокс, что в этом виновата, прежде всего, мораль [17].

Философская мысль в России была занята местом человека в мире, путях развития человека, в результате преобладающее значение имела идея морали, вследствие чего возникает термин «панморализм» как признание морали вершиной в иерархии человеческих ценностей, иными словами, видение мира через призму законов общечеловеческой морали. Эту мысль также можно проследить в произведениях Л. Н. Толстого [14].

Мы придерживаемся, вслед за О. В. Летовым, определения морали «как специфического способа саморегуляции поведения человека, основанного на внутреннем принуждении, осуществляемом через чувство совести» [11].

Актуальность исследования лингвокультурных концептов в русскоязычной и немецкоязычной картинах мира является одним из современных направлений в лингвистике и лингвокультурологии.

Теоретико-методологической базой послужили труды в области исследования понятия «концепт» с точки зрения межкультурного подхода М. М. Ангеловой, Н. Д. Арутюновой, А. П. Бабушкина, С. Г. Воркачёва, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, С.Х. Ляпина, З. Д. Поповой, Г. Г. Слышкина, И. А. Стернина, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия и др., а также исследования теории межкультурной коммуникации; лингвоконцептологии, лингвокультурологии в трудах А. Вежбицкой, С. Г. Воркачёва, С. Г. Тер-Минасовой, С. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. Д. Шмельёва, В. А. Масловой, В. И. Карасика, Ю. А. Рыловой и т. д.

Современные исследования лингвокультурных концептов охватывают разные стороны жизни человека в социуме с позиции когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Так, например, Т. Г. Ардашева в диссертационной работе даёт лингвокогнитивный анализ концепта «Свобода» на материале русского, английского и французского языков [2]. Е. Н. Бубнова исследует лингвокультурный концепт «Freiheit» в немецкой картине мира [4]. Лингвокультурологическим аспектом изучения языка, а также проблемой термина «концепт» в современной российской лингвистике занимаются О. А. Агаркова [1] и Л. В. Путилина [12]. Э.О. Курбанова анализирует концепты «Совесь», «Стыд», «Честь» в русской фразеологической и пословичной картинах мира [10]. Е. А. Богданова, С. Н. Сокурова анализируют ассоциативные свойства лингвоконцептов «Добро» и «Зло»

в русском и французском языках [3]. Г. С. Стренадюк и И. А. Шидловской рассматриваются теоретические и практические проблемы исследования немецкоязычного и русскоязычного лингвокультурного концепта с позиции межкультурного подхода [13].

Нами рассматривается лингвокультурный концепт «Мораль» в культурных картинах русскоязычного и немецкоязычного мира, в который входят культурный багаж и опыт поколений; социальное наследие русского и немецкого народов, а также общественный опыт, знания, умения, психические качества, свойственные человеку. Составляющим компонентом социального наследия является мораль, определяющая личность в обществе.

Материалы и методы исследования

В исследовании используются следующие методы:

- 1) метод качественного анализа;
- 2) лингвистический анализ языковых особенностей лексических единиц, входящих в ядро русского и немецкого лингвокультурных концептов;
- 3) метод семантического анализа лексических единиц, входящих в ядро русского и немецкого лингвокультурных концептов.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки: а) различных словарей (электронных двуязычных, синонимических, толковых, этимологических, а также словарей, изданных в бумажном варианте); б) текстов художественных произведений русской и немецкой литературы; в) философских и религиозных произведений русских и немецких учёных.

Результаты исследования и их обсуждение

Структура русскоязычного лингвокультурного концепта «Мораль» и немецкоязычного лингвокультурного концепта «Moral» (Мораль) состоит из ядра, приядерного и внешнего слоёв. Лексическим наполнением ядра русскоязычного концепта «Мораль» являются, по нашему мнению, следующие понятия: добро, долг, стыд, честь, совесть, честность, порядочность, справедливость, ответственность, взаимопонимание, моральное равенство, гуманность. Такие же понятия составляют ядро немецкоязычного концепта «Moral» (Мораль): Güte, Pflicht, Scham, Ehre, Gewissen, Ehrlichkeit, Anstand, Gerechtigkeit, Verantwortung, gegenseitiges Verständnis, moralische Gleichheit, Menschlichkeit (добро, долг, стыд, честь, совесть, честность, порядочность, справедливость, ответственность, взаимопонимание, моральное равенство, человечность).

Рассмотрим некоторые из перечисленных понятий на материале ядер русскоязычного и немецкоязычного лингвокультурных концептов на основе следующих критериев: семантического значения; этимологического значения; ассоциативного значения; контекстного лингвокультурного значения; ценностно-маркированных высказываний.

«Добро»/«добрый» в ядре русскоязычного лингвокультурного концепта «Мораль»

В понятии «добро/добрый», как одном из самых важных категорий этики, по мнению Е. Ю. Вавиловой, раскрыта идея о морали, как понятия, в которое входят составляющие компоненты морали и всё, что может быть одобрено моралью. Добро означает намеренное, бескорыстное и искреннее стремление к осуществлению блага, полезного деяния [6. С. 55]. В Толковом словаре русского языка раскрываются следующие значения понятия «добрый»: 1. Делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества. 2. Несущий благо, добро, благополучие. 3. Хороший, нравственный. 4. Хороший, отличный. 5. Дружески близкий, милый. 6. Безукоризненный, честный².

Рассмотрим понятие «добро/добрый», являющееся компонентом ядра русскоязычного концепта «Мораль».

Этимологическое значение понятия «добро/добрый» происходит от прилагательного добрый, причём добрыми в православной культуре называли людей, их поступки, которые угодны Богу и пригодны для долговечной жизни.

От праславянского произошли древнерусское и общеславянское слово «добръ», означающее «годный», «подходящий». «Русское слово доба восходит к первообразу меры всех вещей, установленной свыше при их сотворении» [16].

В диссертационном исследовании Хоанг Ван Тоан отмечается, что «первичным значением слова «доба», как правило, является значение времени. В старославянском и древнерусском языках слово «доба» также, по-видимому, первоначально означает «пора, срок, подходящее время» (ср. «доба» 'время, пора, случай'. От этого корня образованы русские слова подobaет, удобный, подобный, надобный. В русской народной концептосфере слова дoба и доба сохранялись еще в XIX в. и даже в XX в.» [18].

Ассоциациями к понятию «добро» являются,

например, любовь, мир, улыбка, мама, помощь, свет, благо, радость, позитив, помощь, доброта, жизнь, тепло, Бог, добродетель, счастье, польза, щедрость, богатство, нежность, благодарность, милосердие, душа, красота, подарок, понимание, ангел, луч, бескорытность, солнце, дети, гуманизм, эмпатия и т. д. [2].

В русской культуре существует определённая оппозиция «добро-зло», при помощи которой носители русского языка имеют чёткое представление о данных нравственных категориях. «Добро» как одно из системных понятий, входящих в ядро русскоязычного концепта «Мораль», является источником генезиса, синтеза и развития национального языка и культуры. Характерной особенностью русского национального менталитета является желание творить добро, что отражено, в частности, в русских художественных произведениях. Стоит отметить, что понятие «Зло» не является размытой категорией в русской картине мира; как правило, носители русского языка имеют чёткое представление о сути и составляющих зла.

Понятие «Добро» самая общая категория этики, выполняющая методологическую функцию. В русской картине мира эта категория является фундаментальной для других нравственных ценностей: мира, любви, добродетели, эмпатии, гуманизма и т. д.

Русский народ всегда находился в поиске добра, в котором для него воплощается многое: щедрость, гостеприимство, религиозные чувства, что может, в соединении с разными географическими местами проживания (от Крайнего Севера до субтропиков), составить уникальный моральный портрет русского народа и разных национальностей, говорящих на русском языке.

В системе моральных норм человеческого общества постепенно выдвинулось правило, ставшее обобщённым критерием нравственности поведения и действий людей. Оно получило название «золотого правила нравственности». Именно добро как нравственная категория является мета-категорией для всех понятий, входящих в ядро русскоязычного концепта «Мораль».

Лингвокультурное значение понятия «добро/добрый» раскрывается в произведениях классиков русской литературы. Надо подчеркнуть, что в разных эпохах истории русского народа, в совершенно различных социальных слоях, культивировались свои представления о нравственности, что можно проследить в произведениях Л. Н. Толстого. Так, например, в романе

² Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. РАН, Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТН Технологии», 2008. 994 с.

«Воскресение» он словами героя романа доносит мнение об определённом круге людей, собственно, высшем обществе, которое представляет собой извращённые понятия о добре и зле [14]. В романе «Бесы» Ф. М. Достоевского есть высказывание об имеющихся в каждом народе собственных представлениях добра и зла³.

Ценностно-маркированные высказывания о понятии «добро/добрый» раскрываются в русских пословицах и поговорках, например: Доброе слово человеку — что дождь в засуху. Злой не верит, что есть добрый. Добряк добро творит, быть может, и не зная, что от этого болит душа у негодая. Доброе дело два века живет. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Без добрых дел нет доброго имени [15].

Под понятием «добро/добрый» в русскоязычном концепте мы характеризуем наиболее общую положительную нравственную категорию [2], включающую в себя такие ценности как искренность, благо, бескорыстие, нравственность, благочестие, стремление помочь. В православной традиции добро олицетворяется высшей силой, Богом, являющимся главным источником добра. Добро, как составная часть морали, включает в себя также счастье, любовь и свободу; достаток, богатство, имущество. Добро и зло — антагонистические понятия.

Особенностью русского представления понятия «Добро/добрый» в сравнении с немецким понятием «Güte/gutherzig» (добро/добрый) является подчёркивание отношений в семье друг к другу как членов семьи, отношения друзей, характеристика доброты как нечто симпатичного и милого в характере человека и его настроения, другими словами, в понятие добавляются коннотации «душевный, отзывчивый». В русском понятии «Добро/добрый» имеются лексические единицы, дающие представление о добре в коннотациях «благость», «благодать». Представляет также интерес особенность данного понятия в русской языковой картине мира и как нечто ненужное, плохое, например: нужно тебе это добро (имеется в виду что-либо ненужное).

«Güte/gutherzig» (добро/добрый) в ядре немецкоязычного лингвокультурного концепта «Moral» (Мораль)

В ядре немецкоязычного концепта «Moral» (Мораль) понятие «Güte/gutherzig» (добро/добрый) раскрывается следующим образом в этимологическом значении: это понятие раньше обо-

значалось как «Herzengüte» (доброе сердце, доброта) и являлось производным словом понятия «gut» (хорошо) и происходит из средневерхне-немецкого «Güete», а также древневерхне-немецкого «guoti» (IX в.)⁴.

Ассоциациями к понятию «Güte/gutherzig» (добро/добрый) являются, например, Laune (настроение), Glückseligkeit (блаженство), väterlich (отчий), elterlich (родительский), weltlich (мирской), loben (хвалить), friedfertig (миролюбивый; добродушный; умиротворённый), friedlich (мирный), geduldig (терпеливый), harmlos (безобидный), herzensgut (душевный), hilfsbereit (отзывчивый), langmütig (кроткий), liebenswürdig (любезный), nett (милый), pazifistisch (пацифистский), sanft (мягкий, нежный), sanftmütig (мягкосердечный), versöhnlich (умиротворённый), zuvorkommend (обходительный), Güte (добротность; доброкачество товара; качество; чистота пара; эффективность, коэффициент добротности)⁵.

Контекстное лингвокультурное значение понятия «Güte/gutherzig» (добро/добрый) прослеживается в жанре детского немецкого фэнтези, что, по мнению Н. Кулика, отражено в произведениях Вольфганга и Хайке Хольбайн (Wolfgang und Heike Hohlbein), Отфрида Пройслера (Otfried Preußler) и Фредерика Хетмана (Frederik Hetmann) [20]. На уровне семьи ярко выражается оппозиция «добро-зло» в романе Т. Манна «Будденброки».

Гибель семейства Будденброков формально прослеживается на материальном упадке, хотя, при этом вырождаются и нравственные ценности: доброта, верность, честь и справедливость. Маленький Ганно, герой роман, очень любил отца, но отец ждал от него не жертву, любовь и доброту, а деловую хватку, предприимчивость, поэтому был разочарован в своем единственном наследнике [21].

Ценностно-маркированные высказывания о понятии «Güte/gutherzig» (добро/добрый) раскрываются в следующих высказываниях известных немецких учёных, писателей и общественных деятелей, например: высказывание Германна Бара «Es hilft uns nichts, das Böse zu verneinen; gegen das Böse hilft uns nur, die Welt so mit Gutem anzufüllen, daß schließlich das Böse keinen Platz mehr hat» (Это не помогает нам отрицать зло; единственное, что помогает нам против зла, — это настолько напол-

³ Цитаты из русской классики со словом «Добро» URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 05.12.2023).

⁴ *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. URL: http://www.mhdwb-online.de/wb.php?link_id=66129_000 (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ *openthesaurus.de*. URL: [https://www.openthesaurus.de/synonyme/Gut#:~:text="](https://www.openthesaurus.de/synonyme/Gut#:~:text=) (дата обращения: 10.01.2024).

нить мир добром, что, в конечном итоге, для зла не останется места). Waldemar Bonsels: «Wenn du von kalt und warm sprichst, so weißt du, was böse und gut bedeutet, und wenn du an lau denkst, so begreifst du vielleicht, was schlecht ist» (Если вы говорите о холоде и тепле, вы знаете, что такое зло и добро, а если вы думаете о теплом, возможно, вы понимаете, что значит плохо (Вальдемар Бонзельс))⁶.

В немецких пословицах и поговорках о добре: Ein guter Nachbar ist mehr wert als ein Bruder in der Ferne (Добрые соседи лучше, чем далекая родня). Ende gut, alles gut (Всё хорошо, что хорошо кончается). Aller guten Dinge sind drei (Бог триоцу любит)⁷.

Особенностью понятия «добро» в немецком концепте «Мораль» является подчёркивание христианской составляющей отношения людей друг к другу, а также характеристика национальных черт характера, в отличие от русского понятия «Добро/добрый» при характеристике поступков и индивидуальности человека как доброго человека.

В ядре немецкого концепта имеется набор лексических единиц как совпадающих по значению с русскими лексическими единицами, входящими в понятие «Добро/добрый», так и имеющих свои отличительные особенности, например, «Güte» («хорошее качество») не имеет аналога в русском языке.

Понятие «добро/добрый» в немецкоязычном концепте более прагматично и связано с рядом объективных условий (исторические события, приводящие к нравственному упадку в обще-

стве; материальная составляющая человеческой жизни, например, обогащение, благополучие, бережливость. По мнению немецкого философа Ницше, некоторые нравственные аспекты человеческой души, считающиеся непреходящим злом, могут быть интерпретированы как добро, в частности, жажда власти, присвоение и причинение боли слабому [10].

Заключение

1. Понятие «добро/добрый» как составная часть ядра концепта «Мораль» в русской языковой картине мира, представляет собой нравственную категорию, занимавшую особое место в русской философской школе как высшая божественная ценность в человеческой жизни; добро соответствует таким понятиям как счастье, любовь и свобода.

2. Выявленные характеристики ядерных элементов лингвокультурных русскоязычного и немецкоязычного концептов «добро, добрый» и «Güte, gutherzig» на основе анализа семантического значения; этимологического значения; ассоциативного значения; контекстного лингвокультурного значения; ценностно-маркированных высказываний в русской и немецкой картинах мира позволяют сделать вывод о доминировании духовных ценностей в русской лингвокультуре и склонности к предметному мышлению представителей немецкой лингвокультуры.

3. Понятие «Güte/gutherzig» (добро/добрый), входящее в ядро немецкоязычного концепта в значительной части включает в себя, прежде всего, материальные ценности (деньги, имущество, достаток, имение, товар, груз, материал, продукт, рудоносная порода, такелаж). Это можно проследить в ассоциациях к понятию «Güte/gutherzig», а также в немецких пословицах и поговорках.

⁶ gutzitiert.de URL: https://www.gutzitiert.de/zitate_sprueche-das_boese.html (дата обращения: 13.12.2023).

⁷ deutsch-sprechen.ru URL: <https://deutsch-sprechen.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

Список источников

1. Агаркова О. А. Лингвокультурологический аспект изучения языка [Электронный ресурс] / О. А. Агаркова, Л. В. Путилина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), 23–25 янв. 2020 г., Оренбург / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». Электрон. дан. Оренбург : ОГУ, 2020. С. 1801–1805.
2. Ардашева Т. Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «Свобода» (на материале русского, английско-го и французского языков): автореф ... дис. кан.филолог. наук. Ижевск: 2012. 23 с.
3. Богданова Е. А., Сокурова С. Н. Ассоциативные свойства лингвоконцептов «добро» и «зло» в русском и французском языках: данные свободного ассоциативного эксперимента. 2014 // Известия ВГПУ. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnye-svoystva-lingvokontseptov-dobro-i-zlo-v-russkom-i-frantsuzskom-yazykah-dannye-svobodnogo-assotsiativnogo-eksperimenta> (дата обращения: 20.12.2023).
4. Бубнова Е. Н. Теоретическое обоснование лингвокультурного исследования концепта «Freiheit» в немецкой картине мира // Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. Тамбов: Вестник ТГУ,

выпуск 12 (116), 2012. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-obosnovanie-lingvokulturnogo-issledovaniya-kontsepta-freiheit-v-nemetskoj-kartine-mira> (дата обращения: 18.12.2023).

5. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. 567 с. URL.: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_novoe_vremja/behkon_f_sochinenija_v_dvukh_tomakh_1977_78/10-1-0-2830 (дата обращения: 09.01.2024).

6. Вавилова Е. Ю. Об эволюции представлений о сути и роли добра и зла // Вестник Ярославского государственного технического университета. Выпуск 4. Ярославль, 2004. 4 с.

7. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с. URL.: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_novoe_vremja/gobbs_tomas_sochinenija_v_2_tomakh/10-1-0-49 (дата обращения: 09.01.2024).

8. Гусейнов А. А. Понятие морали // Секция Философии, социологии и права Отделения общественных наук РАН 2002. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-moralj> (дата обращения: 04.12.2023).

9. Дадашова С. Н. Фридрих Ницше: по ту сторону религии и морали // История философии 2020. URL: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/dadashova.pdf> (дата обращения: 08.12.2023).

10. Курбанова Э.О. Концепты «Совесть», «Стыд», «Честь» в русской фразеологической и пословичной картинах мира // Мир науки, культуры, образования. № 1 (92) 2022 . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-sovest-styd-chest-v-russkoj-frazeologicheskoy-i-poslovichnoy-kartinah-mira> (дата обращения: 07.12.2023).

11. Летов О.В. Мораль, наука и общество (Сводный реферат).2006.04.020–025. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2006-04-020-025-moral-nauka-i-obschestvo-svodnyy-referat> (дата обращения: 02.12.2023).

12. Путилина, Л. В. Проблема термина “концепт” в современной российской лингвистике // Science and civilization - 2020 : materials of the XVI International scientific and practical conference, 30 january-7 february 2020. Electronic data. Sheffield : Science and Education,2020. Vol. 4: Philological sciences. History. Physical culture and sport. P. 31–36.

13. Стрнадюк Г. С. К вопросу интерпретации лингвокультурологических концептов с позиции межкультурного подхода (на материале немецкого и русского языков) [Электронный ресурс] / Г. С. Стрнадюк, И. А. Шидловская // Мир науки, культуры, образования, 2023. № 5 (102). С. 314–316.

14. Толстой Л. Н. Воскресение. URL: // <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 08.12.2023).

15. Учи ответы. URL: <https://uchi.ru/otvety/questions/napishite-10-poslovits-o-dobre> (дата обращения: 09.12.2023).

16. Шкваря М. Н. Значение слова «добро», вопрос его происхождения и значимости для русской культуры// Старт в науке. 2021. № 4. URL: <https://science-start.ru/ru/article/view?id=2077> (дата обращения: 05.12.2023).

17. Шопенгауэр А. О свободе воли. Об основе морали. URL.: <https://ast.ru/book/o-svobode-voli-ob-osnove-moralj-869974/> (дата обращения: 09.12.2023).

18. Хоанг Ван Тоан Реализации концепта положительной оценки (слова добрый, добро) в русском языке : автореф ... дис. кан. филолог. наук. Москва: 2008. 22 с.

19. Хохлов С. В. Взгляды И. Канта на проблему взаимосвязи морали и права как источник философских воззрений В. С. Соловьева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-i-kanta-na-problemu-vzaimosvyazi-moralj-i-prava-kak-istochnik-filosofskih-vozzreniy-v-s-solovieva> (дата обращения: 03.12.2023).

20. Kulik Nils Das Gute und das Böse in der phantastischen Kinder und Jugendliteratur. Eine Untersuchung bezogen auf Werke von Joanne K. Rowling, J. R. R. Tolkien, Michael Ende, Lindgren Astrid, Wolfgang und Heike Hohlbein, Otfried Preußler und Frederik Hetmann // Peterlang/ Europäischer Verlag der Wissenschaften. - Oldenburg, Univ., Diss., 2004. URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9783653037524_A31447767/preview-9783653037524_A31447767.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

21. Mann Th. Buddenbrooks // München: Mentor Verlag, 1998.: 64 S. Серия: Lektüre - Durchblick; Band 339.

References

1. Agarkova OA. Linguistic and cultural aspect of language learning [Electronic resource] / OA Agarkova, LV Putilina. University complex as a regional center of education, science and culture: materials of the All-Russian. scientific method. conf. (with international participation), January 23-25. 2020, Orenburg / Institute of Science and Higher Education. Orenburg: OSU, 2020. P. 1801-1805. (in Russ.).

2. Ardasheva TG. Linguistic and cognitive analysis of the concept “Freedom” (based on the material of Russian, English and French languages): abstract of thesis. Candidate of Philology Sci. Izhevsk: 2012. 23 p. (in Russ.).
3. Bogdanova EA, Sokurova SN. Associative properties of the linguistic concepts “good” and “evil” in the Russian and French languages: data from a free associative experiment. *Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University*. 2014. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnye-svoystva-lingvokontseptov-dobro-i-zlo-v-russkom-i-frantsuzskom-yazykah-dannye-svobodnogo-assotsiativnogo-eksperimenta> (access date: 12/20/2023). (in Russ.).
4. Bubnova EN. Theoretical justification of the linguocultural study of the concept “Freiheit” in the German picture of the world. *Humanities. Philology and art history. Tambov: Bulletin of TSU*. 2012.;12(116). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-obosnovanie-lingvokulturnogo-issledovaniya-kontsept-freiheit-v-nemetskoj-kartine-mira> (access date: 12/18/2023). (in Russ.).
5. Bacon F. Works: in 2 volumes. V. 1. M.: Mysl, 1977. 567 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_novoe_vremja/behkon_f_sochinenija_v_dvukh_tomakh_1977_78/10-1-0-2830 (access date: 01/09/2024). (in Russ.).
6. Vavilova EYu. On the evolution of ideas about the essence and role of good and evil. *Bulletin of the Yaroslavl State Technical University*. 2004;4. Yaroslavl. (in Russ.).
7. Hobbes T. Works: in 2 volumes. V. 2. M.: Mysl, 1991. 731 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_novoe_vremja/gobbs_tomas_sochinenija_v_2_tomakh/10-1-0-49 (access date: 01/09/2024). (in Russ.).
8. Guseinov AA. The concept of morality. Section of Philosophy, Sociology and Law of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences 2002. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-morali> (access date: 04.12.2023). (in Russ.).
9. Dadashova SN. Friedrich Nietzsche: beyond religion and morality. *History of philosophy 2020*. Available at: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/dadashova.pdf> (access date: 12/08/2023). (in Russ.).
10. Kurbanova EO. Concepts “Conscience”, “Shame”, “Honor” in Russian phraseological and proverbial pictures of the world. *World of science, culture, education*. 2022;1(92). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-sovest-styd-chest-v-russkoj-frazeologicheskoy-i-poslovichnoy-kartinah-mira> (access date: 12/07/2023). (in Russ.).
11. Letov OV. Morality, Science and Society (Summary Abstract). 2006.04.020–025. 2006. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2006-04-020-025-moral-nauka-i-obschestvo-svodnyy-referat> (access date: 02.12.2023). (in Russ.).
12. Putilina LV. The problem of the term “concept” in modern Russian linguistics Science and civilization - 2020: materials of the XVI International scientific and practical conference, 30 January-7 February 2020. Electronic data. Sheffield: Science and Education, 2020. Vol. 4: Philological sciences. History. Physical culture and sport. P. 31-36. (in Russ.).
13. Strenadyuk GS. On the issue of interpretation of linguistic and cultural concepts from the perspective of an intercultural approach (based on the material of the German and Russian languages) [Electronic resource] / GS Strenadyuk, IA Shidlovskaya. *World of science, culture, education*. 2023;(5(102):314-316. (in Russ.).
14. Tolstoy LN. Resurrection. Available at: <https://kartaslov.ru/> (access date: 12/08/2023). (in Russ.).
15. Learn answers. Available at: file: <https://uchi.ru/otvety/questions/napishite-10-poslovits-o-dobre> (access date: 12/09/2023). (in Russ.).
16. Shkvarya MN. The meaning of the word “good”, the question of its origin and significance for Russian culture. *Start in science*. 2021;(4). Available at: <https://science-start.ru/ru/article/view?id=2077> (access date: 12/05/2023). (in Russ.).
17. Schopenhauer A. On freedom of will. On the basis of morality. Available at: <https://ast.ru/book/o-svobodnoli-ob-osnove-morali-869974/> (access date: 12/09/2023). (in Russ.).
18. Hoang Van Toan Implementation of the concept of positive assessment (the words kind, good) in the Russian language: abstract of thesis. Cand. Sci. (Philology). Moscow: 2008. 22 p. (in Russ.).
19. Khokhlov SV. Views of I Kant on the problem of the relationship between morality and law as a source of philosophical views of VS Solovieva. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-i-kantana-problemu-vzaimosvyazi-morali-i-prava-kak-istochnik-filosofskih-vozzreniy-v-s-solovieva> (date access: 12/03/2023). (in Russ.).

20. Kulik Nils Das Gute und das Böse in der phantastischen Kinder und Jugendliteratur. Eine Untersuchung bezogen auf Werke von Joanne K Rowling, JRR Tolkien, Michael Ende, Lindgren Astrid, Wolfgang und Heike Hohlbein, Otfried Preußler und Frederik Hetmann // Peterlang/ Europäischer Verlag der Wissenschaften. Oldenburg, Univ., Diss., 2004. Available at: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9783653037524_A31447767/preview-9783653037524_A31447767.pdf (access date: 12/21/2023). (in Germ.).

21. Mann Th. Buddenbrooks. München: Mentor Verlag, 1998. 64 P. Series: Lektüre. Durchblick; Band 339. (in Germ.).

Информация об авторах

Л. А. Пасечная — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка.

Г. С. Стренадюк — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка.

Information about the authors

L. A. Pasechnaya - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German Philology and Methods of Teaching the German Language.

G. S. Strenadyuk – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of German Philology and Methods of Teaching the German Language.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-11

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-128-136

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛОРОЛЕВЫХ РЕФЕРЕНЦИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Галина Владимировна Файзиева^{1*}, Ирина Васильевна Лысикова²

¹ Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, fayzievagv@yandex.ru, 0000-0002-0627-2045

² Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, irina_polulyah@mail.ru, 0009-0009-1368-7749

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования субстандартных лексических единиц, конструирующих образ женщины и мужчины в русской и английской лингвокультурах, отобранных из «Толкового словаря молодежного сленга: слова, непонятные взрослым»¹ Т. Г. Никитиной и «Dictionary of Contemporary Slang»² Тони Торна. Этому способствует тематическое деление отобранных для анализа субстандартных лексем, позволяющих вербализовать представляемые полоролевые референции в субстандартном лексическом фонде русского и английского языков, что станет основой для конструирования исследуемого образа. Полоролевые референции субстандартной лексики русского и английского языков описывают характер, внешность и сексуальные отношения. По результатам исследования представлена частотность предъявления полоролевых референций, отражающая степень выраженности выявленных характеристик гендерного образа. Особое внимание уделено определению образных характеристик, соответствующих мужчинам и женщинам в лексическом фонде русского и английского языков и передающихся посредством субстандартных лексем. Результаты проведенного исследования подтверждают наличие различных интерпретаций ролей мужчин и женщин в языке, отраженных в лексике, ориентированной исключительно на маскулинный взгляд и связанных с гендерными стереотипами, предписывающими определенные, исторически сложившиеся взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Также в ходе исследования определены положительные и отрицательные характеристики исследуемых образов, которые объясняются асимметричным представлением оппозиции мужчина-женщина и подтверждают патриархальные взаимоотношения между полами. В статье обозначены перспективы исследования, которые позволят более полно и разносторонне описать механизмы представления гендерных отношений в субстандартной лексике русского и английского языков, а также выявить их универсальные и специфические черты в субстандартном лексическом фонде разноструктурных языков. Исследование осуществлено с использованием методов, адекватных целям и задачам реализуемого научного изыскания, учитывающих специфику анализируемого языкового материала: метод сплошной выборки, анализ, синтез, сравнение, обобщение. Объем исследуемого материала — 599 субстандартных лексических единиц, из них 281 субстандартная лексема — наименования мужского и женского пола в русском языке и 318 субстандартных лексем — в английском.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, субстандарт, субстандартная лексическая единица, полоролевая референция, лингвистическая оппозиция

Для цитирования: Файзиева Г. В., Лысикова И. В. Проблематика полоролевых референций в субстандартной лексике русского и английского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 128–136. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-128-136.

¹ Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым: около 2000 слов / Т. Г. Никитина. Москва: Астрель: АСТ, 2006 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). 734 с.

² Thorne T. Dictionary of contemporary slang. A & C Black London. 2007. 513 p.

Original article

THE PROBLEMS OF GENDER-ROLE REFERENCES IN SUB-STANDARD LEXIS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Galina V. Fayzieva^{1*}, Irina V. Lysikova²

¹ Astrakhan State University, named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, fayzievagv@yandex.ru, 0000-0002-0627-2045

² Astrakhan State University, named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, irina_polulyah@mail.ru, 0009-0009-1368-7749

Abstract. This article presents the results of a study of sub-standard lexical units representing the image of a woman and a man in Russian and English linguistic cultures, selected from “Explanatory dictionary of youth slang: words incomprehensible to adults” by T.G. Nikitina³ and “Dictionary of Contemporary Slang” by Tony Thorne⁴. This is facilitated by the thematic division of the sub-standard lexemes selected for analysis, which allow verbalizing the gender-role references presented in the sub-standard lexical fund of the Russian and English languages, which will become the basis for constructing the image under study. Russian and English sub-standard gender-role references describe character, appearance, and sexual relationships. According to the results of the study, the frequency of gender role references, reflecting the degree of severity of the identified characteristics of the gender image, is presented. Special attention is paid to the definition of figurative characteristics corresponding to men and women and transmitted through sub-standard lexemes. The results of the study confirm the existence of different interpretations of the roles of men and women in the language, reflected in the vocabulary focused exclusively on the masculine view, and associated with gender stereotypes prescribing certain historically established relationships between men and women. The study also identified positive and negative characteristics of the studied images, which are explained by the asymmetric representation of the male-female opposition and confirm the patriarchal relationship between them. The article outlines the prospects of the research that will allow us more fully and in a versatile way to describe the mechanisms of the presentation of gender relations in sub-standard vocabulary and identify their universal and specific features in the sub-standard lexical fund of the Russian and English languages. The research was conducted using methods appropriate to the goals and objectives of the scientific investigation, taking into account the specificity of the analyzed linguistic material: the continuous sampling method, analysis, synthesis, comparison, and generalization. The volume of the studied material includes 281 sub-standard lexemes nominating male and female gender in Russian and 318 sub-standard lexemes in English.

Keywords: English language, Russian language, sub-standard, sub-standard lexical unit, gender-role reference, linguistic opposition

For citation: GV Fayzieva, IV Lysikova. The Problems of Gender-Role References in Sub-Standard Lexis of the English and Russian Languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(2(496)):128-136. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-128-136.

Введение

В современном мире, в связи с социальными изменениями, человек — это не только носитель того или иного языка, он вовлечен в процесс его развития, влияя на различные аспекты функционирования, пополнения и многочисленных трансформаций. Лексические единицы одного языка активно проникают в вокабуляр другого, что приводит к обогащению литературного языка. Однако такое взаимодействие зачастую носит разрушительный характер и, бесспорно, влияет на нормированный лексический состав языка, так как пополнение лексики происходит в том числе в следствии заимствований из лексики различных субкультур. Вторжение ненормированной лексики в литературный язык привело

к предъявлению речевого поведения, которое лингвисты начали описывать терминами «стандарт» и «субстандарт».

Впервые в лингвистике термин «субстандарт» ввел американский лингвист Л. Блумфилд в 1930 г., противопоставив его термину «стандарт». Сделано это было не случайно. Ученый пишет, что дети, которые родились в образованных, привилегированных семьях, в семьях с достатком и традициями, усваивают язык, который обычно известен как «хороший» английский. Дети, которым повезло меньше, усваивают «плохой», или «вульгарный язык, или, как его предпочитает называть лингвист, нелитературный английский» [3. С. 52]. Под «хорошим» английским ученый понимает литературный стандартный язык (literary

³ Nikitina T. G. Explanatory dictionary of youth slang: words incomprehensible to adults: about 2000 words / T. G. Nikitina. Moscow: Astrel: AST, 2006 (Ulyanovsk: Ulyanovsk House of Printing). 734 p.

⁴ Thorne T. Dictionary of contemporary slang. A & C Black London. 2007. 513 p.

standard language), в то время как под «плохим» языком — субстандартный (sub-standard language).

В научной сфере к субстандартной лексике относят значительное количество групп: просторечие, жаргонизмы, диалектизмы, сленг, арготизмы, вульгаризмы, кэнт, коллоквиализмы, вульгаризмы, т. е. все разнообразие слов и выражений, которые не являются частью официального литературного языка (стандарта). Однако не смотря на многообразие определений категорий «субстандартная лексика» и «субстандарт», ученые так и не пришли к единому мнению о сущности и внутреннем содержании данных понятий. Как справедливо утверждает Е. Н. Калугина, «изучение субстандартных подсистем языка представляет собой довольно сложную задачу, так как среди лингвистов не существует единой точки зрения в определении природы субстандартной лексики, ее структуры и роли в жизни социальных групп и всего социума» [6. С. 12].

В многочисленных исследованиях, посвященных трактованию понятий «субстандартная лексика», «субстандарт», существует значительное количество определений, однако терминология не всегда четко обозначена из-за нестабильности и изменчивости лексики. В качестве основных аспектов, характеризующих субстандартную лексику, учеными выделяются:

– «сложная система, включающая в себя внелитературное просторечие, этническое просторечие, локально-территориальное просторечие, лексическое просторечие / лексический субстандарт» (Г. В. Рябичкина) [12];

– «нормативная подсистема национального языка, в которой преобладают неcodифицированные, узуальные нормы» (В. Б. Быков) [4. С. 11];

– «все то, что находится на периферии традиционного литературного языка (диалект, просторечие, общий жаргон, интержаргон, сленг)» (Т. А. Кудинова) [7];

– в субстандарте выделяются профессиональные лексические системы, профессиональные жаргоны, корпоративные жаргоны, кент (арго) деклассированных (М. Г. Беляева, В. А. Хомяков) [2. С. 41];

– главным компонентом субстандартной лексики является сленг — особый вид «языка бродяг», который всегда находится на задворках, за пределами литературной речи, но постоянно вторгается и пробивает в нее себе дорогу (Э. Партридж) [18. С. 1];

– четкое разграничение сленга и кента, хотя многие ученые считают их синонимами. Кент — древний тайный язык цыган, воров, бродяг и нищих, в то время как сленг — это мимолетный

язык, который постоянно меняется в соответствии с модой (Дж. Хоттен) [14. С. 6];

– манера общения, которая отличается в произношении, грамматике и словарном запасе от общественных стандартов, несет социальную стигматизацию» (Р. Хартменн) [13. С. 225];

– «лексика, находящаяся за пределами стандартного, литературного языка, и имеющая свои законы и правила развития» (О. Б. Багринцева) [1. С. 34];

– «совокупность лексических единиц, относящихся к внелитературному пласту» (Е. В. Метельская, Г. В. Рябичкина) [10. С. 7].

Несмотря на неоднозначность толкований и некоторые терминологические трудности, однозначно, что субстандартная лексика представляет собой значительный пласт лексики, который отличается богатством и колоритом благодаря своей гибкости, креативности и способности быстро адаптироваться к изменениям в обществе. Таким образом, субстандартная лексика становится одним из инструментов обогащения и образования новых слов в стандартном языке, что делает этот лексический слой интересным предметом научных изысканий.

Субстандартная лексика, в различных аспектах ее использования, стала объектом научного интереса в многочисленных исследованиях российских и зарубежных ученых (И. В. Арнольд, В. Барк, Л. Блумфилд, В. Б. Быков, Н. И. Гез, М. А. Грачев, В. Д. Девкин, Н. А. Джеус, В. С. Елистратов, Е. А. Земская, В. С. Истомина, Е. Н. Калугина, З. Кестер-Тома, В. П. Коровушкин, Л. П. Крысин, Б. А. Ларин, А. Т. Липатов, Ю. С. Маслов, А. Мейе, Х. Менкен, Т. Г. Никитина, Э. Партридж, Е. Д. Поливанов, Г. В. Рябичкина, Б. А. Серебренников, В. В. Химик, В. А. Хомяков, Д. Хоттен и многие другие). Особое внимание среди лингвистов отводится изучению гендера в субстандартной лексике. Так, репрезентация пола в субстандарте рассматривается как один из интересных (в силу антропоцентричности лингвистических исследований) и перспективных направлений исследований.

Исследования гендера и его связь с языком начались на Западе в начале XX в. и проводились на группах германских и романских языков. Здесь можно отметить научные труды Ф. Маунтера (1913) [17], О. Есперсена (1922) [15], В. Гумбольдта (1984) [5] и др.

В. Гумбольдт, будучи представителем символично-семантической гипотезы считал, что грамматический род возник в результате существования людей мужского и женского пола. Так, слова

мужского рода считались первостепенными и наделялись семантикой силы, мужественности, власти, а слова женского рода, наоборот, второстепенные [5].

Большой вклад в развитие гендерной лингвистики сделал Ф. Маунтер. Он видел проявление гендерных различий в языке в силу социальных и исторических факторов. Ученый считал, что язык был создан мужчинами, а женщины могут только усваивать язык, но не создавать, что опять свидетельствует об отсутствии равноправия полов в социуме [17].

О. Есперсен в своем фундаментальном труде «Язык: его суть, происхождение и развитие» уделил значительное внимание так называемому «женскому» языку, разграничив язык мужчин и женщин и обозначив, что женщины более консервативны в выборе лексических единиц, меньше используют ругательства и чаще эвфемизмы [15].

Чуть позднее в 60-70-х гг. XX в. в университетах США возникло отдельное направление исследований, известное как «женские исследования», целью которого стало изучение роли женщины в различных областях современного общества. Результатом «женских исследований» стало зарождение феминистской лингвистики, ярким представителем которой стала Р. Лакофф, неоднократно отмечавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в языковой картине мира [16].

В России исследования взаимосвязи гендера и языка не имеют такой длительной истории, как за рубежом. Сегодня отечественная гендерная лингвистика находится на стадии формирования и отличается часто нерегулярными, разрозненными исследованиями (Е. А. Земская (1981, 1993), М. А. Китайгородская (1981, 1993), Е. И. Горошко, А. В. Кирилина (1997, 1999, 2003), И. И. Халеева (2000), Е. Н. Калугина (2008), Е. А. Редкозубова (2014) и др.). В наших исследованиях мы отмечаем, что «гендерные исследования носят междисциплинарный характер и своей целью ставят исследовать, описать и объяснить язык мужчин и язык женщин через призму общественных явлений и их изменений» [8].

Уже с детства люди склонны категоризировать объекты и явления на основе их особенностей, что является неотъемлемой частью когнитивного развития. Гендер становится важным критерием в этом процессе из-за подчеркивания обществом значимости гендерных различий, поэтому изучение оппозиции мужчина – женщина представляет особый интерес. В свою очередь,

субстандартная лексика, являясь ценным источником информации о культуре нации, отражает особенности восприятия жизни и ее реалий носителями языка. Представление полоролевых референций в лексике любой нации в значительной степени определяется социальными факторами и наглядно демонстрирует иерархию внутри гендерных групп. «Мужчины и женщины, являясь частью культуры, отражают языковую картину мира любой нации. Наименование лиц мужского и женского пола относятся к лексическому составу языка, который исторически, культурно и генетически представляет собой древний пласт языка» [9. С. 64]. Таким образом, мы приходим к выводу об актуальности исследований дихотомии мужчина – женщина, а также категории маскулинности и фемининности как языковых явлений в субстандартной лексике.

В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ полоролевых референций в субстандартной лексике русского и английского языков с целью выяснения того, как в лексике данных языков отражаются взаимоотношения полов, частотности их проявления и степени наделенности определенными качествами мужчин и женщин.

Материалы и методы исследования

Выбор методов анализа, примененных в исследовании, обусловлен его целью, задачами и спецификой анализируемого языкового материала. В работе применяется ряд общенаучных методов (метод сплошной выборки, анализ, синтез, сравнение, обобщение), адекватных цели исследования — всестороннему изучению образа женщины и мужчины в русской и английской лингвокультурах. Материалы исследования представлены корпусом примеров, полученных методом сплошной выборки из «Толкового словаря молодежного сленга: слова, непонятные взрослым» Т. Г. Никитиной и «Dictionary of Contemporary Slang» Тони Торна. Общий объем выборки составляет 599 субстандартных лексических единиц, из них 281 субстандартная лексема — наименование мужского и женского пола в русском языке и 318 субстандартных лексем — в английском.

Проведенный анализ выборки позволил представить частотность предъявления полоролевых референций, отражающих степень выраженности выявленных характеристик гендерного образа, а также определить образные характеристики, соответствующие мужчинам и женщинам в лексическом фонде русского и английского языков и передающиеся посредством субстандартных лексем.

Проведенное исследование является основой дальнейшего социолингвистического анализа устного спонтанного дискурса (контент-анализ).

Результаты исследования и их обсуждение

Было установлено, что в русском языке большая часть субстандартных лексических единиц (ЛЕ) относится к репрезентации образа мужчины, в английском языке примерно равное соотношение, что можно объяснить более равноправными отношениями между мужчиной и женщиной в западной культуре (в том числе и лингвокультуре), по сравнению с русской и ее семейными ценностями. Таким образом, в субстандартном лексическом слое русского языка образ мужчины представлен 184 ЛЕ, образ женщины — 97 ЛЕ, на уровне англоязычного субстандартного слоя образ мужчины — 166 ЛЕ, образ женщины — 152 ЛЕ.

Для систематизации и структуризации субстандартной лексики, описывающей мужчину и женщину, выделяют разные тематические группы: *Внешность, Умственные способности, Деятельность, Черты характера, Способности, Возраст, Сексуальное влечение, Отношение к семье, Отношение к еде, Отношение к алкоголю и наркотикам* и др. Однако, мы считаем, что полоролевые референции более презентабельно и ёмко отражены в тематических группах «Внешность», «Черты характера», «Сексуальное влечение».

По результатам исследования в тематической группе «Внешность» в русском языке зафиксировано 44 ЛЕ, репрезентирующих образ женщины (55,7 %), в английском языке — 65 ЛЕ (42,8 %).

В тематической группе «Черты характера» в русском языке зафиксировано 8 ЛЕ, репрезентирующих образ женщины (8,2 %), в английском языке — 24 ЛЕ (15,8 %).

Анализируя результаты выборки по тематической группе «Сексуальное влечение», в русском

языке зафиксировано 35 ЛЕ (36,1 %), в английском языке — 69 ЛЕ (41,4 %).

Количественные результаты анализа выборки лексических единиц, репрезентирующих образ женщины в субстандартном лексическом фонде русского и английского языков, представлены на рис. 1.

Анализ субстандартных лексических единиц, репрезентирующих образ мужчины в русском и английском языках, показал, что более частотны лексемы, относящиеся к тематической группе «Сексуальное влечение», наименее частотны — к тематическим группам «Внешность» и «Черты характера». Так 34 ЛЕ (18,5 %) характеризуют внешность мужчины в субстандартном лексическом фонде русского языка и 18 ЛЕ (10,8 %) — в субстандартном фонде английского языка.

В тематической группе «Черты характера» представлено 72 СЛЕ (39,1 %) и 66 СЛЕ (39,8 %), представляющие образ мужчины в русском и английском языке соответственно.

Среди зафиксированных субстандартных лексем тематической группы «Сексуальное влечение» выявлено в русском языке 78 СЛЕ (42,4 %) и 82 СЛЕ (49,4 %) — в английском. Количественные результаты анализа выборки лексических единиц, репрезентирующих образ мужчины в русском и английском языках, представлены на рис. 2.

Результаты проведенного исследования показали, что оппозиция мужчина – женщина в субстандарте русского и английского языка представлены неодинаково, что может быть объяснено культурно-историческими различиями, влиянием гендерных стереотипов и спецификой языковых традиций в каждом из этих языков.

В тематической группе «Внешность» лексемы характеризуют женщину с позиции привлекательности и непривлекательности.

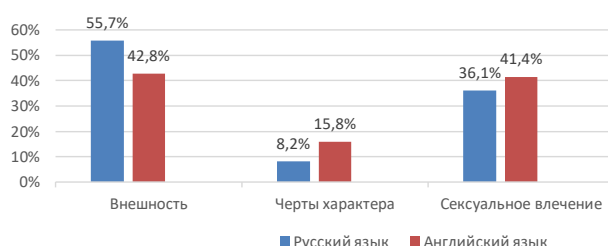

Рис. 1. Репрезентация образа «женщина» в субстандартной лексике русского и английского языков

Fig. 1. Representation of the image “woman” in substandard vocabulary of Russian and English languages

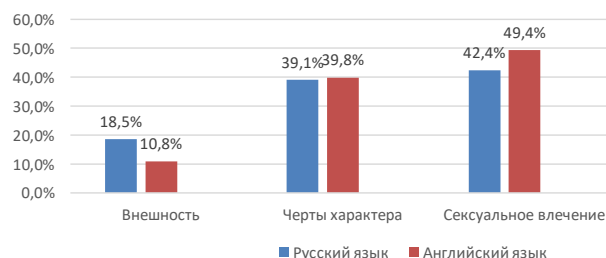

Рис. 2. Репрезентация образа «мужчина» в субстандартной лексике русского и английского языков

Fig. 2. Representation of the image “man” in substandard vocabulary of Russian and English languages

Женская привлекательность чаще всего связана с сексуальными предпочтениями мужчин, например:

– в русском языке: *красючка* — одобр. красивая, эффектная девушка; *станок* — шутл. сексапильная девушка;

– в английском языке: *ankle* — *an attractive female or females*; *cherry* — *an attractive young female*.

Большое количество субстандартных лексем, описывающих женскую непривлекательность, имеет негативную оценочную коннотацию, например:

– в русском языке: *зыба* — пренебр. очень непривлекательная девушка; *козибулина* — пренебр. девушка с неприятной внешностью и скверным характером;

– в английском языке: *cow* — *an unpleasant or obnoxious woman*; *Kermit (the Frog)* — *an unattractive female*.

Мужская привлекательность ассоциируется с такими характеристиками как физическая сила, спортивное телосложение, например:

– в русском языке: *качок* — культурист, человек, занимающийся укреплением, наращиванием мышц; *квадрат* — культурист, человек с рельефной мускулатурой;

– в английском языке: *clydesdale* — *an attractive male*; *cock diesel* — *a powerful, attractive male*.

Мужская непривлекательность выражается в физической слабости, недостатке ума, отталкивающей внешности и неспособность быть истинным мужчиной, например:

– в русском языке: *гопник* — примитивный, необразованный молодой человек; *жлоб* — неодобр. или пренебр. мужчина с низким интеллектуальным уровнем, ограниченный, лишённый вкуса, часто — скупой;

– в английском языке: *jessie* — *a weak or effeminate man*; *critter* — *an unattractive, unsophisticated male*.

Что касается тематической группы «секс», то как в русскоязычной, так и в англоязычной лингвокультурах осуждается нетрадиционная сексуальная ориентация у мужского пола и непристойное сексуальное поведение у женского пола, например:

– в русском языке: *василек* — пренебр. или шутл.-ирон. гомосексуалист; *бублик* — презр. проститутка;

– в английском языке: *chummer* — *a male homosexual*; *chippie, chippy* — *a prostitute or promiscuous woman*.

Тематическая группа «мужской характер» представлена противопоставлением хороших и плохих качеств характера.

К положительным чертам характера относится щедрость, влияние и обладание деньгами, например:

– только в русском языке: *бобер* — влиятельный человек; *спонсор* — богатый любовник, поддерживающий материально девушку.

К отрицательным чертам характера относится агрессия, слабость характера, женоподобность, например:

– в русском языке: *выступала* — неодобр. агрессивный молодой человек, хулиган; *тоишнот* — ирон. или пренебр. слабый, тщедушный человек;

– в английском языке: *pussy* — *a weak, harmless male, a timid person*; *quince* — *an effeminate male*.

С точки зрения мужских стереотипов женский характер чаще ассоциируется с отсутствием положительных качеств и наделяется отрицательной коннотацией. Это свидетельствует о неравенстве социального статуса мужчин и женщин, где мужчины оцениваются выше.

К отрицательным чертам характера относится агрессия, глупость, например:

– в русском языке: *крыса* — пренебр. девушка с неприятным характером и непривлекательной внешностью, часто — агрессивная; *бычка* — пренебр. глупая полная девушка;

– в английском языке: *dumb Dora* — *a stupid woman*; *Wilma* — *a stupid woman*.

Проведенный в рамках данного исследования анализ полоролевых референций в субстандартной лексике русского и английского языков подтверждает наличие различных интерпретаций ролей мужчин и женщин в языке. В сознании носителей языка присутствуют гендерные стереотипы, которые предписывают те или иные взаимоотношения между мужчиной и женщиной, которые формировались веками. Появление феминистской лингвистики безусловно оказало влияние на гендерные стереотипы, однако носители языка продолжают создавать и использовать в речи субстандартную лексику, ориентированную исключительно на маскулинный взгляд.

В обоих анализируемых словарях преобладают женские номинации. Полоролевые референции субстандартной лексики русского и английского языков описывают характер, внешность и сексуальные отношения. Так, к положительным характеристикам образа мужчины относятся: физическая сила, спортивное телосложение, влияние, щедрость и наличие денег, в то время

как образа женщины — сексуальность. К отрицательным характеристикам образа мужчины относятся: физическая слабость, нетрадиционная сексуальная ориентация, агрессия, женоподобность, в то время как для образа женщины — непривлекательность, распутность, агрессия, неприступность и глупость. Полученные результаты объясняются ассиметричным представлением оппозиции мужчина-женщина и подтверждают патриархальные взаимоотношения между полами.

Заключение

Проведенное исследование будет продолжено. Несмотря на значительный объем проведен-

ных исследований, некоторые аспекты отражения гендера в субстандартной лексике остаются лакунарными. Перспективой исследования является выявление особенностей репрезентации гендерных отношений, а также влияние экстралингвистических факторов на формирование гендерных стереотипов в субстандартной лексике русского и английского языков. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более полно описать механизмы репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике и выявить универсальные и специфические черты в русском и английском языках.

Список источников

1. Багринцева О. Б., Файзиева Г. В. Термины родства в «Интернет-словаре сленга и жаргона «Сленгер» / О. Б. Багринцева, Г. В. Файзиева // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 32–38.
2. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка [Текст]: монография / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. 138 с.
3. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд / Перевод с английского Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. Москва: Прогресс, 1968. 608 с. URL: <https://djvu.online/file/CwYiumkYQxpTQ> (дата обращения 03.04.2024).
4. Быков В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандартного: автореф ... д. филол. н. М., 2001. 30 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Перевод с немецкого под ред. Г. В. Рамишвили. Москва: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Калугина Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 24 с.
7. Кудинова Т. А. Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16256853> (дата обращения 14.05.2024).
8. Лысикова И. В., Файзиева Г. В. Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике / И. В. Лысикова, Г. В. Файзиева // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 1 (57). С. 59–65. DOI 10.53315/1995-0713-2023-57-1-59-65.
9. Лысикова И. В. Исследование наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике английского и русского языков: сопоставительный анализ / И. В. Лысикова // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 63–68. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54090424> (дата обращения 12.05.2024).
10. Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы / Е. В. Метельская, Г. В. Рябичкина. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. 155 с.
11. Рябичкина Г. В. Лексикографическое описание лексического субстандартного русского языка: история, проблемы, перспективы / Г. В. Рябичкина // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 1. С. 22–26.
12. Рябичкина Г. В. К разработке теории социальной лексикографии / Г. В. Файзиева // Основные проблемы современного языкознания: сборник статей Всероссийской конференции (с международным участием), Астрахань, 29 мая 2007 года / Составитель О. Б. Смирнова. Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2007. С. 71–74.
13. Hartmann R. R. K Dictionary of Language and Linguistics. – London, Applied Science Publishers, 1972. 302. URL: <https://archive.org/details/dictionaryoflang00hart/page/218/mode/1up> (дата обращения 06.02.2024).
14. Hotten, John Camden. A Dictionary of Modern Slang, Cant, Vulgar Words. London. 1860. 324 p. URL: <https://archive.org/details/dictionaryofmode00hottiala/page/6/mode/2up?view=theater> (дата обращения 11.02.2024).

15. Jespersen, Otto. Language: its nature, development and origin. London: G. Allen & Unwin, Ild. 1922. P. 236-254. URL: <https://archive.org/details/afa5370.0001.001.umich.edu/page/244/mode/2up?view=theater> (дата обращения 11.02.2024).
16. Lakoff, R. Language and Woman's Place. New York: Harper and Row. 1975.
17. Mauthner, Fritz. Beiträge zu einer Kritik der Sprache / Fritz Mauthner // Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage: Stuttgart: Berlin. 1921.
18. Partridge, Eric. Slang To-day and Yesterday. 1954. 496 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766/page/n13/mode/2up?view=theater> (дата обращения 14.05.2024).

References

1. Bagrintseva OB, Fayzieva GV. Relationship terms in the internet dictionary of slang and jargon «Slanger». *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2023;(3):32-38. (in Russ.).
2. Belyaeva TM, Khomyakov VA. Nestandardnaya leksika angliyskogo yazyka = Non-standard vocabulary of the English language. Monograph. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta = Leningrad: Leningrad University Press. 1985. 138 p. (in Russ.).
3. Bloomfield Leonard. Language. Perevod s angliyskogo ES Kubryakovoj i VP Murat = Translated from English by E. S. Kubryakova and V. P. Murat. Moscow. 1968. 608 p. Available at: <https://djvu.online/file/CwYiumkYQxpTQ> (accessed 03.04.2024). (in Russ.).
4. Bykov VB. Leksikologicheskie i leksikograficheskie problemy issledovaniya russkogo substandarta = Lexicological and lexicographic problems of the study of the Russian substandard: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences. Moscow. 2001. 30 p. (in Russ.).
5. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. Perevod s nemeckogo pod red. GV Ramishvili = Selected Works on Linguistics. Translated from German, edited by GV Ramishvili. Moscow: Progress, 1984. 397 p. (in Russ.).
6. Kalugina EN. Kontsepty «muzhchina» i «zhenshchina» v substandarte russkogo i angliyskogo yazykov = The concepts of «man» and «woman» in the substandard of the Russian and English languages: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Stavropol. 2008. 24 p. (in Russ.).
7. Kudinova TA. Standart i substandart v yazyke: k obosnovaniyu ponyatiy = Standard and substandard in language: towards the substantiation of concepts. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16256853> (accessed 14.05.2024). (in Russ.).
8. Lysikova IV, Fayzieva GV. The genesis of gender research issues in linguistics. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of the Kalmyk University*. 2023;(1(57)):59-65. DOI 10.53315/1995-0713-2023-57-1-59-65. (in Russ.).
9. Lysikova IV. The study of feminine and masculine names in English and Russian sub-standard vocabulary: a comparative analysis. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2023;(2):63-68. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54090424> (accessed 12.05.2024). (in Russ.).
10. Metel'skaya EV, Ryabichkina GV. Slovar' substandartnoy leksiki (zhargon, argo, sleng) russkogo i angliyskogo yazykov. Zoonimy = Dictionary of sub-standard vocabulary (jargon, argot, slang) of Russian and English languages. Zoonyms. Astrakhan: Sorokin Roman Vasil'evic. 2011. p. 155. (in Russ.).
11. Ryabichkina GV. Leksikograficheskoe opisanie leksicheskogo substandarta russkogo yazyka: istoriya, problemy, perspektivy = Lexicographic description of the lexical substandard of the Russian language: history, problems, prospects. *Voprosy lingvistiki i literaturovedeniya = Questions of linguistics and literary criticism*. 2009;(1):22-26. (in Russ.).
12. Ryabichkina GV. K razrabotke teorii sotsial'noy leksikografii = Towards the development of the theory of social lexicography. Osnovnye problemy sovremennogo yazykoznaniiya: sbornik statey Vserossiyskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) = The main problems of modern linguistics: collection of articles of the All-Russian Conference (with international participation). Astrakhan. 2007. pp. 71-74. (in Russ.).
13. Hartmann RR. K Dictionary of Language and Linguistics. London, Applied Science Publishers, 1972. 302. Available at: <https://archive.org/details/dictionaryoflang00hart/page/218/mode/1up> (accessed 06.02.2024).
14. Hotten, John Camden. A Dictionary of Modern Slang, Cant, Vulgar Words. London. 1860. 324 p. Available at: <https://archive.org/details/dictionaryofmode00hottiala/page/6/mode/2up?view=theater> (accessed 11.02.2024).
15. Jespersen, Otto. Language: its nature, development and origin. London: G. Allen & Unwin, Ild. 1922. R. 236-254. Available at: <https://archive.org/details/afa5370.0001.001.umich.edu/page/244/mode/2up?view=theater> (accessed 11.02.2024).

16. Lakoff, R. *Language and Woman's Place*. New York: Harper and Row. 1975.
17. Mauthner, Fritz. *Beiträge zu einer Kritik der Sprache / Fritz Mauthner // Band 1 (Zur Sprache und Psychologie)*, 3. Auflage: Stuttgart: Berlin. 1921. (in Germ.).
18. Partridge, Eric. *Slang To-day and Yesterday*. 1954. 496 p. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766/page/n13/mode/2up?view=theater> (accessed 14.05.2024).

Информация об авторах

Г. В. Файзиева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций.

И. В. Лысикова — аспирант кафедры английского языка, лингводидактики и перевода.

Information about the authors

G. V. Fayzieva — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of the English Language and professional communications.

I. V. Lysikova – Postgraduate student at the Department of the English Language, linguodidactics and translation.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 137–139.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496)):137-139.

УДК 81`255.2

doi: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-137-139

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ЛЖЕНАУКА СУЕВЕРИЙ, ИЛИ РАССЛЕДОВАНИЕ МНОГИХ ПОПУЛЯРНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ И ОБЩЕПРИНЯТЫХ ИСТИН» СЭРА ТОМАСА БРАУНА В ПЕРЕВОДЕ О. Г. СИДОРОВОЙ (ISBN 978-5-7996-3750-7)

Елена Владимировна Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, 0000-0003-4254-4439,
Scopus Author ID: 26034958400

Аннотация. Книга английского писателя, философа и врача XVII в. Томаса Брауна, впервые представленная на русском языке в переводе О. Г. Сидоровой, является важным этапом в развитии научного мышления Европы. Переводчик успешно справляется с задачей передачи сложного историко-культурного контекста произведения, используя гармонизирующую стратегию перевода, которая сочетает сохранение уникальных черт оригинала с ориентацией на современного иноязычного читателя. Это позволяет избежать как искусственной архаизации, так и чрезмерной модернизации текста, обеспечивая его доступность и актуальность для современной аудитории.

Ключевые слова: перевод, гармонизирующая стратегия, исторический контекст, межкультурный аспект, временной фактор, синхронизирующая стратегия, историзирующая стратегия

Для цитирования: Шелестюк Е. В. Рецензия на книгу «Лженаука суеверий, или Расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин» сэра Томаса Брауна в переводе О. Г. Сидоровой (ISBN 978-5-7996-3750-7) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 137–139. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-137-139.

Original article

REVIEW OF THE BOOK “PSEUDODOXIA EPIDEMICA, OR ENQUIRES INTO VERY MANY RECEIVED TENENTS AND COMMONLY PRESUMED TRUTHS” BY SIR THOMAS BROWNE TRANSLATED BY O. G. SIDOROVA (ISBN 978-5-7996-3750-7)

Elena V. Shelestiuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, 0000-0003-4254-4439, Scopus Author ID: 26034958400

Abstract. The book by the English writer, philosopher and physician of the 17th century Thomas Browne, first presented in Russian in the translation by O. G. Sidorova, is an important stage in the development of scientific thinking in Europe. The translator successfully copes with the task of conveying the complex historical and cultural context of the work, using a harmonizing translation strategy that combines the preservation of the unique features of the original with a focus on the modern reader. This allows avoiding both artificial archaization and excessive modernization of the text, ensuring its accessibility and relevance for the Russian-speaking audience.

Keywords: translation, harmonizing strategy, historical context, intercultural aspect, time factor, synchronizing strategy, historicizing strategy

For citation: Shelestyuk EV. Review of the book “Pseudodoxia Epidemica, or Enquires into Very Many Received Tenents and Commonly Presumed Truths” by Sir Thomas Browne translated by OG Sidorova (ISBN 978-5-7996-3750-7). *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(2(496)):137-139. (In Russ).* DOI: 10.47475/1994-2796-2025-496-2-137-139.

Книга английского писателя, философа и врача XVII в. сэра Томаса Брауна представляет собой увлекательное сочинение, в котором автор исследует различные распространенные заблуждения своего времени. Это издание впервые представлено читателю на русском языке благодаря переводу О. Г. Сидоровой, профессионального филолога и переводчицы, доктора филологических наук, профессора Уральского федерального университета. Книга представляет интерес для тех, кто интересуется широким спектром вопросов по истории науки, медицины и развитию научно-го мышления в Англии XVII в.

В своем произведении Томас Браун критически анализирует множество популярных представлений о природе, животных, человеке и библейских событиях. Каждая глава посвящена опровержению конкретного мифа или предрассудка, что делает книгу своеобразной энциклопедией развенчаний мифов и лжи с точки зрения науки и логики. Среди актуальных для своего времени тем, затронутых Томасом Брауном — опровержение утверждений о том, что слоны лишены суставов; развенчание мифа о лошадях без желчного пузыря; критика представления о василиске, якобы способном обитать в огне; рассмотрение вопроса существования единорога в природе; анализ библейского сюжета об Адаме и Еве и многие другие. Автор опирается как на собственные наблюдения и эксперименты, так и на труды своих предшественников и современников.

Произведение Брауна можно рассматривать как важный этап в развитии научного мышления в Европе. Оно демонстрирует переход от средневекового мировоззрения к научному подходу Нового времени, сочетая в себе элементы обоих периодов. Также книга может послужить прекрасным примером ранней научно-популярной литературы, сочетающей строгость научного подхода с литературной выразительностью.

Томаса Брауна отличает богатая эрудиция, он свободно цитирует античных авторов, средневековых ученых и современных ему исследователей. Впечатляют его глубокие знания истории религии, священных текстов, трудов религиозных философов и теологов, различных переводов Библии и прочего. В «Вульгарных ошибках» Браун ставит целью интеллектуальное воздействие на читателя, что определяет логическую структуру текста, насыщенного цитатами, аллюзиями, апелляциями к авторитетам, здравому смыслу и практическому опыту адресата.

Примечательно, что при всем своем стремлении к научности, автор остается глубоко верующим человеком, что проявляется в его отношении к библейским текстам. Вера Брауна основана на глубоком личном интересе к пониманию деталей бытия. Он не сомневается в божественной природе мира и рассматривает человеческое стремление к знанию неоднозначно, полагая, что человек должен воздерживаться от окончательных выводов и ожидать ответа на свои вопросы в Судный день.

Перевод прозы Томаса Брауна, как и западной философской прозы XVII в. в целом, на русский язык представляет собой сложную задачу, требующую особого подхода к воспроизведению историко-культурной специфики. Английский и русский языки в этот период находились в разной семиотике времени и культуры, или в разном «времени культуры» [3]. Русская литература того времени носила преимущественно сложный и духовный характер, продолжая традиции византийского витийства, английская же демонстрировала эмпиризм, большую простоту и наукообразную точность, чтобы быть понятной широкому кругу читателей. Полагаем, что достижение баланса между точностью воспроизведения исторического контекста и доступностью текста для современного иноязычного читателя явилось несомненным успехом переводчика. Оно позволило сохранить как уникальные черты оригинала, так и его коммуникативную функцию.

В переводе исторических текстов ключевыми факторами являются временной и межкультурный аспекты. Временной фактор связан с разницей в коммуникативных условиях между оригиналом и переводом, отсюда возможны как синхронизирующая (модернизирующая), так и историзирующая (охранительная) стратегии перевода [2]. О. Г. Сидоровой была избрана третья, гармонизирующая стратегия, учитывающая контекст оригинала, но ориентированная на современного иноязычного читателя. В результате удалось избежать как искусственного анахронизма, так и излишней модернизации, был достигнут баланс между исторической точностью и актуализацией текста для современного восприятия.

В лице нарратива и рассуждений Томаса Брауна показан срез языкового сознания культурного слоя населения Англии XVII в., при этом произведение адресовано как классовой «ровне», высшим и образованным слоям общества, так и простому народу. Точность передачи языка оригинала

обеспечивает глубокое погружение читателя в атмосферу XVII столетия, позволяя ощутить тот переломный момент, когда наука начала освобождаться от гнета суеверий и догматизма.

Особое внимание стоит уделить тому, как О. Г. Сидорова справилась с передачей религиозных мотивов, присутствующих в книге. Как упоминалось выше, Браун, несмотря на свою приверженность науке, оставался глубоко верующим человеком, и это находит отражение в его подходе к библейским сюжетам. Переводчица бережно сохранила баланс между научным рационализмом и религиозной убежденностью автора, что позво-

ляет современному читателю лучше понять мировоззрение Брауна и его эпоху.

Издание снабжено ценными комментариями переводчика и подробным введением, которые помогают современному читателю лучше понять контекст создания книги и значение ее для своего времени. Перевод О. Г. Сидоровой не только открывает русскому читателю доступ к важному труду Томаса Брауна, но и делает его чтение максимально комфортным и информативным. Он передает содержание и дух оригинальной книги, сохранив ее уникальность и актуальность для современного читателя.

Список источников

1. Браун Томас (1605–1682). Лженаука суеверий, или Расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин / Томас Браун; перевод с английского и комментарии: О. Г. Сидоровой. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. 318, [1] с. : ил. (Уральская гуманитарная инициатива / Урал. федер. ун-т). ISBN 978-5-7996-3750-7.
2. Попович А. Проблемы художественного перевода: Учеб. пособие. Пер. со слов. М.: Высш. школа, 1980. 199 с.
3. Сидорова О. Г. Проза для пытливых умов. О сэре Томасе Брауне из Нориджа, его творчестве и переводе // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 139–154.

References

1. Browne Thomas. Pseudodoxia Epidemica, or Enquires into very many received tenents and commonly presumed truths / Thomas Browne; transl. and comments by OG Sidorova. Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2023. 324 p.: ill. ISBN 978-5-7996-3750-7. (in Russ.).
2. Popovich A. Problemy khudozhestvennogo perevoda = Problems of Literary Translation: Textbook. Trans. from Slovak. Moscow: Higher. school, 1980. 199 p. (in Russ.).
3. Sidorova OG. Prose for inquisitive minds. About Sir Thomas Browne of Norwich, his work and their translation. *Voprosy literatury*. 2020;(4):139-154. (in Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Shelestyuk — Doctor of Philology Sciences, Associate Professor.

Рецензия поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The review was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication 20.12.2024.

The author declares no conflicts of interests

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.